ISSN 0207 — 7167

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 6

Йошкар-Ола 1987

Ш 166. 32
В 74

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории

В сборник вошли статьи, посвященные изучению разных разделов марийской ономастики: топонимии, орнитонимии, фитонимии.

На основе глубокого анализа архивных и полевых материалов раскрывается их происхождение, определяется относительная хронология их возникновения.

Сборник может быть полезен лингвистам, этнографам, археологам, историкам, занимающимся изучением финно-угорских и тюркских народов, а также всем тем, кто интересуется происхождением собственных имен.

Научный редактор и составитель
профессор И. С. ГАЛКИН

4—86

© Марийский научно-исследовательский институт, 1987

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последнее десятилетие в Марийской АССР работа по изучению различных видов собственных имен заметно оживилась: издано пять выпусков специализированного сборника статей «Вопросы марийской ономастики», защищено ряд кандидатских диссертаций, опубликовано множество статей, которые вызвали живой интерес среди населения республики и за ее пределами. Теперь мы смело можем сказать, что марийская ономастика твердо стала на ноги и находится на верном пути.

Очередной выпуск сборника включает в себя статьи, посвященные различным аспектам марийской ономастики: топонимии, орнитонимии, фитонимии.

В статье профессора И. С. Галкина сделана попытка дать относительную хронологию возникновения географических названий в Марийском крае. Вопрос этот рассматривается совершенно по-новому, нежели до сих пр.

Статья профессора Л. Ш. Арсланова в некоторой мере перекликается со статьей И. С. Галкина. Она посвящена истории возникновения топонимов на территории Татарской АССР. Статья интересна тем, что в ней автор на основе топонимических названий вскрывает вопросы миграции населения рассматриваемого региона.

В статье В. В. Кузнецова делается историко-этимологический анализ названий населенных пунктов Моркинского района МАССР. Она является как бы продолжением его предыдущей статьи, опубликованной в выпуске 5.

А. С. Ефремов свою статью посвятил историческому развитию названий растений в марийском языке.

Статья А. Г. Иванова на основе архивных данных дает новое толкование происхождения названия села Юрино.

В. Н. Васильев в своей работе рассматривает историю изучения марийских орнитонимов. Статья интересна не только своим содержанием, но и материалами, собранными из различных источников.

Статья Н. И. Исанбаева знакомит с результатами лингвогеографического анализа татаризмов в марийском языке, которые способствуют более полному раскрытию особенностей этноязыковых контактов разных групп марийцев с казанскими татарами, позволяют наглядно демонстрировать их сходство и различие в степени влияния татарского языка.

Настоящий выпуск отличается от предыдущих еще и тем, что в него впервые включены рецензии на ономастические работы марийских лингвистов. Они несомненно помогут улучшению будущих ономастических исследований.

И. С. Галкин

ДРЕВНЕЙШИЕ ПЛАСТЫ МАРИЙСКОЙ ТОПОНИМИКИ

Географические названия марийского края по своему происхождению делятся на несколько хронологических пластов, отражая тем самым процесс постепенного заселения этой территории и передвижения по ней различных племен и народов.

Археологами установлено, что уже 20—30 тысяч лет назад на территории Марийской АССР появились люди. Но задержались они здесь не долго, ушли на север, оставив о себе знать лишь Юнга-Кушергинской стоянкой (Архипов 1976:10). По-видимому, от них не осталось никаких географических названий. Наукой не установлено, была ли сразу после этого заселена территория Марийской АССР. Известно лишь, что примерно 12—14 тысяч лет назад на территории Марийской АССР появились другие люди. С этих пор территория Марийской республики не пустовала. А уже в неолите, т. е. примерно 5—7 тысяч лет назад, она была заселена сплошь по берегам рек и озер (Архипов 1976:19). С этого времени, надо думать, территория Марийской АССР обогатилась различного рода географическими названиями, главным образом водоемов: рек, озер, болот и т. д.

Самые древние топонимы, считавшиеся неподдающимися объяснению при помощи современных языков, вызывали и вызывают большие споры среди ученых. К ним относятся географические названия на *-га, -ша, -са, -за, -жа, -ма, -да, -та*, ср. *Ронга, Юнга, Шурма, Нурма, Турша, Липша, Нурда, Немда, Нюхта, Тужа, Луза* и. т. д. Б. А. Серебренников связывает их с каким-то неизвестным населением, проживавшим в Волго-Окском междуречье до прихода сюда финно-угров (1955:28; 1968:46; 1981:162). Финский же ученый Д. Европеус считал их следами пребывания на этой территории древних угров. Действительно, сходные, иногда

совершенно одинаковые географические названия на *-га, -ша, -за, -жа, -ма, -да, -та* охватывают обширнейшую территорию, они встречаются почти на всем Севере европейской части СССР и в Западной Сибири.

Это говорит о том, что на данной обширной территории или проживали люди, говорившие на одном языке или на близкородственных языках, или же эти названия были перенесены в процессе миграции. По нашему глубокому убеждению, было и то, и другое, т. к. по данным археологии заселение, например, территории Карелии проходило в X—IX тысячелетии до н. э., т. е. приблизительно на одно-два тысячелетия позднее территории Марийского края. Такие гидронимы как Шуя, Шуньга, встречающиеся на территории Марийской и Карельской АССР, несомненно, перенесены в процессе миграции части населения с Волго-Окского междуречья на северо-запад и север.

Если учесть, что древние финно-угры, равно как и уральцы, были рыболовами и охотниками, то, естественно, в их языке для обозначения различного типа водоемов употреблялись разные слова, которые с течением времени вышли из употребления и сохранились лишь в гидронимах. Кроме того, надо полагать, что язык древних финно-угров не был бездиалектным. В диалектах могли существовать для наименования одного и того же географического объекта разные слова или одним и тем же словом могли обозначаться разные географические объекты.

В современных уральских языках мы находим немало различных слов для обозначения водоемов. В древности же, когда рыболовство и охота были главными средствами существования, а леса и водоемы — главными источниками добычи средств к существованию, надо думать, таких слов могло быть и больше. Известно, что в истории народов условия жизни всегда определяли разнообразие того или иного слоя лексики. Это мы видим и теперь в названиях водоемов современных уральских языков. Например: **мар.** *вӱд* «вода, река», *энер* «река», *корем* «овраг, река», *икса* «залив, проток», *пӱя* «пруд», *памаш* «родник», *вож* «родник, река», *памашшинча* «родник, ключ», *йогын* «течение», *таве* «колодец», *мучаш* «исток, конец», *тӱн* «устье, основа», *агур* «омут», *ер* «озеро», *кашка* «порог» и т. д.; **фин.** *vesi* «вода, река», *joki* «река», *kymi* «большая река шире

200 метров», *jolma* «проток», *virta* «течение», *vuoto* «течение», *meno* «течение», *oja* «ручей», *puro* «ручей», *lähde* «родник», *järvi* «озеро», *lampi* «озеро», *suo* «болото», *kaivo* «колодец»; **коми** *ва* «вода, река», *ю* «река», *ёль* «лесная речка, ручей в лесу», *шор* «ручей», *вис* «проток», *куа* «залив, заводь», *вож* «приток, ответвление», *чер* «приток», *ты* «озеро», *вад* «озеро», *нюк* «овраг, ложбина речки», *гöп* «маленькое озеро», *нюр* «болото»; **удм.** *ву* «вода, река», *шур* «река», *ошмес* «родник», *кам* «большая, обширная вода», *тымет* «пруд», *вудор* «ключ», *саес* «рукав», *öр* «ручей, русло», *кож* «залив, затон, омут», *вай* «приток, речка», *йыл* «верховье, исток реки», *вопс* «устье реки», *нюк* «лог, овраг, балка», *гоп* «яма, лощина», *нюр* «болото», *ты* «озеро», *сюм* «залив»; **морд. Э.** *лей,* М. *ляй* «река», *лисьмапря* «родник», Э. *чудерькс,* М. *шудерькс* «ручей», *шяй* «болото», *лисьма* «колодец», Э. *эрьке* «озеро», *чудема,* М. *шудема* «течение», М. *ёв* «речка»; **хант.** *йогын* «река», *егы* «речка», *ел, елä* «ключ, родник», *йыӈк* «вода», *сäв, сап* «ручей, являющийся протоком между озером и рекой или между озерами», *сайым, суймым* «лог, овраг, ложбина», *тох* «озеро», *мыгсем* «родник, ключ», *мугыт* «проток, рукав реки», *сöм* «ручей»; **манс.** *вит* «вода», *тоо* «озеро», *тур* «озеро», *я* «река», *ахт* «проток», *посал* «проток», *союм* «родник, ручей», *келыг* «травянистое болото», *няр* «моховое болото», *хори* «болото с кочками и омутами», *ов* «течение реки», *хулюм* «нерестовая речка», *сос, шош* «ручей», *юм* «речка»; **венг.** *víz* «вода», *örvény* «водоворот», *öbol* «залив», *forrás* «родник», *tó* «озеро»,*láp* «болото», *macsár* «болото», *folgó* «река», *patak* «ручей», *ár* «большая река», *ér* «речка», *tóva* «пруд»; **саам.** *vei* «река», *vilme* «ложбина, река с высокими берегами с глубоким руслом», *vuaijé* «ручей, река», *to* «озеро», *vuonna* «длинный узкий залив», *tave* «глубокое море, открытое море», *tšattsᵉ* «вода», *suɛŋŋa* «болото», «травянистое болото», *riopp* «болото», *puᵊbpe* «маленький водопад», *pussi* «маленький водопад», *ponna* «трясина», «болото», *pudds* «узкий глубокий речной залив», *poutas* «рукав, проток», *tana* «озеро, через которое протекает река», *loašš* «небольшое озеро (ламбушка)», *lusme* «длинный залив на озере», *luobbal* «речное озеро», *luyta* «залив», *leakša* «ложбина, низина», *lambpe* «болото, топь», *laDDᴬ* «небольшое озерко», *kopp* «маленький залив», *kaulem*

«маленький залив с узким входом», *karrev* «болото. топь с соснами», *jer^{e}m* «омут за порогом», *jайrre* «озеро», *jeGGE, jäŋk* «болото, топь», *jeanne, jaan* «большая река с озерами»; **ненец.** *то* «озеро», *хасарё* «заболоченное озеро», *лымбад* «болото», *сабол^{э}(д)* «болото», *монгга* «болото» *и'(д)* «вода», *хэ* «водоворот», *паха* «залив», *мал* «исток», *сё* «проток», *парод* «проток», *юн* «проток», *юнко* «речка», *яха* «река», *ям^{с}* «большая река, море», *яхако* «ручей», *пензя* «высохший ручей с крутыми берегами», *тарка* «приток», *енд* «течение».

Из приведенного списка наименований водоемов в уральских языках отчетливо видно, что разнообразие их полностью зависит от природных условий ландшафта мест проживания того или другого народа. Так, например, в языках народов, проживающих в тундре (ненцы, саамы), имеется несколько слов для обозначения различных видов болот, чего мы не видим в языках народов, живущих в лесной зоне (коми, ханты). Но в их языке имеются особые слова для обозначения различных ручейков. Финский и саамский языки особенно богаты названиями различного типа озер.

В некоторых из приведенных уральских названий водоемов ненец. *сё* «проток», хант. *сяв* «ручей, являющийся протоком между озерами или реками», коми *ты,* ненец. *то,* венг. *to* «озеро», ненец. *ям* «большая река», манс. *юм* «речка», нам кажется, можно увидеть источники, из которых могли возникнуть гидроформанты *-ша (-жа), -са (-за), -ма, -та (-да).*

Чтобы убедиться в правоте нашего предположения, рассмотрим названия рек и озер с указанными гидроформантами и топоосновой на *-ша, шу-, шо-, су-.* Начнем с гидроформанта *-ша.* Этот гидроформант занимает довольно обширную территорию — от Марийской АССР до восточной части Ленинградской области. Однако основная масса гидронимов с этим формантом, несомненно, расположена на территории Марийской АССР и Горьковской области. Например, в Горьковской области, по данным Л. Трубе, имеется три реки на *-ша:* р. *Кеторша* правый приток р. Пьяны, р. *Теша* правый приток р. Оки, р. *Шерша* правый приток р. Большой Кутры; на территории Марийской АССР можно назвать такие реки как р. *Упша,* р. *Липша,* р. *Кульша,* р. *Орша,* р. *Курша,* р. *Турша;* на территории Чувашской АССР: р. *Шумша;* на территории Татарской АССР,

р. *Мёша* правый приток р. Камы; на территории Архангельской области р. *Мокша* правый приток р. Онеги; на территории Ленинградской области: р. *Паша* с правым притоком р. *Капша.* Сама же р. *Паша* впадает в Ладожское озеро у устья р. Свирь. Таким образом, речные названия на *-ша* тянутся узкой полосой от р. Волги, где в нее впадает р. Кама, на северо-запад до р. Свири.

Что представляет по своему происхождению гидроформант *-ша?* Одно то, что это не топоформант, а гидроформант, говорит о том, что он был искони связан с названием какого-то водоема. А так как он в настоящее время на всей территории своего распространения употребляется для обозначения рек средней величины, то можно предположить, что и в древности он употреблялся для обозначения рек или проточных вод. Так, в хантыйском языке имеется слово *сäв, сап,* которое обозначает «ручей, являющийся протоком между озерами или реками»; в мансийском языке ему, очевидно, соответствует *шош* «ручей», а в ненецком языке — слово *сё* «проток». Гидроформант *-ша,* по-видимому, своим происхождением восходит, как показывают приведенные слова, к уральскому слову **са (со)* или **сав (сов)* «река, проточная вода, ручей». В гидроформанте *-ша* первоначальный согласный *с* диалектально перешел в *ш.*

Древнеуральское слово **са (со, су)* или **сав (сов, сув)* «проточная вода, река, ручей, проток», приобретшее в некоторых диалектах финно-угорского праязыка, главным образом в диалектах, легших в основу вепсского, пермских, волжских и карельского языков, превратилось в *ша (шо, шу)* или *шав (шов, шув).*

Э. Эрнитс предполагает, что в уральские языки в древние времена проникло пратунгусо-манчжурское слово* *сэта (сыма)* со значением «река» или «водоем», которое сохранилось в самоназвании саамов, *sabme* прибалтийско-финского племени *häme,* в венгерском *semlyék* «болотистый, мокрый луг», хантыйском *sŏm* «ручей» (Эрнитс 1984:126—127). Так ли это было — трудно сказать, но общность названных слов вполне вероятна. Поэтому можно предположить, что хантыйское *сäв, сап* «ручей, являющийся протоком между озерами и реками» и восстанавливаемое нами уральское слово **са*

(со, су) или **сав (сов, сув)* могли быть фонетическими вариантами того же *sə̈ma* «водоем» или «река».

Переход начального согласного *с* в *ш,* по-видимому, произошел не во всех финно-угорских диалектах. Об этом говорят речные названия на *-са,* встречающиеся почти на той же территории, на которой встречаются речные названия на *-ша,* ср., например; р. *Нюлса,* р. *Юса* в Удмуртии, р. *Пипса-шор* в Коми АССР; р. *Байса,* р. *Нуса* — в Кировской области, р. *Нуса* — в восточной части Татарской АССР.

Несомненно, речные названия на *-са* являются фонетическими вариантами названий на *-ша,* оставленными *с*-овыми диалектами финно-угорского праязыка.

А как же быть с речными названиями на *-су* тюркского происхождения, например: р. *Суыксу,* р. *Уруссу, Карасу* и т. д.? Что касается названий тюркского происхождения на *-су* «река, вода», то они явно поздние, поэтому их нужно рассматривать в ином хронологическом разрезе, хотя возможность их древнейшего общего источника вряд ли можно отрицать. По-видимому, форманты *-ша, -са* и *-су* когда-то, возможно, в урало-алтайское время, обозначали «воду», восходят они к одному источнику.

На той же территории, что и названия на *-ша, -са,* встречаются речные названия на *-за, -жа,* ср. р. *Унжа* в Марийской АССР, р. *Унжа,* впадающая в Горьковское водохранилище, речка *Унжица* в Архангельской области, р. *Ковжа* в Вологодской области, впадающая в Белое озеро, р. *Тужа* в Кировской области, р. *Нужа* в МАССР, р. *Южа* в Марийской АССР и р. *Южа* в Ивановской области, р. *Пержа* в Кировской области, р. *Сиза* в Татарской АССР и болото *Сузваж,* т. е. «Исток Сузы» в Марийской АССР, р. *Луза* в Татарской АССР, р. *Луза* правый приток р. Юга, р. *Лужа* и р. *Люжа* (ЦГАДА), р. *Лыжа* в Коми АССР, р. *Пенза* в Архангельской области, ср. р. *Пеша* на территории Ненецкого национального округа в той же области, р. *Межа* в Костромской области и р. *Межа* в Калининской области, р. *Кобожа* на территории Вологодской и Новгородской областей, р. *Тёбза* — левый приток реки Костромы, р. *Сямжа* в Вологодской области (ср. *Сямозеро* в Карелии).

Нет никакого сомнения в том, что гидроформанты *-за, -жа* являются звонкими вариантами гидроформан-

тов *-са, -ша.* Ареал распространения речных названий на *-ша, -са, -за, -жа* не ограничивается только Волго-Окским междуречьем. Он, как видно из примеров, намного обширнее Волго-Окского междуречья и полосой тянется от Волго-Камья на северо-запад Европейской части СССР, если не считать отдельных речных названий, расположенных несколько дальше названного региона. Но основная же масса этих названий расположена по руслу р. Волги. В том, что *-за, -жа* являются фонетическими вариантами *-са, -ша,* можно легко убедиться на таких примерах: как: р. *Мёша,* впадающая в Куйбышевское водохранилище и р. *Мёжа* — левый приток р. Унжи и левый приток р. Западной Двины; р. *Песь* — правый приток р. Чагода; р. *Пеша,* впадающая в Чешскую губу Баренцова моря; р. *Пеза* — правый приток р. Мезени; р. *Нуса* на территории Татарской АССР и р. *Нужа* на территории Марийской АССР, не говоря уже о вышеназванных разнокоренных речных названиях на *-са, -ша, -за, -жа.*

Гидроформант *-ша,* как мы убедились, первоначально был знаменательным словом со значением «река, проток, проточная вода, ручей». Фонетические варианты его являются первоначальными диалектными вариантами, появившимися в различных фонетических условиях, звонкие варианты появились после сонорных согласных и между гласными, ср. р. *Унжа,* р. *Тужа* и. т. д. Глухие же варианты всецело зависели от фонетических закономерностей территориальных диалектов и племенных языков, ср. финск. *suoli,* эст. *sool* «кишка», мар. *шоло,* кар. *šuoli* «тж».

С мнением А. К. Матвеева о том, что в двусложных названиях рек нельзя выделять речной суффикс *-ша, -жа,* вряд ли можно согласиться. Существующие коррелятивные пары топонимов, обозначающие смежные объекты (озеро и реку, вытекающую из этого озера), в которых за элементом *-ша* следует русское «озеро», ср. *Андозеро — Анда, Немшозеро — Немша, Токшозеро — Токша* и т. д., говорят именно о том, что речные названия на *-ша* весьма древние, хотя они и производные (Серебренников 1966:63). Но прибалтийскими финнами, тем более русскими, были восприняты как непроизводные, ср. мар. р. *Кинер<кӱан* «каменистый»+ *энер* «река». А о чистой основе, утратившей детерминант, как об этом думает А. Матвеев, говорить нельзя

(Матвеев СФУ, 1965, № 3:208). К тому же двухсложные названия рек с явно выделяемыми детерминантами у тех же пермских народов, о которых говорит А. Матвеев, широко распространены, ср. *Мош-ю, Нов-ю* (Матвеев 1965:209), поэтому для отрицания детерминанта *-ша, -жа* в двухсложных названиях нет достаточных оснований: они могли возникнуть у уральских племен и раньше, ср. также р. *Шанер*<*ша*+*энгер* «река Ша» и ойконим *Шанер* в Советском районе МАССР.

Нельзя, по-видимому, во всех названиях речной суффикс *-ша, -жа* считать одним и тем же, что и речной суффикс *-кша (кса),* т. е. его усеченным вариантом. Во многих случаях их надо рассматривать отдельно как разные по происхождению форманты, представлявшие сначала разнокоренные слова, ср. мар. *икса* «залив, проток» и р. *Икша,* мар. оз. *Ерыкша* из *ер* «озеро»+*икса* «проток», кар. *Ювалакша* из *jyvä* «зерно»+*laksa* «залив». Подобные образования поздние, одни из них марийско-мерянские, другие — карельско-вепсские.

Правильно критикуя Ф. Егорова (1929:20) и повторившего его Л. Трубе (1962:173), выводящих название реки *Унжа* из марийского слова *ӱнгшӧ* «тихий, спокойный», Ф. Гордеев, как нам кажется, не довел свою мысль до конца, считая это название одного происхождения с селькупским *унджа* «лог, ручей», которое, очевидно, само сложного образования: *унд*+*жа*(<*ша*).

Рассмотрим в связи с этим речные названия с топоосновой *Шу-*.

а) Шуя

Речное название *Шуя* с фонетическими вариантами *Шоя, Шая, Шой* несколько раз встречается на территории Марийской АССР. Все они главным образом обозначают небольшие речки: рр. *Шоя* по-марийски *Шой энгер* в Куженерском и Медведевском районах, р. *Шуйка* по-марийски *Шуйко вӱд* в Звениговском районе, р.р. *Шуй* по-марийски *Шуй вӱд* в Советском, Куженерском и Новоторъяльском районах, р. *Шуйка* в Оршанском районе, р. *Шойка* на территории Куженерского района. В одном случае на территории Волжского района такое название носит озеро *Шуйер* «озеро Шуй». На территории Яранского района Кировской области есть речка *Шуя,* под таким же названием имеются реки в Костромской

(левый приток р. Немды), Ивановской (левый приток р. Клязьмы), Горьковской (левый приток р. Ветлуги) областях и Карельской АССР (впадает в Онежское озеро).

Этимологически речное название *Шуя*, по всей видимости, распадается на две составные части: *Шу* «вода, река, болото»+*я* «река, речка, проток».

Что касается топоосновы *Шу-*, то о ней сказано выше. Относительно же гидроформанта *-я* существует мнение, что он представляет собой не что иное как обско-угорское *я* «река», ср. манс. *я* «река». Правда, позднее было высказано другое мнение, по которому формант *-я* восходит к пермскому *ю* «река», ср. коми *ю* «река», вариант же *-я* является результатом русской адаптации (Кривощекова-Гантман 1965:224, Галкин 1967:206). Это действительно так, если говорить о речных названиях на *-я*, расположенных на современной и былой территории проживания пермских народов. Но этого нельзя сказать о речных названиях, расположенных на былой территории муромы, мери, веси и заволоцкой чуди, несмотря на их полное материальное тождество. Речных названий на *-я* особенно много на территории проживания пермских народов и обских угров. Так, например, на территории Удмуртской АССР встречаются реки: *Кушья, Лопья, Нырья, Пыжья* и др.; на территории Пермской области: *Шерья, Парья, Лупья;* на территории Коми АССР: *Турунья, Гудырья, Турья, Лупья, Воя;* на территории Татарской АССР: *Сырья, Юмья, Турья, Нырья;* на территории Марийской АССР: *Тумья, Тунья,* оз. *Турья, Руя, Оръя, Кумъя, Пижанья, Кудежъя;* на территории Кировской области: *Руя, Воя, Куртья, Патья;* на территории Горьковской области: *Аръя, Вая;* на территории Костромской области: *Шаръя, Нея;* на территории Ханты-Мансийского автономного округа: *Мулымья, Манья* и др., на территории Архангельской области: *Устья.* Г. Керт и Н. Мамонтова гидроформант *-я* на территории Карелии объясняют с некоторой натяжкой из прибалтийско-финского *joki* «река», а топооснову *Шу-* — из карельского *šuo* «болото». Таким образом, речное название *Шуя,* по мнению Г. Керт и Н. Мамонтовой, сложилось из двух слов *šuo* «болото»+*joki* «река»>*šuojoki*>*šuoju*>*šuja* (Керт, Мамонтова 1982:96). Правда, финский ученый Я. Калима считал, что это название не прибалтийско-финского, а

славянского или мерянского происхождения (Калима 1935:131—141).

В объяснении структуры речного названия *Шуя* Г. Керт и Н. Мамонтова близки к истине, в определении языковой принадлежности его более прав Я. Калима, хотя и он совсем не точен.

Несомненно то, что в речном названии *Шуя* выступают два компонента *Шу-* и *-я*. Вероятнее всего, *Шу-* не из карельского «болото»: он докарельский, финно-пермский, восходящий к уральскому **со (су)* или **сов (сув)*, с которым карельское слово *šuo* «болото», очевидно, генетически связано. К этому же времени относится и формант *-я*, с которым карельское *joki* «река» имеет непосредственную генетическую связь. Уральская праформа этого слова воспроизводится в виде: **joke* (Осн. ФУЯ:403).

Речное название *Шуя*, как видно, нельзя считать славянским или мерянским: оно возникло задолго до появления славян на Севере Европейской части СССР и на р. Волге, гораздо раньше возникновения мери. Но несомненно то, что создателями речного названия *Шуя* были действительно далекие предки мери, муромы, мари, вепсов, карел, коми и удмуртов.

б) Шуля

Речное название *Шуля* встречается редко: р. *Шуля* по-марийски *Шӱльӧ вӱд* в Советском районе, р. *Шулка* по-марийски *Шулко энер* в Оршанском районе Марийской АССР, р. *Шуля* в Санчурском и Яранском районах Кировской области: р. *Шӱлӓнгыр* в Воскресенском районе Горьковской области, р. *Шоля* в Красно-Четайском районе Чувашской АССР.

На территории Моркинского района Марийской АССР есть, кроме того, озеро *Шӱльӧер*. Между прочим, надо отметить, что все речки *Шуля* по-марийски в передней огласовке: *Шӱльӧ*, здесь нет ничего удивительного, так как в марийском языке заднерядный гласный *у* нередко между переднеязычными согласными переходит в переднерядный *ӱ*, ср. мар. Г. *пӱлӓ* «много», фин. *paljon*, эст. *palju* «много», мар. *кӱлеш* «надо», удм. *куле* «надо».

Речное нзвание *Шуля*, на наш взгляд, состоит из двух элементов — из топорформанта *Шу-*, который вы-

ступает также в речном названии *Шуя,* как мы в этом убедились выше, и речного форманта *-ля.* Речной формант *-ля,* иногда в варианте *-ла,* распространен менее широко, чем вышерассмотренный формант *-я.* Он встречается: р. *Ноля* в Медведевском районе, р. *Ноля* в Мари-Турекском районе, р. *Ноля* в Советском районе Марийской АССР; р. *Пишля* в Рузаевском районе, р. *Навля* в Зубово-Полянском районе, р. *Люля* в Чамзанском районе Мордовской АССР; р. *Люля* в Первомайском районе, р. *Шумерля* в Шумерлинском районе, р. *Кишля* в Красно-Четайском районе, р. *Выла* в Аликовском районе Чувашской АССР; р. *Вала,* протекающая по Можгинскому, Вавонскому и Кильмезьскому районам Удмуртской АССР. Сюда же, по всей очевидности, надо отнести и марийское название р. Ветлуга, т. е. *Вӹтлӓ,* а также названия реки *Водла* и озер *Водлозеро, Ведлоозеро* в Карельской АССР.

Как видно из примеров, речной формант *-ля, -ла* встречается почти на той же территории, что и речные названия с топоосновой *Шу-* и с формантом *-я.* Поэтому вряд ли у кого может возникнуть сомнение, что эти названия оставлены, если не одним каким-то древним финно-угорским племенем, то уж, несомненно, близкородственными племенами, положившими начало современным вепсам, марийцам, мордве, коми, удмуртам и исчезнувшим мере, мурому.

По-видимому, формант *-ля, -ла* первоначально представлял собой самостоятельное слово со значением «река, овраг с источниками», он имеет общее происхождение с мордовским мокш. *ляй,* эрз. *лей* «река, овраг с источниками». Речные названия на *ляй, -лей* весьма многочисленны на территории Мордовской АССР, ср. р. *Кирляй,* р. *Иклей,* р. *Варжеляй,* р. *Явлей,* р. *Ведьляй* и. т. д. Речные названия на *-лей* встречаются, кроме того, в Пензенской, южной части Горьковской, северной части Тамбовской, Рязанской областей и южной части Чувашской АССР, ср. *Симбилей, Мочалей, Балыклей, Чурклей, Чуварлей* и т. д.

Нельзя, конечно, считать формант *-ля, -ла* мордовским по происхождению, о чем совершенно верно заметил Б. А. Серебренников (Серебренников 1965:249). Этот формант явно домордовский. Б. А. Серебренников сомневается в том, что формант *-ль,* встречающийся в речных названиях, ср. р. Нерль, р. Нергель и др. во

Владимирской и Ярославской областях, одного происхождения с мордовским *-ляй, -лей*. С ним полностью надо согласиться, ибо речной суффикс *-ль* восходит к другому слову, ср. коми *ёль* «ручей в лесу», хант. *ел, еля* «ключ, родник», морд. *ёв* «река» (так называется река Мокша). Интересно отметить, что одна из речек в Яранском районе Кировской области имеет марийское название *Еля (<йелä)*, что полностью совпадает с вышеприведенным хантыйским названием ключа, родника.

Что касается варианта *-ла*, то он появился, по всей очевидности, в процессе отвердения согласного *л*, ср. р. *Вала* в Удмуртии и р. *Валя* и речка *Валька*, отмеченные в Кундыжской области Казанской губернии.

Некоторые лингвисты речной суффикс *-ля, -ла* связывают с суффиксом собирательной множественности *-ла* (*кож* «ель»—*кожла* «лес») или с балтийским (литво-латышским) *ляй*, ср. р. *Шауляй*, выводя его из индоевропейского слова со значением «лить, литься», ср. литовск. *liete* «лить», инд.-европ. *lie* «поток» (Цыганкин 1976:169). О том, что речной суффикс *-ля, -ла* не связан с марийским собирательным суффиксом *-ла, (-лā)*, весьма красноречиво говорят такие примеры, как мар. *Вытлä, Вӱтля* «Ветлуга» и морд. р. *Ведьляй* букв. «вода, река», т. е. «водный поток».

Что же касается связи этого речного суффикса и мордовского *ляй, лей* «река» с балтийским *«ляй»*, то она вполне возможна, но только в конце периода финно-пермской общности, т. е. где-то во II-ом тысячелетии до нашей эры.

Подобного же образования и речное название *Вала<Ва* «вода»+*ла* «ручей, река». Выводить его из предполагаемого «долина» (Гордеев 1979:190) вряд ли возможно. Названия же рек Вотла в Марийской АССР и Водла в Карелии иного образования: здесь топоосновой является *Вад-, Вод-* «луговое непроточное озеро с топкими берегами и с топким дном» (Гордеев 1983:6)+*ла* «река».

в) Шуда

Гидроним *Шуда* не имеет такого широкого распространения как гидронимы *Шуя, Шуля*. Они встречаются на той территории, что и *Шуя*, например: р. *Шуда* в Бал-

тасинском районе Татарской АССР и р. *Шуда* в Яранском районе Кировской области, р. *Шуда* (мар. *Шӱдӧ вӱд)* в Советском, Новоторъяльском районах МАССР, оз. *Шӱдер,* д. *Шӱдермары* в Горномарийском районе Марийской АССР, р. *Суда* Вологодской области, р. *Шудаяг* в Коми АССР. Причем наряду с названием рек и озер на тех же территориях существуют названия населенных пунктов, ср. с. *Шуда* в Татарской АССР, д. *Шӱдымарий* в Башкирской АССР, д. *Шудамучаш* (мар. *Шӱдымучаш)* в Кировской области, д. *Шудумарь* (мар. *Шӱдымарий)* в Сернурском, Мари-Турекском, Куженерском районах МАССР, д. *Шӱдемар* и д. *Шӱдермары* в Гономарийском районе Марийской АССР. По-видимому, с названиями на *Шу-* связаны и названия с топоосновой на *Ша-,* ср. д. *Шаде (Шогертен ял)* в Мишкинском районе и д. *Шады мучаш* в Янаульском районе Башкирской АССР, пос. *Шадер* в Яранском районе Кировской области, дд. *Шанер* в Новоторъяльском и Советском районах Марийской АССР.

Названия рек и озер *Шуда* очень соблазнительно возвести к пермскому: коми *Шуда,* удм. *Шудо* «счастливый», ср. *Шуд* «счастье». Однако вряд ли это так. Скорее всего, оно представляет гидроним с формантом *-да,* ср. *Шуя, Шуля* и, наверно, *Шуга.* В этом можно убедиться, если внимательнее посмотреть на такие марийские названия озер и рек на территории Кировской области как: озеро *Шуда,* мар. *Шӱдӧ куп;* речка *Шуда,* мар. *Шӱдӧ вӱд* или название *Шӱдемары* в Горномарийском районе Марийской АССР. В последнем легко вычленяются 3 компонента *Шӱдӹер+мары,* т. е. марийцы на озере *Шӱдӹ (Шуда).* А такое название как Танерсола в Новоторъяльском районе Марийской АССР убедительно говорит о том, что гидроформант *-та* восходит к знаменательному слову *та* «озеро или речка, вытекающая из озера». Название *Танер* несомненно состоит из *Та+энер>Танер,* т. е. «речка *Та*» или «озерная речка, речка, вытекающая из озера». Подобного же образования, видимо, и название озера *Таир<Та+ер* «озеро *Та*».

В словаре местных географических терминов Э. и В. Мурзаевых относительно *то, ты* сказано следующее: «*То, ты* — озеро, пруд (ненец., коми, удмурт), в особенности большое, рыбное, проточное. Мелкие и маленькие озерки называются *вад* и *вай.* Многие озера на

полуострове Ямал, в Большеземельской, Малоземельской тундрах называются «то»: оз. *Ямбу-То, Ней-То,* оз. *Союя-Яха-То...»* (Мурзаевы 1959:226).

Это лишний раз подтверждает нашу мысль о том, что речной суффикс *-та, -да* возник из уральского слова *То, Та* «озеро, пруд, проточное озеро». От значения «проточное озеро» до значения «протока», а далее «река» — один шаг. Поэтому в уральском происхождении речного суффикса *-та, -да* сомневаться вряд ли нужно. Отсутствие в прибалтийско-финских и волжских языках слова *то, та* «озеро, пруд, проточное озеро» не говорит о том, что их предки когда-то в далеком прошлом не знали его.

Названий на *-та* в Марийской АССР немало, ср. р. *Немда* (мар. *Лемде*) в Новоторъяльском районе, р. *Сенда,* р. *Купта,* р. *Сарда,* в Мари-Турекском районе, д. *Нюхта,* р. *Корта* в Медведевском районе, д. *Нурда* в Звениговском районе. Как видно, все названия на *-та, -да* расположены главным образом на левом, низменном и болотистом берегу р. Волги, где больше всего озер различного образования.

Если речной суффикс *-та, -да* можно этимологически связать с марийским словом *таве* «колодец», как это делает Ф. Гордеев (Гордеев 1983:252), что очень вероятно, то, надо думать, что это слово было не чуждо и предкам марийцев. Прямое соответствие марийскому *таве* «колодец» мы находим в саамском языке *tave* «глубокое море, открытое море или озеро». Первоначально слово *таве,* по-видимому, употреблялось для обозначения глубокой, большой воды. Но то, что после речного суффикса *-та, -да* в марийском языке выступают другие гидроформанты как *энер, ер,* говорит о том, что названия на *-та, -да* оставлены на этом месте не марийцами, а какими-то другими родственными племенами.

Названия на *-та, -да* менее распространены. Они занимают примерно одинаковую территорию с названиями на *-ма,* ср. р. *Суда* впадает в Рыбинское водохранилище, р. *Шогда,* левый приток р. *Суда;* р. *Люнда* правый приток р. Ветлуги; р. *Тигода* левый приток р. Волхов; р. *Нота* впадает в *Нотозеро* Мурманской области, р. *Немда* впадает в Горьковское водохранилище; р. *Немда* — правый приток р. Пижмы в Кировской области и Марийской АССР и. т. д.

Б. А. Серебренников приблизительный ареал распространения так называемого Волго-Окского типа очерчивает территорией, охватывающей Московскую, Ивановскую, Кировскую, Горьковскую, Ярославскую, Костромскую, Вологодскую, Архангельскую, Рязанскую, отчасти Смоленскую области и Мордовскую, Марийскую и отчасти Удмуртскую АССР. Нужно сюда включить еще территории Карельской и Коми АССР, где названия на *-ма, -да* встречаются редко, но встречаются, ср. р. *Вычегда* в Коми АССР, р. *Тунгуда* в Карелии, а также Кольский полуостров, ср. р. *Лотта,* р. *Нота.* Несколько названий на *-та, -да* имеется в Чувашской, Татарской и Башкирской АССР (Серебренников 1955:25).

В связи с гидронимами на *-ша, -са, -та, -да* и топоосновой *Шу-, Ша-, Су* следует сказать несколько слов и о гидронимах на *-ма,* которые территориально занимают почти тот же ареал, что и все выше рассмотренные гидронимы. Б. А. Серебренников относит их к числу так называемых Волго-Окских топонимов (Серебренников 1965:27). Весьма интересным является предположение А. К. Матвеева о тунгусо-маньчжурском происхождении речного суффикса *-ма,* который считает его субстратным явлением. По его мнению, задолго до нашей эры прототунгусские племена проникли на территорию Севера Европейской части СССР. С течением времени эти племена были отделены от основного массива тунгусо-маньчжурских народов вторжением самодийцев и кетов. Двигаясь с юга, финно-угорские племена (в первую очередь саамы, прибалтийские финны и коми) постепенно ассимилировали древнее прототунгусское население (Матвеев 1960:125).

Действительно, в тунгусо-маньчжурских языках имеется слово для обозначения воды весьма похожее на гидроформант *-ма,* ср. ороч., эвенк., эвен. *му* «вода», маньчж. *мукэ* «вода», улыч. *муэ* «вода» (ЯН СССР, т. У:64).

Названия на **-ма** к тому же, как правило, связаны с реками. Поэтому прав Б. А. Серебренников, что «речной суффикс *-ма* когда-то обозначал реку» (Серебренников 1955:28), но мысль о тунгусо-маньчжурском субстрате он отвергает (Серебренников 1959:112).

На наш взгляд, в принципе надо согласиться с мнением Б. А. Серебренникова и не искать в гидронимах

на *-ма* тунгусо-маньчжурского субстрата по той очень простой причине, что задолго до нашей эры уральские племена до разделения на самодийские и финно-угорские, очевидно, имели тесную связь с тунгусо-маньчжурскими племенами. Поэтому, естественно, уральские языки могли воспринять некоторые слова из этих языков, особенно такую лексику, которая употреблялась ежедневно. Такая общая лексика в своей основной массе сохранялась особенно в восточных районах, после разделения уральских племен и их языков на самодийские и финно-угорские. Но, конечно же, не во всех, ибо территориальная разобщенность и различного рода контакты с иноязычными племенами со временем создали условия для исчезновения ряда таких слов из современных финно-угорских и самодийских языков. Кроме того, со временем некоторые языки утратили детализацию различного вида рек и ручьев, в большинстве из них появились новые названия, произошли различного рода семантические сдвиги и т. д. Слова, обозначающие маленькие реки, речки, ручейки и ключи по сравнению с названиями крупных рек имеют свойство со временем меняться не только в разных языках, но и в диалектах одного и того же языка. Например, в марийских диалектах слово *икса* употребляется в двух значениях, горн. *икса* «проток», *луг* «залив». В большинстве луговых говоров вместо слова *энер* «река» употребляется *вӱд* «вода» или *корем* «овраг». Таким образом, за многие тысячи лет былое многообразие детализации рек, речек и ручейков в современных финно-угорских языках изменилось почти до неузнаваемости. Здесь уместно отметить лишь ту одну особенность, что языки народов, и ныне проживающих в лесных краях и занимающихся рыболовством и охотой (это прежде всего языки народов Севера и Сибири) сохранили больше древней лексики, чем языки народов, ныне меньше связанных с речным рыболовством и охотой (это относится больше к народам Европы).

Такая особенность указывает на то, что сохранение детализированных названий рек, речек, ручьев во многом зависит от развития социально-экономических условий, изменений самой природы, где проживают эти народы. Передвижение населения с места на место, смена одних природных условий другими, например, лесной зоны лесостепной или тундровой несомненно на протяжении ве-

ков вносили свои коррективы в гидронимию. Поэтому исследователю, чтобы не ошибиться, нужно быть весьма осторожным в своих выводах. И прежде чем что-либо отрицать, надо учесть все возможные варианты. Отсутствие того или иного слова во многих современных финно-угорских языках, но наличие его в топонимии, не говорит еще о том, что этого слова не было в древности, что топонимы с этим словом созданы каким-то совершенно неизвестным науке населением, тем более, если его при тщательном рассмотрении можно найти в дальних родственных языках еще более отдаленного родства.

Значит, речной суффикс *-ма* — это не тунгусо-маньчжурский субстрат, а, скорее всего, уральский или финно-угорский формант раннего периода, относящийся ко времени IV-го и III-го тысячелетий до нашей эры, но восходящий к одному источнику с тунгусо-маньчжурским *му* «вода».

Несомненно, на территории Марийского края названия на *-ма* не марийского происхождения и даже не удмуртского, о чем говорит их употребление с марийским или удмуртским гидроформантом, например, мар. *Нурмаэҥер* «река Нурма», удм. *Туймы шур* «река Тойма» и обширная территория, занимаемая гидронимами с этим речным суффиксом, которая охватывает весь Север Европейской части СССР до низовьев реки Камы и далее Сибирь, ср. р. *Нурма* в Татарии, р. *Нурма,* р. *Пукшалма,* р. *Шильма* и оз. *Шильма,* р. *Письма* в Марийской АССР, р. *Пижма* в Кировской области, р. *Пышма* в Свердловской области, р. *Ижма* в Коми АССР, р. *Клязьма* во Владимирской области, р. *Тойма* в Архангельской области, р. *Письма* в Горьковской области, р. *Кузема* в Карелии, р. *Тулома* в Мурманской области, р. *Нурма* в Вологодской области и т. д.

Некоторые названия рек удивительно напоминают друг друга и в том или ином фонетическом варианте повторяются на этой же территории, но не западнее Смоленской области, например: р. *Нурма,* р. *Норма,* р. *Нюрма,* р. *Пижма,* р. *Пышма,* р. *Письма* и т. д.

Ни один из речных суффиксов, ни *-ша (-жа),* ни *-та (-да), -ма* нельзя считать творением одного какого-либо современного финно-угорского или уральского народа. Это следы тех времен, когда еще не было уральских, даже финно-угорских народов, а были лишь родо-

племенные группы. Один их этих суффиксов (в древности несомненно самостоятельных слов) хорошо сохранился в одних племенных языках, другой — в других, поэтому мы и находим их отголоски то в современном мордовском, то в коми или мансийском, то в ненецком или марийском языках.

Территория распространения гидронимов на *-ша (-жа), -са (-за), -та (-да), -ма* указывает на путь миграции уральского населения с Волго-Камья, т. е. с юго-востока на северо-запад и с юга на север, а затем лишь на северо-восток. Передвижение населения шло медленно и, видимо, несколькими волнами. Причиной волн передвижения явились различного рода социальные, экономические условия и давление с юга других племен.

Считать эти речные суффиксы субстратным явлением какого-то нефинно-угорского населения, нам кажется, все-таки нельзя. Следами первой волны следует признать названия на *-ша (-жа), -са (-за), -та (-да), -ма.* Вторая волна, следовавшая за первой, оставила названия на *-я, -ля (-ла).* Представителями первой волны миграции на Север и Северо-Запад были, по всей вероятности, племена говорившие на каких-то древних уральских диалектах, близких к современным самодийским и угорским языкам, о чем свидетельствуют названия рек и озер на *-ша (-жа), -са (-за), -да (-та), -ма.* Возможно, сюда же относится и часть названий на *-га* типа р. *Шуга.*

Вторую волну, по-видимому, представляли предки современных пермских, волжских и прибалтийско-финских народов, о чем говорят названия на *-ля (-ла), -я.*

Между волнами миграции несомненно прошло определенное время, достаточное, чтобы оставить след на земле в виде гидронимов (древнее население главным образом располагалось по берегам рек и озер).

Вторая волна под натиском чуждого населения частью наслаивалась на первую, а частью вытеснила население первой волны еще дальше на северо-запад и север. Но, как нам кажется, между населениями первой и второй волн не было резкого разрыва в языке: различия между ними проявились волнообразно от ближнего к дальнему по расстоянию, т. е. языки территориально близких племен имели больше общих черт и общей лексики, чем языки территориально отдаленных, периферийных племен. Поэтому нет ничего удивительно-

го в том, что в современных финно-угорских языках не всегда мы находим соответствующие слова для расшифровки гидроформантов *-ша, -са, -ма, -да, -та, -я, -ля, -ла.*

На территории Марийского края, таким образом, самыми древними по своему происхождению являются гидронимы с топоосновой на *Шу-, Су-, Ша-, Са-* и гидроформантом на *-ша, -са, -за, -жа, -ма, -та, -да.* Они появились в ранний период так называемого финно-угорского праязыка после отделения финно-угров от самодийцев в конце IV-го и в III-ем тысячелетии до н. э. В это время финно-угорский праязык, надо полагать, сохранял еще немало черт и лексики уральского праязыкового периода. За ними идут гидронимы *-я, -ля, -ла.* Их появление относится ко II-му и началу I-го тысячелетия до н. э.

В ранний период финно-угорского праязыка, надо полагать, от остальных самодийцев отделились и протосаамские племена, оставившие довольно богатые следы в топонимике Карелии и некоторые отголоски на всей территории Европейской части СССР.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г. А. 1976, Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола.

Ашмарин Н. И. 1950, Словарь чувашского языка. Т. XVII, Чебоксары.

Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа.— В сб.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, 1983, Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола. Т. I, II.

Европеус Д. П. 1876, Об угорском народе.— Труды II арх. съезда. Вып. I. СПБ.

Егоров Ф. 1929, Материалы по истории народа мари. Козьмодемьянск.

Инжеватов И. К. 1979, Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск.

Керт Г., Мамонтова Н. 1982, Загадки карельской топонимики. Петрозаводск.

Кривощекова-Гантман А. С. 1965, Следы древнепермской гидронимики на «юг», «юк» в Прикамье.— Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Ленинград.

Лыткин В., Гуляев Е. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка. Москва.

Матвеев А. К. 1960, Историко-этимологические разыскания.— Ученые записки УрГУ. Вып. 36. Свердловск.

Матвеев А. К. 1965, Есть ли древнепермская топонимика в Заволжье? ж. СФУ, № 3.

Мурзаевы Э. и В. 1959, Словарь местных географических терминов. Москва.

Основы финно-угорского языкознания. Т. I, М., 1974.

Словарь географических названий СССР. Москва, 1983.

Серебренников Б. А. 1955, Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР. ж. ВЯ, № 6.

Серебренников Б. А. 1959, Топонимические загадки Сибири. Onomastica, V, Wraclaw — Krakow.

Серебренников Б. А. 1965, История мордовского народа по данным языка — В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск.

Серебренников Б. А. 1966, О гидронимических формантах *-ньга, -юга, -уга* и *-юк.*— СФУ, № 1.

Серебренников Б. А. 1968, Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? — СФУ, № 1.

Серебренников Б. А. 1981, О некоторых гидронимических загадках Прибайкалья.— Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск.

Цыганкин Д. В. 1976, Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР.— Ономастика Поволжья, № 4. Саранск.

Трубе Л. 1962, Как возникли географические названия Горьковской области. Горький.

Эрнитс Э. 1984, К происхождению уральских этнонимов с основой sa(a)m.— СФУ, № 2.

Языки народов СССР. 1968, Т. V, Монгольские, тунгусо-манчжурские и палеоазиатские языки. Ленинград.

Kalima J. 1935, Neuere Forschungen über baltischfinnische und finnisch-slavische Beziehungen.— Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII.

В. В. Кузнецов

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ МОРКИНСКОГО РАЙОНА МАССР

(историко-этимологический анализ)

Территория Моркинского района с площадью 2272 кв. км расположена в юго-восточной части Марийской АССР. С юга она граничит с Волжским, с запада на восток — с Звениговским, Советским, Куженерским, Параньгинским, Маритурекским районами республики, с востока — с Татарской АССР. Население района на 1 октября 1981 года составляло 42,6 тыс. человек. В настоящее время в состав Моркинского района входят 2 поселка городского типа и 156 сельских населенных пунктов (в 1969 году число поселений было 204).

Заметим, что освоение человеком современной территории Моркинского района имеет древнюю историю. Как показывают памятники археологии, заселение данного региона началось еще в период неолита (Архипов 1976:17—31). И не случайно регион весьма богат разнообразными домарийскими географическими названиями, особенно гидронимами. Что касается ойконимов, то они во многом зависят от исторических условий жизни марийцев в целом. Хронологическая последовательность возникновения и развития марийских ойконимических типов рассматривалась автором в отдельной статье «Местные географические термины в ойконимии Марийской АССР» (ВМО 1982:24—41).

В этой статье анализируются существовавшие и существующие названия населенных пунктов современной территории Моркинского района, зафиксированные в различных письменных источниках.

Моркинский поссовет

р. п. *Морко* — оф. Морки. Ойконим с параллельным названием *Богоявленское* функционирует в «Экономических примечаниях» конца XVIII века (ЦГАДА ф. 1355,

оп. 1, ед. хр. 436, л. 59 (об), 61 (об). Первоначальное *морко* — географический термин со значением «укрепленная возвышенность, городище» (см. подробно Кузнецов 1982:30—31). Правильность нашего высказывания подтверждает и такой факт: этим апеллятивом марийцы называли особый загон в лесу, куда они загоняли во время чумы скот, чтобы отгородить здоровый скот от зараженного (Янтемир 1926:55).

н. п. *Алгаерский* (АТД 1952). Отгидронимное образование: *Алга, Алгай* — антропоним (Черных 1978:84, Гордеев 1979:83)+*ер* «озеро»+*ский* — русск. топонимообразующий суффикс.

д. *Ерсола* — оф. Заозерная (Янтемир:67). Сложный ойконим: *ер* «озеро»+*сола* «селение, деревня», первоначально «селение с упорядоченной застройкой» (Кузнецов 1978:25—33). Официальное наименование указывает на месторасположение поселения по отношению к другому географическому объекту.

п. *Канал* (АТД 1981) — Ировский Канал (АТД 1955). Поселение возникло в советский период: канал был построен для сплава леса.

п. *Ировский мост* (АТД 1969). В настоящее время не существует. Ойконим вышеуказанного типа.

д. *Кошанур* (Янтемир:67, АТД 1955). Деревня слилась с р. п. Морки: *Кошай* антропоним+*нур* «поле, поляна».

х. *Окишев* (Янтемир:67). Поселение названо по имени основателя *Окиш*.

д. *Памашсола* — оф. Большой Кушнадур (Янтемир:67). Название - композит: *памаш* «источник, родник»+*сола* «селение, деревня». В основе официального наименования *Кушна* — см. ниже+*тӱр* «край, окраина».

д. *Памашумбал* (Янтемир:67). Сложный ойконим: *памаш* «ключ, источник, родник»+*ӱмбал* «верх, поверхность, верхний».

д. *Тулъял* (Янтемир:67). Первая часть этого ойконима связана с гидронимом *Тулгорем*<*тул* «огонь» (?), ср. удм. *тул* «клин»+*корем* «овраг». Компонент *ял* «деревня» является в марийском языке чувашским заимствованием.

д. *Усола* — оф. Новая (Янтемир:67). *У* «новый»+*сола* «селение, деревня».

Красностекловарский поссовет

п. *Верхняя Красная Горка* (АТД 1981). Поселение возникло в советский период и являлось лесосплавным центром в верховье р. Илеть.

Карымкинская мельница (АТД 1952). Топоним дан по фамилии владельца водяной мельницы Карымкина.

р. п. *Красный Стекловар* (АТД 1981) — мар. *Кужер или Завод)* Название *Красный Стекловар* появилось в 20-х годах. Первоначально населенный пункт именовался «Кужерский завод» — по имени стекольного предприятия, которое открылось в 1856 году (Очерки 1965: 194). Ойконим *Кужер* является отгидронимным образованием: *кужу* «длинный»+*ер* «озеро». В конце XVIII века в *Кужере* было всего 23 двора с населением 120 человек (ЦГАДА ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 436, л. 60).

п. *Нижняя Красная Горка* (АТД 1955). Ойконим указывает на месторасположение поселения по отношению к *Верхней Красной Горке.*

дло. *Черноозерский* (АТД 1969). Название дано по гидрониму *Черное озеро.*

Аринский сельсовет

с. *Арын* — оф. *Арино* (АТД 1969). Отантропонимный комоним: наименование дано по имени основателя селения *Арын* (Гордеев 1979:144). В «Экономических примечаниях» зафиксировано другое название *Рожественское:* «Рожественское Арино тож из черемис новокрешенных — 12 дворов» (ЦГАДА ф. 1355, п. 59 (об).

с/х *Аринская* (Янтемир:60). Отойконимное название: сельхозкоммуна была образована жителями села *Арино.*

д. *Золотые Ключи* (АТД 1955). Название-метафора, возникло в советское время.

д. *Изи Корамас — Малый Карамас* (АТД 1969). Атрибут *изи* «маленький» этого усложненного ойконима указывает на переселенный населенный пункт, ср. *Большой Карамас* Волжского района. Топоним *Корамас,* встречающийся в Марийском крае нередко, является по происхождению сложным: *кора* «низина, углубление»+*мас*—топоформант (см. подробно Кузнецов 1980:3—15). В «Экономических примечаниях Казанской губернии» отмечается, что в деревне было 15 дворов (ЦГАДА ф. 1355, л. 60 (об).

дло. *Кинерский* (АТД 1952). Ойконим возник от названия деревни *Кинер* с помощью русск. топонимообразующего суффикса *-ский*.

д. *Нурсола* (АТД 1969). Название-композит, в образовании которого участвуют финно-угорское слово *нур* «поле, поляна» и русск. заимствование *сола* «селение, деревня».

д. *Нуръял-Корамас* (АТД 1981). Усложненное название поселения состоит из атрибута *нуръял*<*нур* «поле, поляна»+*ял* «деревня», который указывает, что жители переселились из д. *Нуръял* этого же района и *Карамас* (см. выше). Поселение возникло в советский период.

д. *У Карамас* — мар. *Пареҥге кутыр* (АТД 1969). Компонент *у* «новый» отражает время возникновения населенного пункта. Поселение возникло в результате выхода из общины д. *Малый Карамас* во время столыпинской аграрной реформы. В марийском варианте названия *пареҥге* «картофель» носит уничижительный оттенок: хуторяне начали заниматься картофелеводством.

д. *Чавайнур* (АТД 1981) — *Шырканур* (АТД 1955). Поселение возникло в 1926 году в результате переселения крестьян деревни *Малый Карамас* на новое место, инициатором которого был С. Г. Чавайн. Учитывая его организаторскую роль в деле переселения, крестьяне назвали свой выселок «Чавайнур» (Асылбаев 1963:75). *Чавайн* — антропоним+*нур* «поле, поляна». С конца 30-х до второй половины 50-х годов деревня имела другое название — *Шырканур*<*шырка* «цветы колоса»+*нур* «поле».

д. *Чевернур* (АТД 1981). Сложный ойконим образовался в 20-е годы: *чевер* «красивый, благовидный»+*нур* «поле».

д. *Чодыраял* (АТД 1981), *Чодыраял Карамас* (АТД 1952). В образовании данного комонима участвуют марийские географические термины *чодыра* «лес» и *нур* «поле, поляна».

Весьшургинский сельсовет

д. *Весьшӱргӧ* — оф. Весьшурга (АТД 1969). Н. Т. Пенгитов элемент *весь* сложного названия связывает с марийским словом *весе, вес* «другой». Ф. И. Гордеев

ошибочно возводит его к древнемарийскому гидрониму, генетически связанному с апеллятивом «вода», ср. фин. *vesi* «то же» (Гордеев 1983:95). Компонент *шӱргӧ* в современном марийском языке относится к числу архаизмов. Но в диалектах, в частности в горномарийском наречии, он употребляется в значении лес: горн. *шыргы* «лес, лесной».

д. *Изи Маршан* — оф. *Малая Мушерань* (АТД 1969). Атрибут комонима *изи* «маленький» отражает вторичность возникновения поселения+*Маршан* — антропоним (Черных 1978:95). В официальном названии отражен, очевидно, древний вариант топонима *муш* «пенька, кудель: пеньковый»+*ер* «озеро»+*ан* «отверстие, устье»>русск. *ан:* палатальность возникла на месте древнерусского «ять» (В «Экономических примечаниях» конца XVIII века деревня отмечается как *Мушеранъ*), отсюда вариант *Мушерань* распространен через письменную речь. Однако, по мнению И. С. Галкина, он состоит из двух гидронимов *Муш*+*Ярань* (Галкин 1985:56).

д. *Ерсола* (Янтемир:62). Сложное наименование населенного пункта состоит из географических терминов *ер* «озеро»+сола «селение».

д. *Изи Маршан починга* — оф. *Кучук Памаш* (АТД 1969). Марийский вариант ойконима информирует, что поселение возникло в результате переселения жителей из д. *Малая Мушерань* как починок. В основе официального наименования лежат мар. *кӱчык* «короткий»+*памаш* «родник, источник».

д. *Изнур* — оф. *Изи Кугунур* (АТД 1969), *Купсола* (Янтемир:62). Марийское название является эллипсисом официального варианта, который нужно считать первичным: *изи* «маленький»+*кугу* «большой»+*нур* «поле». Сложный комоним *Купсола* состоит из географических апеллятивов *куп* «болото»+*сола* «селение».

д. *Йыгын* (Янтемир:62) — *Дигино* (АТД 1981). Отантропонимный ойконим: *Йыгын* — мар. дохристианское личное имя, ср. *Йыганай* (Черных 1978:90).

н. п. *Кошайилем* — оф. *Коша-Элем* (АТД 1955). Сложное наименование поселения: *Кошай* — антропоним+*илем* «жилье, жилое место, усадьба».

дпо. *Кугу-Олык* (АТД 1955). Оттопонимный ойконим, первоначально название луга: *кугу* «большой»+*олык* «луг».

д. *Масканур* (АТД 1981). Название-композит: *маска* «медведь»+*нур* «поле, поляна».

д. *Немычсола* — оф. *Немецсола* (АТД 1969). В основе комонима лежит марийское отэтнонимное прозвище *Немыч*<*немыч* «немец». С. Я. Черных считает, что *Немец — Немыч* — древний марийский антропоним (Черных 1980:63)+*сола* «селение, деревня».

д. *Нурымбал — Нурумбал* (АТД 1969). Название-ориентир, поселение расположено на возвышенности: *нур* «поле»+*ӱмбал* «верх, верхний, поверхность».

н. п. *Ронгинский Мост* (АТД 1955). Название-ориентир, населенный пункт находился на ронгинском тракте.

п. уч. *Саскануp* (АТД 1955). Сложное наименование, состоит из мар. *саска* «плоды», вост. «цветок»+*нур* «поле, поляна».

д. *Тайганур* (АТД 1981). Ойконим появился в 20-е годы: *тайга*<русск. *тайга*+*нур* «поле».

д. *Ӱшӱттӱр* — оф. *Юшуттур* (АТД 1969). Отгидронимное название: *Ӱшыт* — название реки+*тӱр* «край, окраина».

Зеленогорский сельсовет

п. *Зеленогорск* (АТД 1981). Ойконим возник в советское время и является весьма прозрачным в семантическом отношении. Заметим, что для исследуемого региона наименования на *-ск,* в том числе и композита, не характерны.

п. *Комсомольский* (АТД 1981). Идеологический комоним-адъектив появился в ойконимии региона в советский период.

п. *Порошковый* (АТД 1969). В основе наименования лежит русск. апеллятив *порошок.* Ойконим функционирует с 40-х годов XX в.

дпо. *Ямнурский* (АТД 1969). Название возникло от топонима, ср. *Ямай, Ямак, Ямий* и др. (Черных 1978: 114)+*нур* «поле, поляна»+*ский.*

Кинерский сельсовет

д. *Алсола* — оф. *Алдышка* (АТД 1969). Сложное отантропонимное название: *Ал* — эллипсис собст. имени *Алдушка*<русск. (Гордеев 1979:86)+*сола* «деревня, селение».

д. *Йыр* — оф. *Мари-Адымаш* (АТД 1969). Отгидронимный простой комоним: *Йыр* — марийское название реки Ировка — *йыр*<*ер* «озеро». Официальное название — дифференциация комонима *Адымаш* по национальному составу жителей.

д. *Кораксола — Кучко-Памаш* (АТД 1969). Элемент *корак* в ойконимии Марийского края наблюдается нередко. Ф. И. Гордеев связывает его в названиях типа *Кораксола* с гидронимом *Каракша:* мар. *корак* «ворона» вторичное переосмысление на почве народной этимологии (Гордеев 1979 б). Но такое высказывание неверно. По всей вероятности, *Корак* — апотропеический (охранный) антропоним, что было характерно дохристианским личным именам. Подобное образование наблюдалось у некрещенной мордвы даже в XIX веке: «до сих пор сохраняется старинное обыкновение давать новорожденным имена птиц, как например, Торой (гусь), Тырпыр (дикий голубь) и тому подобные» (Мельников 1981:24). С. В. Соколов, анализируя древние удмуртские имена, отмечает, что раньше очень много детей умирало от различных тяжелых заболеваний и поэтому в семьях, где часто умирали дети, якобы для сохранения их, родители называли вновь появившегося ребенка обязательно таким именем, которое шло от названия птиц и животных: *Атас* (от *атас* «петух»), *Сяла* (от *сяла* «рябчик») и. т. д. (Соколов 1969:110). Таким образом, *Корак* — дохристианский мар. антропоним+*сола* «селение, деревня». Официальное название дано по гидрониму: *Кучко* — этимология не ясна, возможно, русская адаптация мар. *кӱчык* «короткий»+*памаш* «родник».

д. *Руш Йыр* — оф. *Русский Адымаш* (АТД 1969). Атрибут данного комонима указывает на этнический состав жителей, ср. д. *Йыр — Мари-Адымаш.*

с. *Сукрэнгер* — оф. *Кинер* (АТД 1969). Компонент *сук* связан с вышедшим из употребления марийским словом *сукъ* «порука, поручатель» (Сочинения... 1775: 14), *сук* «обещание богу» (Васильев 1887:48), ср. совр. *сукаш* «стать на колени», *суксо* уст. «ангел». Вероятно, это слово бытовало еще в финно-угорской общности (ср. морд. *сюканямо* «поклонение, поклон», удм. *сук* «жадный, ненасытный») +*-р* — суффикс имени существительного с собирательным значением + *энгер* «река». Официальное название также марийского происхождения:

кӱ «камень, каменный»+*энгер* «река», ср. *Кӱан энгер*< *кӱ*+*ан* суффикс прилагательного+*энгер*.

д. *Тошто завод* (Янтемир:63) — оф. *Старый завод* (АТД 1969). Сложный ойконим: *тошто* «старый»+*завод*<русск. Марийское название является полукалькой русского.

д. *Токсарсола* (Янтемир:63) — оф. *Токсаркино* (АТД 1969). Отантропонимное наименование: *Токсар* — мужское имя+*сола* «селение». В образовании офиц. варианта участвует русск. топонимообразующий элемент — *кино*.

д. *Шолкыдӱр* — оф. *Золотые Ключи* (АТД 1969). Отгидронимный комоним: Шолко<Шулка (ср. *Шулкадур*) (Янтемир:63) — название реки+*тӱр* «край, окраина». *Золотые Ключи* — см. выше.

д. *Шӱргыял* — оф. *Янцитово* (АТД 1969). Марийское название образовано от географических апеллятивов *шӱргӧ* «лес»+*ял* «деревня». Официальное наименование является отантропонимным: *Янцит* — личное имя+*ово* — русск. топонимообразующий суффикс.

д. *Ярансола* — оф. *Балдырка* (АТД 1969). Препозитивный компонент восходит к гидрониму, который связан с древним вариантом марийского апеллятива *jär* «озеро»+*ан* — суффикс относительного имени прилагательного: второй компонент указывает на тип поселения: сола — деревня с упорядоченной застройкой. Официальное наименование дано по имени основателя *Балдыр*, заимствованного из русского языка — апеллятив *балдырь* «высокий, здоровый подросток; наглый, бессовестный человек» (Гордеев 1979:194).

Коркатовский сельсовет

поч. *Васильевский* (АТД 1955). Название-антропоним: населенный пункт назван по фамилии владельца с помощью русск. топонимообразующего суффикса *-ский*.

д. *Йошкарэнгер* — оф. *Краснояр* (АТД 1969). Отгидронимный комоним: *йошкар* «красный»+*энгер* «река». Появлению «цветового» наименования способствовала почва, на что указывает официальный вариант.

д. *Йӱлесола* — оф. *Юлесола* (АТД 1969). В образовании сложного комонима участвуют апеллятивы *йӱлем*

«гарь, горелое место»+*сола* «селение, деревня». Название связано с подсечным земледелием.

д. *Кокласола* — оф. *Коркатово* (АТД 1969). Название-ориентир, указывающее на местонахождение поселения по отношению к другим: *кокла* «средний»+*сола* «селение». Вариант *Коркатово* древнее современного марийского наименования: *Корка* — дохристианское мар. личное имя, ср. *Корка Патыр* — сказочный богатырь в мар. сказках, где *патыр* «богатый, сильный человек». В конце XVIII века в деревне с тремя выселками жило 287 марийцев (ЦГАДА, ф. 1355, лл. 61, 62 (об).

н. п. *Коркатовский каменный карьер* (АТД 1969). Название-описание: каменный карьер находится рядом с д. *Коркатово.*

дпо. *Красноярский* (АТД 1955). Дом лесной охраны получил наименование по комониму *Краснояр* при помощи русск. суффикса *-ский.*

д. *Муналмаш* — оф. *Маламаш* (АТД 1969). Этимология *Муналмаш,* зафиксированного уже в «Экономических примечаниях» (ЦГАДА ф. 1355, ед. хр. 436, л. 62), неясна. В официальном наименовании, по всей вероятности, сохранен древний вариант ойконима *Маламаш*<*Маламас* (ср. Большие и Малые Маламасы Звениговского района (<*мал* «лужа, омут»+*мас* — топоформант (Гордеев 1967:188), где *с//ш.*

д. *Овдасола* — оф. *Большое Абдаево* (АТД 1969). Название фольклорного характера: *овда* миф. «легендарное существо женского пола, любившее кататься на лошади»+*сола* «деревня, селение». По мнению Ф. И. Гордеева, официальное название отантропонимное, ср. *Абдай, Абдий* тат. личное имя (Гордеев 1979:32).

поч. *Павловский* (АТД 1969). Наименование фамильного происхождения: *Павлов* — фамилия первопоселенца+*ский* — русск. суффикс.

д. *Пашкансола* (АТД 1969). Отантропонимный ойконим: *Пашка* — антропоним+—*н* — генетивный суффикс+*сола* «селение».

поч. *Петровский* (АТД 1955), *Товар-Нур* (Янтемир: 66). Название-антропоним, починок назван по фамилии основателя. Второе наименование метафорическое: *товар* «топор»+*нур* «поле, поляна».

поч. *Покровский* (АТД 1981). Название религиозно-

культового содержания, оно связано с названием праздника покрова.

д. *Посанур* (АТД 1981). В «Экономических примечаниях» отмечается как *Посянур* (ЦГАДА ф. 1355, ед. хр. 436, л. 61) *Посай* — дохристианский мар. антропоним (Черных 1978:102)+*нур* «поле».

д. *Усола — Усола Абдаево* (АТД 1969). Комоним указывает, что деревня основана переселенцами из д. Овдасола: *у* «новый»+*сола* «селение, деревня»+*Абдаево* — комоним.

д. *Ӱлылсола* (АТД 1969). Название-ориентир, характеризует расположение поселения по ландшафту.

поч. *Чуваш починга* — оф. Рождественский (АТД 1969). Отэтнонимное наименование: *чуваш* «чувашский»+*починга* «починок». В основе официального религиозно-культовое название, данное по имени церкви.

д. *Шӱргысола* — оф. *Шургесола* (АТД 1969). Сложный комоним состоит из мар. апеллятивов *шӱргӧ* «лиственный лес»+*сола* «селение».

Кульбашинский сельсовет

п. *Дом инвалидов* (АТД 1981). Название — описание, показывает предназначение, поселение.

д. *Нужа* — оф. *Кульбаш* (АТД 1969). Название-гидроним. В основе официального наименования тат. *куль* «озеро»+*баш* «начало, исток».

Малокушнинский сельсовет

д. *Изи Кушна, Лопсола* — оф. *Нижняя* (АТД 1969). Элемент *изи* «маленький» доказывает вторичность возникновения селения. Второй компонент *Кушна* является по происхождению сложным: *куш*+*на*. Элемент *куш (куж, гуж)* в сложных географических названиях Марийской республики встречается нечасто. И. Г. Иванов сравнивает *куж* в топонимах типа *Шалангуж* Звениговского района (мар. *Шалангуш*) с мордовским апеллятивом *кужо* «поляна» (Иванов 1978:17). Аналогичное с мордовским *кужо* слово было и в марийском языке. Правда, некоторые исследователи отрицают его существование в марийском языке (Казанцев 1980:94—95). Однако, диалектные данные подтверждают наше предположение. Так, например, в калтасинском говоре вос-

точного наречия бытует слово *кужаш* «долина» (Исанбаев 1970:44), где *-аш* является суффиксом имени существительного (Галкин 1966:44). Эту диалектную лексему можно рассматривать только как реликт древнемарийского слова, а не как заимствование.

Апеллятив *куш (куж)* является по происхождению финно-угорским: коми *куш* «голый, обнаженный», «поляна, полянка, голое место», удм. *куш* «лесная поляна», эрз. *кужо* «поляна, место для хоровода», мокш. *кужа* «поляна, прогалина» (КЭСК:148), а также мар. диал. *кужаш* «долина».

Элемент *на* в рассматриваемом комониме выполняет функцию географического термина «мыс, угол», ср. фин. *nenä* «нос» (Галкин, Гордеев 1980:131).

Марийское название *Лопсола* появилось позже<*лоп* «низина»+*сола* «селение»; характер местности отражен и в официальном названии. В «Экономических примечаниях» зафиксирован еще один вариант наименования — *Бигишня*<*би* — ?, ср. коми *би* «огонь»+*Кушна*.

дло. *Ировский* (АТД 1955). Название дано из-за создания дома лесной охраны на берегу реки Ировка.

д. *Изи Шоръял* — оф. *Малый Шоръял* (АТД 1969). Атрибут *изи* «малый» указывает, что населенный пункт основан переселенцами из д. *Большой Шоръял* Семисолинского сельсовета. Вторая часть усложненного ойконима состоит из *шор* «болото» и *ял* «деревня». Марийский диалектный географический апеллятив *шор* ср. также *шораш // шоракш* «маленькое болотце» считается чувашским заимствованием (Räsänen 1920:213, Федотов 1965:155), ср. чув. *шур,* тат., кирг., казах. *саз,* башк. *һаz* «болото» (Егоров 1964:339). Как показывают исследования, древнетюркский звук *з* в большинстве своем корреспондируется в чувашском языке через *р* (Ахметьянов 1978:55—58).

д. *Кӧкрем* — оф. *Кокрем* (АТД 1969), *Кокурем* (Янтемир:66). Название оттопонимного характера: *кӱ* «камень, каменный»+*корем* «овраг». Деревня основана в 20-х годах XX века на месте древнего поселения, ср. д. *Кукрем* Карлыганского сельсовета Маритурекского района: *ку*<*кӱ* — на почве русского языка+*корем*. Вариант *Кокурем* — результат народного сближения с *кок* «два»+*урем* «улица».

п. *Крахмало-паточного завода* (АТД 1955), *Желтухинский завод* (Янтемир:67). Наименование поселка

указывает на предназначение предприятия. В основе второго названия — антропоним: *Желтухин* — владелец завода.

дло. *Кульшитский* (АТД 1952). Отойконимное название, ср. д. *Кульшит* Куженерского района.

д. *Кушнанур* (АТД 1981). Сложный комоним: *Кушна* — см. выше+*нур* «поле, поляна». Поселение возникло в 1924 году.

д. *Машнур* (АТД 1981). Первоначально название сельхозкоммуны, которая создалась в 1926 году жителями селений *Визым кутыр*<*Визым* — деревня в Куженерском районе+*кутыр* «хутор» и *Пайганур*<*Пайга* — древний мар. антропоним+*нур* «поле». Сельхозкоммуна названа по наименованию местности. Семантика элемента *маш* не объяснима данными современного марийского языка. Это слово отсутствует также в исследованиях по исторической лексике. Во время экспедиции нами установлено, что раньше возили на 3—4 лошадях толстое бревно, которое по-марийски называлось *маш кашка* (*кашка* «кряж»). В марийский язык, думается, это слово вошло из русского языка через устную речь<русск. *мачта (машта)*, ср. позднее заимствовано *пошто*<русск. *почта*. Отпадение конечного компонента произошло уже на почве марийского языка. В пользу такого высказывания говорит и тот факт, что рядом с деревней *Машнур* (*маш+нур* «поле, поляна») существовала *Лашман корно — Лашманская дорога*. Известно, что в 1718 г. было создано Казанское адмиралтейство для заготовки и транспортировки корабельного леса, к которому была приписана значительная часть «инородцев» Поволжья (Даишев 1978:56). Географические названия, связанные с заготовкой стройматериала для кораблестроения и транспортировкой его, обнаруживаются на территории Марийского края в большом количестве. Таким образом, *Машнур*<*маш*< русск. *мачта+нур* «поле».

д. *У коммуна* (АТД 1981). Название-символ: *у* «новый»+*коммуна*<русск.

д.*Шордӱр* — оф. *Шордур* (АТД 1969), *Кабаксола* (Янтемир:67). Название-ориентир: *шор* «болото»+*тӱр* «край, окраина». В основе варианта *Кабаксола*<*кабак* русск. «питейное заведение»+*сола* «селение».

д. *Шӱргӧ* — оф. *Шурга* (АТД 1969). Отапеллятивный комоним: *шӱргӧ* «лиственный лес».

д. *Акпарсшӱргӧ* — оф. *Испаринск* (АТД 1969). В основе комонима дохристианский марийский антропоним *Акпарс* (Черных 1978:83)+*шӱргӧ* «лес».

дло. *Булыгинский* (АТД 1952). Дом лесника назван по названию леса: *Булыгин* — фамилия русского помещика, которому принадлежала большая часть земель района.

д. *Выселок Троицкий* (АТД 1969). Название религиозного характера: его возникновение связано с наименованием церковного праздника троицын день. Первый компонент указывает на тип поселения.

д. *Ердӱр* — оф. *Старый Юрдур* (АТД 1969). Населенный пункт возник в советский период, ср. товарищество *Старый Юрдур* (Янтемир:64) на месте бывшего поселения, на что указывает определение старый. *Ер* — название реки<*ер* «озеро»+*тӱр* «край, окраина»; звукопереход *е*<*ю* в официальном наименовании произошел под влиянием русского языка, чему способствовал по характеру среднеязычного образования звук *'д*, ср. морк. *д'ер* «озеро».

д. *Ерумбал* (АТД 1981). Отгидронимное название-ориентир: *Ер* — гидроним+*ӱмбал* «верх, поверхность чего-либо».

д. *Марий Кужер* — оф. *Мари-Кужер* (АТД 1969). Атрибут *марий* «марийский» информирует про национальный состав жителей. *Кужер* — отгидронимный ойконим, ср. *Кужер* (оф. Красный Стекловар).

п. *Моркинское лесничество* (АДТ 1969). Название отойконимного характера.

д. *Пустое Поле* (АТД 1969).*Тулнур* (Янтемир:67). Русское поселение, в настоящее время не существует. Название характеризует местность, на которой расположено селение. В основе марийского наименования *тул* «огонь, огненный»+*нур* «поле, поляна».

д. *Пӱнчыдӱр* — оф. *Старая* (АТД 1969). Марийский вариант названия указывает на месторасположение населенного пункта: *пӱнчӧ* «сосна», первоначально, вероятно, *пӱнчер* «сосняк»+*тӱр* «край, окраина»: официальный — на время возникновения.

д. *Старое Мазиково* (АТД 1981). Отантропонимный усложненный ойконим, где *старое* — хронологический атрибут.

д. *Чуваш Кужер — Свободные Кужеры* (АТД 1969),

товарищество *Свободный Кужер 1-е* и *2-е* (Янтемир: 63—64). Определение *чуваш* «чувашский» употреблено в целях дифференциации названия *Кужер* (см. выше), а *свободный* символизирует свободную жизнь при Советской власти.

д. *Элнеттӱр* — оф. *Фадейкино* (АТД 1969). Отгидронимное название-композит: *Элнет* — мар. наименование р. Илеть+*тӱр* «край, окраина». В основе официального варианта — антропоним.

Нуръяльский сельсовет

д. *Айбакнур* (АТД 1981). Название — антропоним: *Айбак* — дохристианское личное имя (Гордеев 1979: 61)+*нур* «поле».

д. *Барский Кужер* (Янтемир:63). Название связано с принадлежностью селения барину-помещику. *Кужер* — см. выше.

д. *Кокла Кужнур* — оф. *Средний Кужнур* (АТД 1969), *Кожласола* (Янтемир:68). Усложненный ойконим: *кокла* «средний»+*Кужнур* — наименование поселения: *кужу* «длинный»+*нур* «поле, поляна». Официальный вариант появился в результате частичной кальки марийского названия. В основе *Кожласола: кожла* «ельник», диал. «лес»+*сола* «селение».

д. *Курыкйымал* — *Подгорная* (АТД 1969). Название-ориентир: *курык* «гора»+*йымал* «низ, под». Ойконимический синоним *Подгорная* — русская калька мар. наименования.

д. *Курыкымбал* — оф. *Курукумбал* (АТД 1969). Название-характеристика: населенный пункт находится на возвышенности *курык* «гора»+*ӱмбал* «верх, поверхность».

д. *Лапшар* (АТД 1981). Происхождение комонима связано с мар. географическими апеллятивами *лап* «низина, низменность» и *шар (шор)* «болото» (Галкин 1985:53).

д. *Нӧрепсола* — оф. *Норепсола* (АТД 1969). В основе ойконима *нӧреп* «погреб», в диалектах «колодец»+*сола* «селение, деревня».

д. *Нуръял* (АТД 1981). Название-композит: *нур* «поле, поляна»+*ял* «деревня».

д. *Рушродо* (АТД 1969). В основе комонима этноним *руш* «русский». Русское по происхождению слово

родо «родня, родство» выступает как формант лишь в нескольких географических названиях Марийского края, ср. с. *Матародо* Параньгинского района, хотя оно имеет широкое распространение в диалектах марийского языка.

д. *Тембал Кужнур* — оф.*Ближний Кужнур* (АТД 1969). Название-ориентир: *тембал* «ближний»+*Кужнур* — ойконим, ср. *Средний Кужнур*.

д. *Умбал Кужнур* — оф. *Дальний Кужнур* (АТД 1969), *Вессола* (Янтемир:67). Название-ориентир, где *умбал* «дальний». В номинации другого мар. наименования участвовали представители д. Среднего Кужнура (Кожласола): *вес* «другой»+*сола* «селение, деревня».

д. *Усола* — оф. *Новая* (АТД 1969). Комоним указывает на время возникновения поселения: *у* «новый»+*сола* «селение».

Октябрьский сельсовет

п. *Октябрьский* (АТД 1981). Название-символ, данное в честь Великой Октябрьской социалистической революции.

н. п. *Уба* (АТД 1955). Наименование дано по гидрониму *Уба*.

Петровский сельсовет

п. уч. *Губино* (АТД 1955). Отантропонимное название: *Губин* — широко распространенная среди народов Поволжья фамилия.

п. *Ировский* (АТД 1974). В основе названия гидроним: населенный пункт обосновался на берегу реки Ировка.

п. *Красностолбинские бараки* (АТД 1955). Поселок лесозаготовителей, наименование русского происхождения.

с. *Петровское* (АТД 1981), *Воскресенское* (Янтемир:67). Название-антропоним, наименовано по фамилии основателя. Второе название религиозного характера, ср. также г. Воскресенск Московской области, Воскресенское — п. в Горьковской области и др.

дпо., п. *Уньжинский* (АТД 1969). Наименование отгидронимного характера: *Уньжа* (мар. *Унчо*) — название реки.

дло. *Шуткинский* (АТД 1952). Название — антропоним: *Шуткин* — фамилия лесника.

Себеусадский сельсовет

поч. *Азъял* — мар. *Азъял починга* (АТД 1969). Поселение возникло как починок, жителями которого стали переселенцы из д. *Азъял*.

д. *Ерсола* (АТД 1981). Название-композит: *ер* «озеро»+*сола* «селение, деревня».

д. *Изи Кожлаял* — оф. *Малый Кожлаял* (АТД 1969). Определение *изи* «маленький» показывает, что поселение появилось позже д. *Большой Кожлоял*<*кожла* «ельник, лес»+*ял* «деревня».

д. *Кабаксола* (АТД 1969). Сложный ойконим: *кабак* «питейное заведение»+*сола* «селение».

д. *Кугу Кожлаял* — оф. *Большой Кожлоял* (АТД 1969). Усложненное название, где *кугу* «большой»+*Кожлаял* — см. выше.

д. *Лопнур* (АТД 1981). Название ландшафтного характера: *лоп* «низина, низменность»+*нур* «поле, поляна».

п. *Озеро* (АТД 1955). Наименование-термин: поселок располагался у озера.

д. *Панайка* — оф. *Апанаево* (АТД 1969). Отантропонимный комоним, образовался с помощью русского топонимообразующего суффикса *-ка: Панай, Апанай* — мар. личное имя (Черных 1978:85, 99)+*ка*.

д. *Пумыр* — оф. *Пумор — Пумарь* (АТД 1969). Перенесенный ойконим, ср. *Пумарий — Пумарь* в Марийурекском районе, *Помар* в Волжском районе. В основе названия — гидроним *Пум*+*марий* «мариец, люди марийской национальности»; отпадение конечного *-ий* произошло под влиянием русского языка, ср. мар. *Ярамарий* — русск. *Ярамор*.

д. *Себеусад* — мар. *Волаксола* (АТД 1969). Марийское наименование состоит из *болак*<тат. *болак* «ключ, родник» (сближение с мар. *волак* «желоб, корыто» нужно считать вторичным)+*сола* «селение». Происхождение официального названия связано с русским архаическим словом *усад* «отвод, место под крестьянский двор».

д. *Смычка* (АТД 1981). Название отгидронимного характера.

дло. *Тайганурский* (АТД 1969). Наименование дано по комониму *Тайганур*.

д. *Тыгыде Морко* (АТД 1981). В основе данного ойконима древнемарийское слово *морко* «временное укрепление-городище», компонент *тыгыде* «мелкий» указывает на размер укрепления.

д. *Чишкан* — оф. *Тишкино* (АТД 1969). Название-антропоним: *Чишка* — мар. адаптация русск. *Тишка*+*н* — падежный суффикс.

д. *Чодырасола* (АТД 1981). Сложный ойконим: *чодыра* «лес»+*сола* «селение, деревня».

д. *Ушкурык* (Янтемир:64). Название-характеристика, деревня находилась на горе: *уш*<мар. *ӱш* «колотушка»+*курык* «гора».

д. *Янгуш* — оф. *Янгушево* (АТД 1969). Отантропонимное наименование: *Янгуш* — древнемарийское мужское имя, ср. *Янгыш* (Черных 1978:14).

Семисолинский сельсовет

д. *Алмаметьево* (АТД 1981), мар. *Тат Кушна, Суас Кушна*<*суас* марийское название татар+*Кушна* название деревни (см. выше). Название-антропоним. *Алмамет* — тат. личное имя+*ово* — суффикс русского происхождения.

д. *Изи Морко* — оф. *Малые Морки* (АТД 1969), выселок из с. *Морков, Трехдворик* (Янтемир:68). Поселение возникло в результате переселения жителей с. Морки. Первоначально было 3 хозяйства, на что указывает название *Трехдворик*.

д. *Кугу Шоръял* — оф. *Большой Шоръял* (АТД 1969). Усложненный ойконим, где элемент *кугу* «большой» показывает первичность населенного пункта (ср. *Малый Шоръял*)+*Шоръял* — комоним.

д. *Малиновка* (АТД 1981). Поселение образовалось в 20-х годах. В основе названия русское слово *малина*.

д. *Нурымбал* — оф. *Нурумбал* (АТД 1969). Сложный ойконим: *нур* «поле, поляна»+*ӱмбал* «верх, поверхность».

д. *Семисола* (АТД 1981). Название-антропоним: *Семи*, ср. *Семей* (Черных 1978:104)+*сола* «селение, деревня».

д. *Тат-Юрдур* (АТД 1969), *Татарский Ердур* (Янтемир:68). Компонент *тат* (сокращение от татарский)

указывает на национальный состав жителей поселения+ *Юрдур<Ердур* — комоним.

д. *Тошнур* (АТД 1955). Современное название возникло в результате выпадения слога *то: Тоштонур< тошто* «старый»+*нур* «поле, поляна». В настоящее время поселение не существует.

д. *Туранча* (Янтемир:68). Отгидронимное название, где *Тур* — гидрооснова, ср. р. *Турша* Медведевского района, *-ан, -ча* — гидроформанты.

д. *Тумер* (АТД 1981). Отапеллятивное наименование: *тумер* «дубрава». Первоначально название сельхозкоммуны; селение возникло в 20-е годы.

д. *Чӱкшӧ* — оф. *Чукша* (АТД 1969). Этимология комонима не ясна. Название Чукша фигурирует уже в «Экономических примечаниях» конца XVIII века (ЦГАДА ф. 1355, ед. хр. 436, л. 61 (об).

д. *Шердыж* — оф. *Сердеж* (АТД 1969). Отгидронимное название: возможно, *шер* — древнемарийское слово, ср. *шерем* «пастбище» (Ӱпымарий 1928:135), коми *сьӧр* «пространство, находящееся за ч.-либо», удм. *шаер* «страна, местность», мар. *вер-шӧр* «местность», где *вер* «место» (Иванов 1978:13)+*та+ыж* — топоформанты.

д. *Энермучаш* (АТД 1969). Сложный ойконим: *энер* «река»+*мучаш* «конец, исток».

д. *Ядыксола* — оф. *Яксола* (АТД 1969). Названиеантропоним: *Ядык* — дохристианское мар. личное имя (1978:114)+*сола* «селение, деревня).

Уртем-Варангужский сельсовет

д. *Березово* (АТД 1981), *Энер-Мучаш* (Янтемир:61). Название образовано от русск. слова *береза* с помощью топонимообразующего суффикса *-ово*. Марийское наименование сложное: *энер* «река»+*мучаш* «конец, исток».

д. *Кораксола* (АТД 1981). В основе комонима — антропоним *Корак* (см. выше)+*сола* «селение, деревня».

д. *Кугу Варанғыж* — оф. *Варангуж* (АТД 1969). Определение *кугу* «большой» показывает, что деревня в хронологическом отношении старше, чем *У сурт Варангуж*. *Варанғуж* — сложное образование: *вар* «возвышенность», ср. удм. *выр* «возвышенность, бугорок, холм, насыпь», фин. *viori* «гора», *vaara* «горка, сопка», манс. *βor, ur* «горный хребет» (КЭСК:67), а также мар. малм.

варыш «возвышенность» (Учаев 1973:83); (в чувашском языке бытует аналогичное слово *вар* «ложбина, лощина», «сухой овраг», диал. «ручеек», которое не имеет никакого отношения к рассматриваемой тополексеме)+*ан* — суф. имени прилагательного со значением обладания тем, что обозначает корневое слово (Галкин 1966: 64—66)+*куж* «поляна» (Галкин 1985:33). В конце XVIII века в деревне было 18 дворов с «25 новокрещенными и 210 некрещенными (часть жила в выселках без названия: «первой — 3 двора; второй — 4, третьей — 2») черемисами» (ЦГАДА ф. 1355, л. 85 (об).

д. *Макарсола* — оф. *Макаркино* (АТД 1969). Отантропонимное название: *Макар* — антропоним+*сола* «селение, деревня».

д. *Миклансола* — оф. *Миклино* (АТД 1969). Образование вышеуказанного типа: *Миклай* — антропоним+*н* — генетивный суф.+*сола* «селение».

дло. *Нужключинский* (АТД 1969). Откомонимное название: *Нуж-Ключ* — наименование поселения+*ский* — русск. суф.

поч. *Пидалан-ял — Пидалино* (Янтемир:61). В основе ойконима старинное личное имя *Пидал* (Черных 1978: 101)+*ан* суф.+*ял* «деревня».

д. *Пӧртылга* — оф. *Пертыга* (АТД 1969). Название-композит: *пӧрт* «изба, дом»+тат. *елга* «овраг». Компонент *Пӧрт* - И. С. Галкин считает гидронимом домарийского происхождения (Галкин 1985:65).

д. *Пусаксола* — оф. *Кубыш-Ключ* (АТД 1969). Название состоит из *пусак* «угол, изгиб»+*сола* «деревня». В основе официального наименования *Кубыш* — гидроним.

с. *Руш Вуртем* — оф. *Русский уртем* (АТД 1969). Атрибут *руш* «русский» указывает на национальный состав жителей населенного пункта. *Вуртем* — топооснова, *-та* и *-ем* — форманты (Гордеев 1983:175).

д. *Руш починга* — оф. *Нуж-Ключ* (АТД 1969). Комоним характеризует поселение с точки зрения национального состава и типа. В основе официального наименования гидроним *Нуж*.

д. *Тошметсола* — оф. *Досметкино* (АТД 1969). Отантропонимное название: *Тошмет* — мар. личное имя+*сола* «селение, деревня».

д. *Усурт Варанъыж* — оф. *Токпердино* (АТД 1969). Сложный атрибут (*у* «новый»+*сурт* «дом, хозяйство»)

указывает, что населенный пункт основан переселенцами из д. *Варангуж*. В официальном названии сохранено имя первопоселенца — *Токперде*.

д. *Шопкер — Осиново* (АТД 1969), *Шопкер ял* (Янтемир:61). Название образовано от мар. апеллятива *шопкер* «осинник». Современное наименование результат эллипсиса элемента *ял* «деревня».

д. *Чопак* — оф. *Чепаково* (АТД 1969). Название-антропоним: *Чопак* — мар. личное имя (Черных 1978: 110).

Шалинский сельсовет

д. *Азъял* (АТД 1981). Наименование дано по названию р. *Аз+ял* «деревня».

д. *Елесола* — оф. *Елейкино* (АТД 1969). Название состоит из *Елей* — древнемарийский антропоним+*сола* «селение, деревня».

д. *Йогорсола — Егоркино* (АТД 1969). Наименование дано по имени основателя деревни с упорядоченной застройкой *Йогор*<русск. *Егор*.

д. *Кугорнымбал Шале — Большой Кулеял* (АТД 1969). Название-ориентир, *кугорно* «большак»+*ӱмбал* «над, поверхность ч.-либо»+*Шале* — отгидронимный ойконим. Элемент *кугорно* отражает название древней дороги на Казань — административный и хозяйственный центр дореволюционного Марийского края, а *Шале* — наименование волости, т. е. «деревня Шалинской волости на Казанском большаке». Отсюда следует, что это название дано жителями других местностей. В официальном наименовании сохранен наиболее ранний вариант комонима: *куле+ял* «деревня». Этимология первой части затемнена. Возможно, она связана с русским словом *куль*. Известно, с конца XVIII в. в Марийском крае получили развитие сельские промыслы, в том числе изготовление мочальных изделий: кулей, рогож и т. д. (Очерки 1965:192—193). Русское заимствование *куль, кулбо* относится в настоящее время в мар. языке к числу архаизмов. Также допустимо и татарское происхождение, ср. тат. *куль* «озеро».

д. *Кугу Шале* — оф. *Большие Шали* (АТД 1969). Название состоит из *кугу* «большой»+*Шале* — гидроним.

д. *Купсола* (АТД 1981). Сложный ойконим: *куп* «болото»+*сола* «селение, деревня».

д. *Кӱчыкэҥер* — оф. *Кучукенер* (АТД 1969). Отгидронимное название: *кӱчык* «короткий»+*эҥер* «река».

д. *Маршан починга* (АТД 1969). Комоним показывает, что поселение образовалось в результате переселения части жителей из с. *Мушерань* (мар. *Кесебеляк*) как починок.

д. *Олыкъял* (АТД 1981). Название-композит: *олык* «луг»+*ял* «деревня».

д. *Шеҥыштӱр* — оф. *Шиншедур* (АТД 1969). В основе ойконима — гидроним, этимология которого не ясна. Ф. И. Гордеев элемент *шеҥше* считает древнемарийским словом и сравнивает его с манс. *suns* «лишайник или мох» (Гордеев 1964:45).

д. *Энгерымбал* — оф. *Малый Кулеял* (АТД 1969). Сложное образование названия населенного пункта состоит из *эҥер* «река»+*ӱмбал* «верх, поверхность, верхний». Официальное наименование показывает, что жители переселились из д. Большой Кулеял.

Шерегановский сельсовет

д., п. *Ердӱр* — оф. *Юрдур* (АТД 1969). Ойконим аналогичного образования, что и *Ердӱр* Мари-Кужерского сельсовета.

д. *Курыкйымал* — русск. *Курыкюмал* (АТД 1969). Название-ориентир: *курык* «гора»+*йымал* «низ, нижний».

поч. *Кӱкшнур* — оф. *Кукшнур* (АТД 1969). Сложное название, состоящее из *кӱкшӧ* «высокий»+*нур* «поле, поляна».

с. *Кӱчыкэҥер* — оф. *Кутюк-Кинер* (АТД 1969). Отгидронимный ойконим: *кӱчык* «короткий»+*эҥер* «река». Вариант *Кинер* в результате ассоциации с названием *Кинер*<*кӱ* «камень, каменный»+*эҥер* «река».

д. *Кӱшыл Вончымбал* — оф. *Верхний Вонжеполь* (АТД 1969). Название-ориентир: *кӱшыл* «верхний»+*Вончо* — гидроним+*ӱмбал* «верх, верхний».

д. *Нылькудо* (АТД 1981). Сложное наименование: *ныл* «четыре»+*кудо* «дом, хозяйство».

д. *Памашсола-Вонжеполь* (АТД 1981). Усложненный ойконим состоит из двух самостоятельных названий: *Памашсола*<*памаш* «родник, ключ»+*сола* «селение» и

Вонжеполь<*Вонжа* (мар. *Вончо*)+*поль*<русское *поле* (последний элемент является ассоциативным сближением от мар. *мбал*<*ӱмбал* «верх, верхний»).

д. *Папанино* (АТД 1981). Название:антропоним: *Папанин* — фамилия прославленного полярника: деревня возникла в конце 30-х годов.

д. *Уилем* (АТД 1981). Название состоит из мар. апеллятивов *у* «новый» и *илем* «жилье, усадьба».

д. *Усола Вончымбал* — оф. *Усола Вонжеполь* (АТД 1969). Усложненное название: *Усола*<*у* «новый»+*сола* «селение»+*Вончымбал* (Вонжеполь) — см. выше.

д. *Ӱлыл Вончымбал* — *Нижний Вонжеполь* (АТД 1969). Название-ориентир: *ӱлыл* «нижний»+*Вончымбал (Вонжеполь)* — см. выше.

д. *Элекэнгер* — оф. *Элекенер* (АТД 1969). В основе ойконима — антропоним *Элек* (Черных 1978:112)+*энгер* «река».

д. *Энгерсола* — оф. *Шереганово* (АТД 1969). Название-композит: *энгер* «река»+*сола* «селение, деревня». Официальное наименование — отантропонимное.

Шиньшинский сельсовет

д. *Алексеевка* (АТД 1981), мар. *Завод*. Название-антропоним. Марийское наименование отражает наличие в поселении производственного предприятия.

д. *Лебедевка* (АТД 1981). Отантропонимное название: *Лебедев* — фамилия основателя+*ка* — русск. суффикс.

д. *Мамай* — оф. *Мамайкино* (АТД 1969). Название-антропоним: *Мамай* — имя первопоселенца.

д. *Мари-Чодыраял* (АТД 1969). Атрибут *мари* указывает на национальный состав жителей+*Чодыраял* комоним<чодыра «лес, лесной»+*ял* «деревня».

поч. *Никольский* (АТД 1969). Религиозно-культовое название: дано по названию церкви.

д. *Пичуш* — оф. *Ишли-Пичуш* (АТД 1969). Поселение названо по имени основателя. В официальном наименовании атрибут *Ишли* — гидроним.

д. *Тат-Чодыраял* (АТД 1981). Элемент *тат* от татарский показывает национальный состав жителей поселения+*Чодыраял* — см. выше.

д. *Усурт* — оф. *Новый Юрт* (АГД 1969). Сложное название состоит из *у* «новый»+*сурт* «дом с надворны-

ми постройками, жилище, хозяйство». В основе официального наименования русск. *новый* и тат. *йорт* «дом».

д. *Ӱлыл Шеҥше* — оф. *Нижняя Шиньша* (АТД 1969). Название-ориентир: *ӱлыл* «нижний»+*Шеҥше* — гидроним.

с/х *Чевернур* (Янтемир:69). Название сельхозкоммуны: *чевер* «красивый»+*нур* «поле, поляна».

с. *Шеҥше* — оф. *Шиньша* (АТД 1969). Отгидронимный ойконим: *Шеҥше* (русск. *Шиньша*) — название реки, см. *Шиньшедур*.

поч. *Элнетумбал* (АТД 1981), *Йошкар Май*. Название-ориентир: поселение расположено на берегу р. Илеть (мар. Элнет).— *Элнет*+*ӱмбал* «верх, поверхность». Второе название символического характера: *йошкар* «красный»+*Май* от революционного праздника Первое Мая: первоначальное название сельхозкоммуны.

Шоруньжинский сельсовет

д. *Ефимкино* (Янтемир:68). Название-антропоним: *Ефимка* — русск. личное имя.

д. *Муканай* (АТД 1981). Отантропонимный ойконим: *Муканай* — дохристианский мар. антропоним.

д. *Паймыр* (АТД 1981). Название-антропоним: *Паймыр* — мар. дохристианское личное имя (Черных 1978:99).

д. *Русская Гарь* (АТД 1974). Название-характеристика: русское население поселилось на гари.

с. *Унчо* — оф. *Шоруньжа* (АТД 1969). Отгидронимное образование: *Унчо* — название реки. В официальном названии компонент *шор* представляет мар. апеллятив *шор* «болото».

д. *Шап Унчо* — оф. *Сапуньжа* (АТД 1969). Название-гидроним: *Шап* — ?, ср. оз. *Шап*+*Унчо* — гидроним. Слово *шап* И. С. Галкин сравнивает с удмуртским *шап* «бойкий, расторопный», *Шап Унчо* «бойкая, быстрая Унжа» (Галкин 1985:70, 78).

д. *Шлан* — оф. *Шлань* (АТД 1969). Отгидронимный ойконим (?).

дло. *Шоруньжинский* (АТД 1952). Название дано по наименованию населенного пункта *Шоруньжа* (см. выше).

д. *Шӱргӧ* — оф. *Шурга* (АТД 1969). Отапеллятивный комоним: *шӱргӧ* «лес, лесной».

д. *Ямбатыр* — оф. *Ямбатор* (1969). В основе наименования — древнемарийский антропоним (Черных 1978: 114).

Яраморский сельсовет

н. п. *Башкировская мельница* (АТД 1955). Название дано по фамилии владельца мельницы *Башкирова*.

х. п. *Березино* (АТД 1955). В основе названия лежит русск. апеллятив *береза*.

д. *Вончыдӱр* — оф. *Вонжедур* (АТД 1955). Название-ориентир: поселение расположено на берегу р. *Вончо*, где *тӱр* «край, окраина».

д. *Изи Шӱргӧ* — оф. *Изи Шурга* (АТД 1969). Атрибут *изи* «маленький» указывает на вторичность возникновения поселения+*шӱргӧ* «лес».

поч. *Ильинский* (АТД 1974). Название религиозно-культового характера. Поселение возникло во время столыпинской реформы.

поч. *Казанский* (АТД 1974). Поселение возникло в дооктябрьский период, названо в честь казанской церкви.

д. *Канторъял* — оф. *Осипсола* (АТД 1969). Название состоит из *кантор*<русск. *контора*+*ял* «деревня». В официальном наименовании отражен первоначальный вариант комонима: *Осип* — антропоним+*сола* «селение, деревня».

с. *Кесебеляк* — оф. *Мушерань* (АТД 1969). Название дано по имени *Кесей*+*беляк* «родовая группа». В основе официального наименования — гидроним.

д. *Кортасеҥер* (АТД 1969). Отгидронимное образование: *Кортас* — название реки+*эҥер* «река».

д. *Кугу Маршан* — оф. *Большая Мушерань* (АТД 1969). Определение большая показывает, что данное поселение является хронологически старшим, чем другие деревни с топоосновой *Маршан* (последнее является отгидронимным образованием, см. выше).

д. *Кугу Ярамарий* — оф. *Большой Ярамор* (АТД 1969). Атрибут *кугу* «большой» — хронологический показатель+*Ярамарий*<*Яра*< *(Яран)* — гидроним+*марий* «мариец, люди марийской национальности».

д. *Кумуждур* (Янтемир:64). Сложное название: *Кумыж* — гидроним+*тӱр* «край, окраина».

д. *Лапкасола* (АТД 1981). Название характеризует расположение по ландшафту: *лапка* «низина, низкий»+*сола* «селение».

поч. *Максимовский* (АТД 1955). Починок назван по имени основателя.

д. *Мызенгер* — оф. *Мизинер* (АТД 1969). Наименование дано по гидрониму: *мызе* «куропатка»+*энгер* «река».

п. *Осканур* (АТД 1981). Отантропонимное название: *Оска* — мужское личное имя+*нур* «поле, поляна».

д. *Памашсола* (АТД 1981). Сложное наименование, *памаш* «родник, ключ»+*сола* «селение, деревня».

д. *Пектывайсола* — оф. *Кумужъял* (АТД 1969). В основе первого наименования — *Пектывай* — древнемарийский антропоним+*сола* «деревня». Официальное название старше, ср. «Кумужъяль из черемис новокрешенных ясашных и некрешенных» (ЦГАДА ф. 1355, ед. хр. 436, л. 60). *Кумыж* — гидроним+*ял* «деревня».

дпо. *Пинжедурский* (АТД 1955). Наименование дано по комониму *Пӱнчыдӱр*.

д. *Пӱнчыдӱр* — оф. *Пинжедур* (АТД 1969). Название состоит из *пӱнчӧ* «сосна»+*тӱр* «край, окраина».

д. *Тойметсола* (АТД 1981). Отантропонимное название: *Тоймет* — дохристианский мар. антропоним+*сола* «селение, деревня».

поч. *Ярамарий починга* — оф. поч. *Ярамор* (АТД 1969). Ойконим показывает, что населенный пункт возник в результате переселения жителей из Большого Ярамора.

ст. *Ярамор* (АТД 1981). Станция названа по близлежащему поселению *Ярамор (Большой Ярамор)*.

ЛИТЕРАТУРА

Асылбаев А. А. 1963, С. Г. Чавайн, Йошкар-Ола.

Архипов Г. А. 1976, Марийский край в памятниках археологии, Йошкар-Ола.

АТД. 1952, 1955, 1969, 1974, 1981, Административно-территориальное деление Марийской АССР, Йошкар-Ола.

Васильев М. Ф. 1887, Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии, Казань.

ВМО, 1982, Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка, ч. II, Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики, Йошкар-Ола.

Галкин И. С., Гордеев Ф. И. 1980, Основные типы марийских топоформантов, Турку.

Гордеев Ф. И. 1964, Русская топонимика Марийской АССР.— Вопросы марийского языкознания, вып. 1, Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, 1983. Этимологический словарь марийского языка, т. I, т. II, Йошкар-Ола.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Иванов И. Г. 1978, Топонимические этюды (о названиях некоторых районов Марийской АССР).— Вопросы марийской ономастики, вып. 1, Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1970, Из истории лексики марийских говоров Башкирии.— Вопросы финно-угроведения, вып. V, Йошкар-Ола.

Казанцев Д. Е. 1980, К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык.— Вопросы грамматики и лексикологии, Йошкар-Ола.

Кузнецов В. В. 1978, К вопросу о происхождении топоформанта *-сола* в марийском языке.— ВМО, вып. 1. Йошкар-Ола.

Кузнецов В. В. 1980. Ойконимы Марийской АССР, топорформантом *-мас*.— ВМО, вып. 1, Йошкар-Ола.

КЭСК. 1970, Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка, Москва.

Мельников П. И. 1981, Очерки мордвы, Саранск.

Очерки... 1965. Очерки истории Марийской АССР, т. I, Йошкар-Ола.

Räsänen M. 1920. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki.

Сочинения. 1775, Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка, С.-Петербург.

Учаев З. В. 1973, Грамматические и лексические особенности малмыжского диалекта марийского языка.— Вопросы марийского языкознания, вып. 1, Йошкар-Ола.

Федотов М. Р., 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

Черных С. Я. 1978, Марий калыкын ен лӱмжӧ-влак, ВМО, вып. 1, Йошкар-Ола.

Янтемир И. И. 1926, Описание Маробласти. Вып. 2. Моркинский кантон. Краснококшайск.

В. Н. Васильев

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАРИЙСКИХ ОРНИТОНИМОВ

Связь орнитофауны Марийской АССР с географическими и климатическими условиями. Марийская АССР расположена в восточной части Восточно-Европейской равнины, в бассейне важнейшей водной магистрали Волги. Кроме Волги имеются еще 475 больших и малых рек. Если к этому добавить 200 крупных озер, то станет ясно, что для водоплавающих птиц на территории республики достаточно хорошие условия как для гнездования, так и для добывания корма. Весной и летом на берегах рек, озер и болот встречаются утки-кряквы, чирки, различные кулики, чайки, крачки, поганки. Кроме них вблизи водоемов гнездятся выпь, серая цапля, серый журавль и другие птицы. Данные фольклора подтверждают, что в прошлом лебеди также были обычными, но в настоящее время они очень редки. Их гнездовья отмечаются в Звениговском и Юринском районах. Северо-восточная часть республики в этом отношении менее богата, поэтому многие перечисленные птицы там встречаются только на пролете, лишь иногда на гнездовье. Берега рек являются излюбленным местом гнездования стрижей и береговых ласточек. Колонии ласточек можно наблюдать на всей территории республики.

Большую часть территории края занимают смешанные и хвойные леса. Состав этих лесов весьма разнообразен: липа, осина, дуб, береза, клен, вяз, ель, пихта, сосна. Это определяет и орнитосостав лесов. В еловых и сосновых лесах можно встретить королька желтоголового, синицу, пищуху, поползня, дятла и других птиц. Гнездятся в лесных чащах круглый год совы: ушастая, неясыть, серая сова, филин. Ценные охотничьи — промысловые глухарь, тетерев, рябчик, серая куропатка являются для этих мест оседлыми.

Большие площади заняты пашнями, средняя распаханность республики близка к 50%. Они служат местом

обитания жаворонков, перепелов, скворцов и других видов полевых птиц.

Довольно существенное значение в сложении орнитофауны имеют пойменные луга. Однако в связи с сооружением водохранилищ, площади пойм резко сокращаются, а образование новых пойменных угодий почти не происходит, что привело к уменьшению птиц в этих местах.

Климат умеренно-континентальный с хорошо выраженными четырьмя временами года, с многоснежной зимой. В связи с этим в жизни птиц также можно отметить три фазы изменений: весной — прилет и устройство гнездовий, летом — насиживание и выведение птенцов, а осенью — отлет в теплые края. На зиму остаются лишь оседлые виды, а при наличии определенного корма — и некоторые перелетные.

Такое состояние этого вида фауны складывалось в течение многих столетий. На формирование орнитофауны республики, как и всего Волжско-Камского края, важнейшее значение имело его местоположение на границе двух больших зоогеографических зон — зоны лесов и зоны степей. Среди птиц края мы видим таких типичных лесных птиц, как глухарь, рябчик, ястребиная сова, клест-оловик, снегирь, хохлатая синица и многие другие. Немаловажную роль в сложении состава птиц играют представители степей: серая куропатка, перепел, садовая овсянка, полевой и рогатый жаворонки, серая славка. Определенный отпечаток наложили птицы, характерные для широколиственных и дубравных лесов, пришедшие с запада, такие, как клинтух, витютень, горлинка, осоед, козодой, зеленый дятел, сойка, дрозд черный, скворец, зяблик, зеленушка, коноплянка, мухоловка-белошейка, пеночка-трещотка (Птицы... 1977).

Более слабое, но совершенно очевидное влияние имело проникновение восточных видов таких, как глухая кукушка, свиристель, белошапочная овсянка и другие.

Таким образом, фауна птиц в Марийской АССР достаточно сложна и состоит из представителей таежных хвойных лесов, из птиц, характерных для открытых пространств — полей и степей.

За последние десятилетия мощным фактором, определяющим формирование современной фауны птиц, стала деятельность человека, который изменяет и пере-

страивает естественный природный ландшафт, создает искусственные моря, вводит на полях сложную и современную агротехнику, строит новые города, промышленные и сельскохозяйственные комплексы, применяет ядохимикаты и удобрения на больших территориях, которые являются местом обитания многих пернатых. Большие площади лесов вырублены и распаханы. Почти сразу за уборкой хлебов происходит зяблевая пахота. Поймы многих рек залиты водами новых водохранилищ. Это не может не сказаться на фауне птиц: некоторые виды откочевали к северу (серая куропатка, козодой) или нашли место в труднодоступных для человека и техники глухих уголках республики. Перечисленные выше изменения отразились и на численности наших крылатых друзей, в ряде местностей республики имеется тенденция к уменьшению даже обычных для этого региона птиц.

История собирания и изучения марийских орнитонимов. Первые письменные памятники марийского языка известны лишь с XVIII века. Это в основном записи некоторых выражений и слов, сделанные различными путешественниками. Среди этих слов имеются и названия птиц. Рассмотрим наиболее важные в этом отношении памятники, которые в какой-то мере могут оказать помощь в изучении марийской орнитонимической лексики.

Г. Ф. Миллер, историк и археограф, член Петербургской академии наук, во времена Сибирской экспедиции (1733—1743) собрал многочисленные сведения из жизни различных народов, среди которых имеются и марийские языковые данные, опубликованные в виде словарной части в третьем томе его «Собрания русской истории» (Miller 1759). Словарь содержит более 300 слов, среди прочих лексических единиц были записаны и некоторые названия птиц. Интересным является одно название tschongischtisch «птица». Оно показывает, что еще в то время современное слово *кайык* «птица» не приобрело такого широкого употребления, основным значением было «дикий», а птицу обозначили по особенной ее черте, способности летать, букв. tschongischtisch *чоҥештыше* «летающий». В этом отношении ценность записей Г. Ф. Миллера несомненна.

Следующим памятником XVIII века, имеющим важное значение не только по отображению лексического

состава марийского языка того периода, но и по содержащимся грамматическим сведениям, является первая марийская грамматика 1775-го года «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка». В грамматике лексика марийского языка представлена довольно богато. Всего в ней дано более тысячи лексем, из них 504 — имена существительные, орнитонимы же составляют 40 названий (с. 65—66). Уже в ту пору слово *кайык* начинает употребляться и в том значении, которое имеет оно в настоящее время: *канкъ* (следует читать *каик*) «птица». Название же *канкъ-онъ* «орел» (следует читать *каик он*) в современном марийском языке не употребляется, слово *он* в этом сочетании сохранило своё архаическое значение, *он* «владыка», современное марийское *он* «глава, вождь» (Гордеев 1977:65). Ценными являются косвенные сведения о том, что в марийском языке было время, когда язык искал слово для обозначения вообще птиц. В грамматике дан орнитоним *колагукшь* «чапура», второй элемент которого *-гукшъ* восходит к татарскому *кош* «птица». Это показывает, что какая-то часть марийцев в древности для обозначения птицы могла использовать слово *куш* «птица».

Диалектной основой первой марийской грамматики является йошкар-олинский говор лугового наречия (Грузов 1977:29), поэтому фонетическое оформление названий соответствует особенностям этого говора: *варакшъ* «цыплятникъ», *агутанъ* «петухъ», *цыве* «курица», *цыбинеге* «цыпленокъ», *цанга* «галка», *кубулцо* «глухая тетеря».

«Черемисско-русский словарь», составленный учителем духовного училища Земляницким (РФ библ. им. Лобачевского КГУ, № 1420), хотя и остался только в рукописи, но значение его в изучении лексики марийского языка значительно. Материал для словаря собирался и записывался в 1850—1860 годах в Царевококшайском уезде (йошкар-олинский говор). Содержит около 26 названий птиц, некоторые из этого числа в современном марийском языке не употребляются: *куаза* «род дикой утки», *южъ* «земляная ласточка». Другие же используются в иной форме: *кубыло* «глухарь, куропатка», *аутан* «петух». Отмечаются два значения слова *кайык: каик* «дикий» и *каик* «птица», *шулдуран каик* «птица» в противоположность *чодра каик* «зверь».

«Словарь черемисского языка» священника с. Арино (Моркинский район) Александра Смирнова, датированный 1867-м годом (РФ библ. им. Лобачевского КГУ, № 1446), своим орнитонимическим материалом может дать дополнительные данные о существовавших способах выражения родо-половых особенностей птиц. Название *комбо ава* «гусыня» и *комбо ача* «гусак» говорят не только о постпозитивном положении слов-разграничителей, но и о возможности выступления в этой роли слова *ача* «отец». Один из записанных в рукописи орнитонимов в современном марийском языке не употребляется: *тюменъ* «ястреб».

В середине XIX-го века Канцеровским был составлен еще один «Черемисско-русский словарь», который имел в своем лексическом составе 20 орнитонимов. В названиях *курнужъ аба* «ворона-самка» (с. 80), *кубылчо узо* «самец глухаря» (с. 76), *комбо аба* «гусыня» (с. 74), *кедэ аба* «голубка» (с. 67) отмечается постпозитивное положение слов *узо* «самец», *аба* «самка», также возможность образовать такие формы с орнитонимами *курныж* «коршун» и *кубылчо* «самка глухаря», которые в современном языке не наблюдаются.

Словарь, составленный венгерским языковедом М. Силаши (Szilasi 1901), написан на основе ранее изданных словарей, диалектологических текстов, грамматик, учебников и переводов священных книг. По объему он является самым большим из всех словарей, вышедших в дореволюционный период, и включает около 6800 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. Из этого числа более 80 — названия птиц. Они даны с переводом на венгерский и немецкий языки, а в некоторых случаях и на русский. После названия имеется этимологическая заметка о происхождении орнитонима, сокращенно указывается печатный источник, откуда взято слово.

Несмотря на правильность отнесения большинства слов к тем или иным источникам (к чувашским: *чибе* «курица», *шаленге* «канюк», *томына* «сова», *шӳшпык* «соловей», *турий* «жаворонок», ӳнгӧ «филин», *сарси* «воробей», *агытан* «петух», *чанга* «галка»; к татарским: *кӧгӧрчен* «голубь», *кӱрка* «индюк», *пӱркӱт* «беркут»), имеются ошибки при определении языка заимствования. Так, названия *чыве* (в отличие от *чибе*) «курица», *аргек* «чирок» отнесены к татарским, финно-угорское сло-

во *йӱксӧ* «лебедь» к чувашско-татарскому источнику (с. 60). Фонетические варианты одного и того же слова почти всегда составляют отдельную словарную статью: *агытан* (с. 4) и *äптäн* (с. 9) «петух», *шырчык* (с. 222) и *сырчык* (с. 200) «скворец», *шӧжвӧк* (с. 223) и *шишпык* (с. 219) «соловей». Особенностью словаря является то, что он содержит вышедшие из употребления орнитонимы и их фонетические формы: *цапл'ана* «цапля» (с. 16), *циркы* «чирок» (с. 21), *сувузо* «глухарь» (с. 205), *мурлäнге* «синица» (с. 130), *тӱк-маншакек* «снегирь» (с. 258), *вакланлудо* «крохаль» (с. 277), которые помогают выявлять историю становления и обогащения орнитонимической лексики марийского языка.

Восточномарийский словарь Х. Паасонена (Paasonen 1948) отражает лексические особенности восточного, лугового и отчасти горного наречий марийского языка (Исанбаев 1979:27). Основной материал для словаря собран в д. Чураево Бирского уезда (ныне Мишкинского района Башкирской АССР). Отмеченная в словаре форма *würzümö kaik* «ласточка-касатка» является архаичной, в современном марийском языке — *вӱрзӧ*, употребляется без компонента *кайык* «птица» и суффикса *-мӧ*.

Из словарей послеоктябрьского периода обращает на себя внимание «Марий мутэр» В. М. Васильева (в книге под псевдонимом Ӱпымарий) и «Марийско-русский словарь» 1956 года, отличающийся как полнотой охвата лексического материала, так и включением звукоподражаний крикам и пению птиц.

Сравнительный словарь диалектов марийского языка является главным лексикографическим трудом В. М. Васильева. В него вошли материалы ранее вышедших словарей, грамматик, учебников, также рукописные материалы устного народного творчества и слова, записанные самим автором среди мари. Особенно ценным является то, что в словаре зафиксировано большое количество редких слов: названий трав, птиц, рыб, предметов быта, различных видов вышивок и т. д., которые вышли или выходят из общего употребления» (Патрушев 1972:169). Более 200 названий птиц с их фонетическими вариантами довольно полно отражают орнитонимический пласт лексики того периода. Из них названия *йурынго* «снегирь» (с. 312), *койа кэргэ* «дятел черный» (с. 270) в современном марийском языке не

употребляются. Некоторые словарные статьи содержат внешнее описание птицы, приводится фольклорный материал, связанный с названием. Если к этому еще добавить более 45 звукоподражательных образований, связанных с криком и именем птиц, то станет ясна роль словаря В. М. Васильева в изучении лексического богатства марийского языка. Хотя и отмечалось, что «словарь значительно устарел для практического пользования» (Патрушев 1972:170), но только не в отношении орнитонимического материала и отображения его диалектных особенностей.

«Марийско-русский словарь» (МРС), составленный сотрудниками МарНИИ, построен в основном на материале лугового наречия, со включением слов горного и восточного наречий. Орнитонимическая лексика марийского языка в нем отражена широко и в абсолютном большинстве случаев русский перевод соответствует обозначаемой реалии. Значение его для изучения тематической лексики языка огромно. В настоящее время он является единственным словарем такого плана, имеющим широкое практическое употребление людьми всех возрастов и специальностей.

Интересный орнитонимический материал содержится в диалектологических словарях марийского языка. В 1971 году был издан И. Г. Ивановым и Г. М. Тужаровым «Словарь северо-западного наречия марийского языка». Словарь включает около 7000 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. Лексические варианты даются отдельными словарными статьями, фонетические же формы отмечаются в одной и той же статье: *вäрäксем, вäрä • ксим* «ласточка» (с. 29). Некоторые орнитонимы, имеющиеся в словаре, прямо указывают на этимологию данного слова: воробей, *орови* «воробей» (с. 36). Фиксация особенностей диалекта, который в настоящее время переживает все более усиливающийся процесс своего исчезновения вследствие ассимиляции с соседним русским населением, имеет огромное значение для изучения становления лексики и грамматики марийского языка, в частности, марийской орнитонимии. В 1981 году вышла другая работа диалектологического характера «Словарь горного наречия марийского языка» А. А. Саватковой. В словарь включены устаревшие слова (с пометкой устар.) и русские заимствования, получившие широкое употребление и из-

менившие свой фонетический облик. Орнитонимическая лексика горного наречия в этой книге представлена почти полностью, приблизительно из 10 тысяч слов названия птиц составляют более ста единиц.

В ряде финно-угорских языков названия птиц в языковом отношении изучены довольно хорошо (эстонском, удмуртском), что нельзя сказать относительно марийского языка. Этимологическому анализу подвергались лишь простые, односоставные орнитонимы, которые имели место при рассмотрении лексического состава других языков или же в связи с решением фонетических, морфологических и других проблем финно-угорского языкознания. Составные же — приводятся в качестве иллюстративного материала при изучении словосложения как в марийском, так и в других финно-угорских языках.

Этимологии значительной части марийских простых названий птиц являются общими для всех или большинства финно-угорских языков, даются они в сравнительных словарях финно-угорских языков И. Буденца и О. Доннера (J. Budenz. Magyar-ugor összehasoneitó szótar, Budapest 1873—1881. O. Donner. Vergleichen des Wörterbuch der finnisch-ugrischen Spachen, 1, 2, 3. Helsingfors 1874, 1876, 1888), марийские соответствия приводятся также в «Этимологическом словаре финского языка» (SKES), «Историко-этимологическом словаре венгерского языка» (MTESz), «Кратком этимологическом словаре коми языка» (КЭСК), Этимологическом словаре Б. Коллиндера (Collinder 1955, 1977), Г. Берецки в своей диссертационной работе «Финно-угорские элементы в лексике марийского языка» этимологическому изучению марийских орнитонимов посвящает специальный раздел (с. 109—117). Но рассмотрению подверглись лишь 19 орнитонимов из большого количества марийских названий птиц и 4 слова, связанные с птицами (*пун* «пух», *муно* «яйцо», *пыжаш* «гнездо» и *пыстыл* «перо»). Все эти этимологии с точки зрения современных достижений финно-угорской лингвистической науки правильны.

М. Мягер при исследовании эстонских названий птиц (Mäger 1967) приводит и марийские орнитонимы. Ценность этой работы в том, что она содержит интересный материал по перекрещиваниям и перенесениям названий птиц, сопоставлению орнитонима со слоговой

имитацией голоса птицы, что дает возможность автору высказать сомнение в правильности некоторых ранее принятых этимологий. Для сравнения берутся данные не только родственных, но и неродственных языков.

Другой работой, имеющей большое значение как в методологическом отношении, так и в плане содержания марийских названий, является диссертация С. В. Соколова «Названия птиц в удмуртском языке». Удмуртские орнитонимы анализируются в сравнении с богатым фактическим материалом многих родственных языков, что не могло сказаться положительно на результатах научного исследования. Для сопоставления названия и слоговой имитации берутся не только данные источников, но и широко распространенные в народе подражательные слова, которые тесно связаны с самими орнитонимами и позволяют выделить действительно ономатопоэтические номинативные единицы.

Татарские, чувашские заимствования и проникновения в марийском языке изучены достаточно основательно как финно-угроведами, так и тюркологами. Среди них первое место как в отношении хронологии, так и по глубине содержания занимают монографии финского тюрколога М. Рясянена «Чувашские заимствования в марийском языке» и «Татарские заимствования в марийском языке» (Räsänen 1920, 1923). Положительные, знаменательные стороны и некоторые недостатки этих работ в общем плане глубоко проанализированы Н. И. Исанбаевым (Исанбаев 1979:20—25).

В первой своей монографии М. Рясянен всесторонне рассмотрел чувашские заимствования в марийском языке. При установлении источника заимствования решающим считает фонетический критерий, а в тех случаях, когда он оказывается недостаточным, принимает во внимание морфологические и семантические признаки. Из 597 чувашских заимствований (Исанбаев 1979:22) М. Рясянен приводит и 16 орнитонимов. Из них лишь причисление *кӳдыр* «тетерев» к чувашским источникам (Räsänen 1920:149) в настоящее время вызывает сомнение, ср. эст. *kudres* «тетерев».

Во второй монографии такой же глубокий и всесторонний анализ дается татарским заимствованиям. 9 марийских орнитонимов причислены им в разряд татарских заимствований. Такие названия, как *арыслан-кайак* «орел» (с. 22), *көгөрчен* «голубь» (с. 40), *кӳрка*

«индюк» (с. 43), *пӳркыт* «беркут» (с. 56), *тагарльык* «чибис» (с. 65), *тӳлӳген* «сокол» (с. 72), *шырчык* «скворец» (с. 64), *чывырзик* «трясогузка» (с. 77) действительно источником заимствования имеют татарский язык, но орнитоним *пулдырчо* «перепел» (с. 55) мог возникнуть в марийском самостоятельно, тем более, что он является звукоподражательным и не имеет фонетического соответствия в самом татарском языке.

Монографии чувашского языковеда М. Р. Федотова «Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми», «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками» (Федотов 1965, 1968) касаются заимствованной лексики и в чувашском и в марийском языках. В первой работе рассматривается 19 орнитонимов. Для большинства названий чувашский источник заимствования отмечен правильно, хотя этого нельзя сказать о таких словах, как *кӧгӧрчен* «голубь», *кӳрка* «индюк», которые в марийском языке являются татарскими или финно-угорскими. Во второй монографии все 5 марийских названий птиц в чувашском языке отмечены правильно: *кӑрӑш*/мар. *карш* «коростель» (с. 199), *кӑпшӑльӑ*/мар. *купшӱльӧ* «сойка» (с. 200), *кӑрмӑчак*/мар. *курмызак* «вальдшнеп» (с. 200), *чӗкес*/мар. *чызек, чезек* «ласточка» (с. 207), *шаланкӑ*/мар. *шаленге* «канюк» (с. 208).

Другой работой, где рассматриваются марийско-чувашские языковые связи, является монография Г. В. Лукоянова «Марийские заимствования в чувашском языке» (Лукоянов 1974). Здесь марийскими в чувашском языке уже считаются 7 названий птиц, к данным М. Р. Федотова совершенно правильно добавляются орнитонимы *пӑлтӑрччан*/мар. *пулдырчо* «перепелка» (с. 57) и *чӗҫкре локӑр*/мар. *лого* «дрозд» (с. 57—58).

Из марийских языковедов вопросами марийско-тюркских языковых отношений занимались Д. Е. Казанцев (1972), Ф. И. Гордеев (1973), Н. И. Исанбаев (1978, 1979, 1980).

В 1969 году вышла работа А. А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке». Как русское заимствование отмечен лишь один орнитоним *инд'ука*/русск. индюк (с. 98), хотя в этот же раздел можно было включить название *орави (ворави, рави)*/русск. воробей.

Выше речь шла в основном только о таких работах, которые содержат фактический лексический материал, касающийся названий птиц. Однако некоторые орнитонимы освещаются прямо и косвенно или даются как примеры в работах по исторической фонетике, исторической морфологии и диалектологии марийского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Гордеев Ф. И. 1977, О словаре первой печатной грамматики марийского языка.— В кн.: 200 лет марийской письменности. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1977, Лингвистическое значение первой марийской грамматики.— В кн.: 200 лет марийской письменности. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке.— В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1979, История изучения татарских заимствований в марийском языке. В кн.: Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1980, Проблема разграничения татаризмов от заимствований из других языков.— В кн.: Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола.

Казанцев 1972—Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С. Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола.

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Лукоянов П. В. 1974, Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары.

Птицы... 1977—Птицы Волжско-Камского края. Неворобьиные. М.

Соколов С. В 1973, Удмуртские названия птиц. Дисс... канд. филолог. наук. Тарту.

Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чебоксары.

Федотов М. Р. 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и черемисскими финно-угорскими языками, часть II. Чебоксары.

Collinder B. 1955, 1977 Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. 1955 — Uppsala, 1977 — Hamburg, Second Revised Edition.

Miller G. F. 1759, Sammlung Russischen Geschichte. N. 3, СПб.

Mäger M. 1967, Eesti linnunimetused. Tallinn.

MTESz 1967, A magyar nyelv történeti-etimologiai szótar. Budapest.

Paasonen H. 1948, Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki.

Räsänen M. 1920, Die tschuwassischen. Lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki.

Räsänen M. 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja I—VI, Helsinki 1955—1978.

Szilasi M. 1901, Cseremisz szótár (vocavularium ceremissicum). Budapest.

А. С. Ефремов

СТРУКТУРА, ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ МАРИЙСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Флористическая лексика марийского языка до последнего времени не была предметом специального исследования. А между тем необходимость ее изучения очевидна. Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых марийских фитонимов как со стороны их семантики и структуры, так и этимологии.

Чистотел (Chelidonium L)

Вӱршудо кр.-уф. В «чистотел большой». Сложный фитоним: *вӱр* «кровь»+*шудо* «трава». Определительный компонент *вӱр* восходит к финно-угорскому **wire* или **were*, ср. фин. *veri*, морд. э. *верь*, м. *вяр*, коми *вир*, удм. *вир*, венг. *vér* (КЭСК 57, Collinder 1977:137). Лексема *шудо* относится к собственной марийской лексике. Млечный сок чистотела при попадании на кожу оставляет бурые пятна, похожие на йод, и вызывает сильное жжение (Голышенков 1982:214). Этим, вероятно, и обусловлено появление названия. Этот же семантический признак присутствует в наименовании чистотела в татарском языке, ср. *канныүлэн* букв. «кровяная трава» (Бурганова 1976:127).

Сар кына В (МРС 522) «чистотел». В основе номинации — цветовой признак растения. Цветки ярко-желтые на длинных цветоносах собраны в простые зонтики. Составной фитоним *сар кына*<В, Г *саре* «желтый», Л «серый»+*кына* «розовый» заимствован из татарского языка, тат. *сары кына* «чистотел» (ТРС 1966:470).

Чӱчышудо Л, В (МРС 681), *цӱцӱшуды* (Саваткова 1981:187) «чистотел большой». По мнению В. И. Лыткина, мар. *чӱчы* Л, В, *цӱцы* Г можно сопоставить с коми-перм. *тшӧтшкӧр* (**тшӧтш-кор*, где *кор* «лист») и коми-язьв. *тшӱтш-кэр* «щавель», а также с коми-зыр.

тшетшак «водяная лилия» (*-ак* — суффикс). Коми слова восходят к общепермскому **тшӱтш* — «вид лекарственного растения» (Лыткин 1968:31). Такое сопоставление следует считать правильным. В фонетическом отношении мар. *ч, ӱ* соответствует коми *тш-*, коми-перм. *ӧ* и коми язьв. *ӱ*. Что же касается различия в семантике, то следует заметить, что различные растения даже в пределах одного говора часто называются одним и тем же словом, например, кр.-уф. В фитоним *вӱршудо* функционирует для наименования «чистотела» и «зверобоя». Вариант *цӱцӱшуды* отражает междиалектное звукосоответствие: Л, В *ч*∼Г *ц*, ср. *чыве*∼*цывы* «курица», *шӧрмыч*∼*сермыц* «узда» (Грузов 1965:179).

Шыгылешудо (МРС 750) «чистотел большой». Образован сложением лексем: *шыгыле* «бородавка»+*шудо* «трава». Компонент *шыгыле* финно-угорского происхождения: фин. *syylä*, лив. *sügl*, саам. *čiw'hle*, морд. *ćil'ge, sil'gä*, венг. *süly* (Collinder 1977:130). Чистотел содержит желто-оранжевый млечный сок, который на воздухе немедленно превращается в оранжево-красный цвет. В народной медицине млечный сок применяется для лечения накожных болезней (выводят бородавки) (Подымов 1975:166). В основе номинации — лекарственное свойство реалии. Аналогичная номинация в русском языке: *бородавник*.

Лебеда (Atriplex L.)

Коншудо Л, В, СЗ (МРС 220; Ӱпымарий 1928:73); Саваткова 1981:86), *конъ шудо* (Сочинения 1775:87) «лебеда татарская». Фитоним *коншудо* сложный: *кон*+*шудо*. Слово *кон, конвӱд* «щелок, щелочь» (*вӱд* «вода») финно-угорское: коми *кунва* «щелок, щелочь»; первоначальное значение мар. *кон*, коми *кун-* «зола, пепел», саам. *gudnâ, gunâ* «зола». Очень трудно отделить от этих слов манс. *xul?m*, хант. *kâiэm*, венг. *hamu* «пепел», хотя в них и нет строгого фонетического соответствия (КЭСК 146). Появление наименования обусловлено применением реалии в быту. Раньше из золы лебеды добывали поташ, который применялся при отбеливании холста. Идентичная семантическая модель в основе вепс. *porohiin* «лебеда», *poro* «шарик (вываренная зола)»+*hiin* «трава» (ВРС 1972:431).

Муян Г (МРС 328; Саваткова 1981:94), *мойан* (Ис-

менца, Кужмара Звен.) Л, *mujan* Г «*gänsefuss*» (*chenopodium*) (Wichmann 1923:74). Лексема *муян, мойан* заимствована из чувашского языка (Казанцев, Патрушев 1972:81), ср. чув. *маян* «лебеда», кирг. *мыйа* «название горькой травы с желтым цветком», туркм. *буян* «солодка», уйг. *буйа* «сорная трава» (Егоров 1964:131).

В говорах восточного наречия функционирует фитоним *алабота, алавота, алавуда, алавута,* который заимствован из татарского языка: *алабута* «тж» (Гордеев 1979:78—79).

Гвоздика (Dianthus L)

Вӱрлым-шудо (Ӱпымарий 1928:222) «гвоздика разноцветная». Сложный фитоним: *вӱрлым (вӱрлымӧ)+шудо* «трава». *Вӱрлымӧ* производное слово: *вӱрлымӧ<вӱрлаш* «обливаться кровью»<*вӱр* «кровь». Выделяемый в слове *вӱрлаш,* суффикс *-л* один из самых продуктивных в марийском языке. По мнению И. С. Галкина, суффикс *-л* заимствован из чувашского языка (Галкин 1966:131). Суффикс пассивного причастия *-ме (о, ӧ)* финно-угорского происхождения (Галкин 1964: 164). В основе наименования — лекарственное свойство реалии. Народная медицина давно применяет гвоздику при маточных кровотечениях после родов и при атонии матки. Препараты гвоздики обладают кровоостанавливающим и обезболивающим действием (Голышенков 1982:234).

Куксин с'äс'кä кр.-уф. В «гвоздика травянка». Определительный компонент *куксин* заимствован из русского языка: *куксин* «анилиновый краситель фуксин»; *куксиновый* «темно-красный»; *кукся* «комнатное растение с розовыми цветками» (СРНГ 16:45). Элемент *с'äс'кä* «цветок» восходит к чувашскому источнику (Казанцев, Патрушев 1972:81), ср. чув. *сеске* «цветок». Название отражает темно-розовую окраску цветов денотата.

Тегытшудо Л., В (МРС 159), *тигытвуй, тигытпеледыш* Г (Саваткова 1981:159), *тэгыт вуй чача* В (Ӱпымарий 1928:222), *тегытшудо* (Упамаш, Нурумбал Морки) Л «гвоздика дельтовидная». Лексема *тегыт* «деготь» заимствована из русского языка. В русских заимствованиях анлаутное *д* заменяется соответствующим глухим *т,* ср. *тамбе* «дамба», *тренча* «дранки»

и др. Появление гласного *и* в горномарийском варианте отражает междиалектное звукосоответствие: большинство говоров языка *е*~горное и некоторые другие *и*, ср. *шен — шин* «трут», *леве — ливе* «теплый» (Грузов 1965: 90). Б. Коллиндер мар. *вуй* «голова» сравнивает с фин. *oiva* «превосходный, прекрасный, отличный», саам. *oai've* «голова», манс. *aawa* «голова», хант. *awa*, нен. *ŋaejwa* «голова», нган. *ŋajwwa*, энец. *ewwa* (Collinder 1977:62). По мнению Ф. И. Гордеева, марийское *вуй* одного происхождения с морд. э. *уй* «мозг», саам. *войв: Карас войв* «жестокая голова» при *oai've* «голова», фин. *oiva* «превосходный, прекрасный, отличный», манс. *аава* «голова», хант. *ава* «край Большой Медведицы» (Гордеев 1983:155). Думается, что вышеприведенные параллели из родственных языков требуют некоторого уточнения и дополнения. Прежде всего, к мар. *вуй* по своей семантике и фонетическому оформлению более близка финская лексема *aivot* «мозг» (РФС 1963:370), чем *oiva*, а также эст. *aju* «мозг» (РЭС 1982:309). Слово *пеледыш* «цветок», созданный с помощью уральского суффикса — **KS>kš>š* (Галкин 1966:36) от глагола *пеледаш* «цвести», принадлежит исконному фонду. Составители «Краткого этимологического словаря коми языка» мар. *чача* «цветок; игрушка» сравнивают с коми *ча-ча* «игрушка», коми уд. *чача* «цветок», удм. *чача* «игрушка; цветок (в разговоре с детьми)».— Общ. **č'ač'a* «игрушка»; венг. *csecse, csëcs* «игрушка» (КЭСК 303). Вероятно, раньше это название гвоздики служило для обозначения *смолки клейкой*, у которой верхняя часть стебля липкая. Это липкое вещество защищает растение от нападения ползающих насекомых и животных, стремящихся добраться до нектара (Нейштадт 1963: 237). В данном случае мы имеем дело с явлением переноса названий. Такое совпадение можно объяснить сходством признаков растений: они относятся к семейству гвоздичных, цветки темно-розового цвета. Аналогичные номинации представлены в других языках, ср. коми *сиртурун* «повилика» (букв. «смола-трава») (Ракин 1977:10); чув. *тикĕт курăке* «гвоздика»<*тикĕт* «деготь»+*курăке* «трава» (ЧРС 1982:482).

Нужнашудо (Осипсола, Марисола, Кукнур Морк.-Серн.) Л, *nužnašudo* «nelke; gewühznelke» (Szilasi 1901:140) «гвоздика пышная». Сложный фитоним, образованный сложением лексем: *нужна* «нужда»+*шудо*

«трава». Компонент *нужна* заимствован из русского языка. Семантическая мотивировка не ясна.

Чезекйол (МРС 669; Исменца, Кужмара, Нуктуж, Карай, Петъял, Сотнур Волж.) Л, *цыгак пеледыш* Г (МРС 662; Саваткова 1981:181) «гвоздика травяная». М. Р. Федотов лексему *чезек, цыгак* «ласточка» в одном случае считает чувашским заимствованием в марийском языке (1965:61), в другом — марийским заимствованием в чувашском языке (1968:207). Составители «Краткого этимологического словаря коми языка» мар. *чезек, цыгак* сравнивают с коми *чикыш* «ласточка», манс. *s'akajix,* хант. *säkijak, sikijak* «тж».— Общеп. ** c'ik* — (КЭСК 305). Сюда же, вероятно, относится и удм. *чечек* «трясогузка». Название указывает на специфику морфологии объекта, т. е. фиксирует некоторое сходство реалии с животными. Такая ассоциация осуществляется по модели: часть тела животного→название. В марийском языке довольно много фитонимов, образованных по этой схеме, например: *урвоч* «хвощ полевой» (букв. «беличий хвост»), *казапылыш* «подорожник средний» (букв. «козлиное ухо»), *кергывуйшудо* «клевер луговой, или дятлина» (букв. «трава—дятлина голова») и др.

Тысячелистник (Achillea L.)

Вӱркучышшудо (Нурумбал, Тайганур, Юшуттур Морк.-Серн.) Л «тысячелистник обыкновенный». Сложный фитоним: *вӱр* «кровь»+*кучышо* «держащий»+*шудо* «трава» (букв. «кровь держащая трава»). Лексема *кучышо* образована от глагола *кучаш* «держать, поймать» с помощью причастного суффикса финно-угорского поисхождения *-ше (о, ӧ).* Слово *кучаш* восходит к финно-угорскому источнику, хотя В. И. Лыткин не приводит марийское соответствие, ср. коми *кутны* «поймать; держать; содержать; стать, быть», удм. *кутыны* «поймать, схватить».— Общеп. **kut-;* морд. *кундамс* «поймать, взять, схватить» фин. *kunne~kunteen* «след на коже от сжатия веревкой, от сжимания рукой», саам. *god'dem* «убивать».=Доперм. *kuntɬз*—«поймать, схватить» (КЭСК 147—148). Тысячелистник является старинным народным кровоостанавливающим средством, наложенный на рану лист травы повышает свертываемость крови и оказывает болеутоляющее действие, чем

и обусловлено появление названия. Этот же семантический признак присутствует в наименовании тысячелистника в других языках, ср. коми *вир тупьян турун* (бук. «кровь держащая трава»), *вир ланьтӧдан турун* (букв. «кровь успокаивающая трава») (Ракин 1977:33); русск. *кровеник, кровавник.*

Ошвуйшуды Г (Балдаев 1983:94) «тысячелистник хрящевидный». Название отражает белизну денотата. Венчики тысячелистника обычно бывают белые. Идентичные номинации представлены в других языках, ср. морд. *аша пр'ац'ецка* «тысячелистник» (букв. «белая голова-цветок»); тат. *акбаш* «тысячелистник»<*ак* «белый»+*баш* «голова» (Бурганова 1976:126). *Ош*<*ошо* «белый» финно-угорского происхождения, ср. морд. э. *ашо* «белый», коми *езыд* «тж», венг. *оос* «серый» (Галкин 1958:130).

Пӧшыршудо Л., В (МРС 453) «трава от грыжи», *пӱсыршудо* Г, *пӧс'ыршудо* кр.-уф. В «тысячелистник обыкновенный». Фитоним *пӧшыршудо* прозрачно делится на два компонента: *пӧшыр* «грыжа»+*шудо* «трава». В основе номинации — лекарственное свойство растения. Настой корня тысячелистника в народной медицине пьют от грыжи. Вопреки М. Р. Федотову, усматривающему в мар. *пӧшыр* чувашское заимствование (Федотов 1965: 108) его следует считать татарским заимствованием (Räsänen 1923:54; Казанцев, Патрушев 1972:85), ср. тат. *büser* «тж», кирг. *bösür.* Как справедливо замечает Л. П. Грузов, татарское **ӧ*>(>*ӱ*) в марийском передается таким же по качеству *-ӧ*, а татарское **ӱ*(>*ӧ*) в большинстве диалектов марийского языка *-ӱ*, например, мар. *кӧнем* «сожалею»<тат. *kün*, кирг. *kön;* мар. *тӱшак, тӧшак* «перина»>тат. *tüšak*, кирг. *tösek* и др. (Грузов 1965:97). Согласные *с* и *с'* в лексеме *пусыр, пӧс'ыр* отражают междиалектальное звукосоответствие: шипящему *ш* основных марийских диалектов соответствуют *с* и *с'* в других диалектах, ср. *пикш* Л — *пикс* кильм.— *пикс'* малм., урж. «стрела» (Грузов 1965:158).

Пӱчмышудо (Нуктуж Волж., Азъял, Купсола, Абдаево, Кожлаер, Вонжеполь, Изи-Шурга, Кесебеляк Морк.-Серн.) Л «тысячелистник обыкновенный». Лексема *пӱчмӧ*(<*пӱчкаш* «резать»+*мӧ* причастный суффикс финно-угорского происхождения) восходит к финно-угорскому источнику, ср. фин. *pätkia* «резать», домрп. **päčk-;* саам. *bэes'ke,* морд. *pečke-*, нен. *pida* — «сре-

зать» (Основы 170; Collinder 1977:66). В прежние времена тысячелистник был широко популярен у жнецов, когда имелись случаи пореза руки. В таких случаях на рану накладывали лист тысячелистника. Этим и обусловлено появление названия. Идентичные семантические модели широко представлены в других языках, ср. коми *чарла турун* (букв. «серп-трава»), русск. *порез*.

Папоротниковые (Polypodiceae)

Авага белеб., менз. В «щитовник мужской или мужской папоротник»<тат. *абага* «тж».

Зернай менз., прибел. В «папоротник». Татарское заимствование в марийском языке.

Кӱртньышудо Л (МРС 261), *кӱртньӧ-шудо* Л (Ӱпымарий 1928:275), *кӹртн'ӹшудо* СЗ (Иванов, Тужаров 1971:105) «щитовник мужской или мужской папоротник». Лексема *кӱртньӧ*<общем. **киртн'э* «железо» иранское заимствование в марийском языке, ср. авест. *karəta* «меч», скиф. *karta,* осет. *kard* «нож, сабля» (Гордеев 1967:142). В других финно-угорских языках тоже иранского происхождения: коми *кӧрт,* удм. *корт* «тж».— Общеп. **kort* «железо»; манс. *keer* (КЭСК 142: Collinder 1977:142). Путем сравнительного анализа диалектных материалов и данных родственных языков в лексеме *кӱртньӧ* можно выделить суффикс *-не,* ср. Л *лыве,* В *лепене,* фин. *lippo,* венг. *lepe* «бабочка». Название дано на основе сходства с окружающими предметами, в данном случае с железом. Как правило, на нижней поверхности листьев папоротника к концу лета появляются бурые сорусы — кучки спорангиев, по окраске похожие на ржавое железо. Аналогичная номинация в коми языке: *кӧрт турун* «репейник»<*кӧрт* «железо»+*турун* «трава» (Ракин 1981:89).

Кӱртньынӧлдыш Л (МРС 261;Упамаш, Нурумбал, Шиньша, Шоруньжа, Шордур, Кукнур, Купсола, Марисла Морк.-Серн.); *кӱртньынелдыш* Л (Исменца, Кужмара, Нуктуж, Помары, Сотнур Волж.), *кӱртньӧлӧлдыш, кӱртньыйолшудо* (Ӱпымарий 1928:91), *кӹртнилӱлыш, кӹртнилӱдыш* Г (Саваткова 1981:74), *kürtn'öneleks* 'farnkraut» (Szilasi 1901:100) «щитовник мужской или мужской папоротник». Семантическая основа номинации аналогична названию *кӱртньышудо.* Фитоним *кӱртньынӧлдыш* образован сложением лексем: *кӱртньӧ* «железо»+*нӧлдыш* Л, *лӱлыш* Г «грузило;

прясло, пряслень колечко, надеваемое на веретено для придания тяжести». Лексема *нӧлтыш* производная:< *нӧлташ* «поднимать»<*неле* «тяжелый». Мотиватор (производящая основа) *неле, леле* финно-угорского происхождения, ср. фин. *läyli* «тяжелый», лив. *läalam,* манс. *l'ül,* хант. *рир* (Collinder 1977:111).

Шупкашудо Л (МРС 735) «папоротник». Сложный фитоним: *шупка* «накипь, осадок; нанос, ил»+*шудо* «трава». В основе номинации, вероятно,— место произрастания растения. Папоротник растет в тенистых местах, в елово-широколиственных лесах, по днищам оврагов. Если же этот семантический признак послужил основой номинации, то мар. *шупка* можно сравнить с фин. *savi* «глина», морд. *s'ovok',* хант. *sawi,* саам. *t'šuiva,* коми *сьой,* удм. *сюй* «земля (почва)» (КЭСК 252).

Шуркашудо Л, В (МРС 738; Ӱпымарий 1928:275) «папоротник мужской». Образован сложением лексем: *шурка* «головной убор замужней женщины» (<*шур* «рог»+уменьшительный суффикс финно-угорского происхождения *-ка*)+*шудо* «трава». Слово *шур* восходит к лексике финно-угорского периода, ср. фин. *sarvi,* саам. *čoar've,* удм. *сюр,* морд. э., м. *сюро,* коми *сюр,* венг. *szarv,* восходящее к индо-иранскому **srva:* авест. *srū, srvā,* новоперс. *serū, surū* «тж» (КЭСК 274; Collinder 1977:147).

В красноуфимском говоре широко распространен фитоним *чындаран лышташ* «щитовник мужской или мужской папоротник», получивший довольно подробный анализ в статье А. Н. Куклина (Куклин 1980:22—23).

Рассмотренный в этой статье материал охватывает лишь небольшую часть травянистых растений в марийском языке. Несмотря на то, что принцип отбора этих наименований был не лингвистический, думается, что некоторые обобщения могут иметь определенную, хотя и незначительную, доказательную силу.

Вышерассмотренные фитонимы показывают, что в марийском языке нет общих с родственными финно-угорскими языками названий травянистых растений. Вероятно, они не представляли особого интереса для жизни предков финно-угров. Думается, что лингвистические данные не противоречат данным истории и этнографии. Флористическая терминология в большинстве своем, очевидно, начала складываться в период самостоятельного

развития марийского языка. В образовании сложных и составных конструкций участвуют различные по происхождению (финно-угорские, собственно марийские, тюркские, русские) компоненты. В основе номинации названий трав лежат наиболее выразительные мотивировочные признаки, которые способствуют дифференциации различных видов растений.

ЛИТЕРАТУРА

Балдаев Х. В. 1983, Русско-марийский словарь биологических терминов, Йошкар-Ола.

Бурганова Н. Б. 1976, О татарских народных названиях растений.— В кн.: Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 125—142.

ВРС — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Ленинград, 1972.

Галкин И. С. 1958, Из истории общефинно-угорской лексики в марийском языке.— Труды МарНИИ, вып. XII. Йошкар-Ола, 121—137.

Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка, I, Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка II, Йошкар-Ола.

Голышенков П. П. 1982, Лекарственные растения и их использование, Саранск.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 180—203.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка I, А—Б, Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка II, В—Д, Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке.— В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 3—51.

Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С. 1972, Современный марийский язык. Лексикология, Йошкар-Ола.

Калямшин М. М. 1981, Ботаническая терминология в мензелинском говоре марийского языка.— В кн.: Вопросы марийской диалектологии. Йошкар-Ола, 153—164.

Куклин А. Н. 1980, Фонетическая адаптация тюркизмов в марийских фитонимах.— В кн.: Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола, 22—26.

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка, 1970, Москва.

Лыткин В. И. 1968, К этимологии марийских слов.— В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 30—31.

Меркулова В. А. 1967, Очерки по русской народной номенклатуре растений. Москва.

МРС — Марийско-русский словарь, 1956, Москва.

Нейштадт М. И. 1963, Определитель растений средней полосы европейской части СССР, Москва.

Основы — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, 1974. Москва.

Подымов 1975 — Подымов А. И., Суслов Ю. Д. Лекарственные растения Марийской АССР, Йошкар-Ола.

Ракин А. Н. 1977, Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология, Сыктывкар.

Ракин А. Н. 1981, Ботаническая терминология коми языка, Сыктывкар.

РФС 1963 — Русско-финский словарь, Ленинград.

РЭС 1982 — Русско-эстонский словарь, Таллин.

Саваткова А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола.

Сочинения 1775 — Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка, СПб.

СРНГ — Словарь русских народных говоров 16, Ленинград, 1980.

ТРС 1966 — Татарско-русский словарь, Москва.

Ӱпымарий 1928, Марий мутер. Москва.

Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары.

Федотов М. Р. 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, ч. II, Чебоксары.

ЧРС 1982 — Чувашско-русский словарь. Москва.

Collinder B. 1977, Fenno-ugric Nocabulary. An Etymological Dictionari of the Uralic Languages. Hamburg.

Räsänen M. 1923, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki, MSFOu L.

Szilasi M., 1901, Cseremisz szótár, Budapest.

Wichmann Y. 1923, Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischen Abriss, Helsinki.

А. Г. Иванов

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕЛА ЮРИНО И ЕГО НАЗВАНИЯ

В последнее время появился ряд статей и очерков отдельных историков, филологов и краеведов, рассказывающих об историческом прошлом поселка Юрино — современном административном и культурном центре одного из районов нашей республики. В них в какой-то мере были затронуты и вопросы, связанные с первоначальной историей этого поселения. Однако достоверных сведений на этот счет не приводилось[1].

Вниманию читателей предлагается сообщение, в котором раскрываются начальные страницы истории Юрино. Архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве и Государственном архиве Горьковской области в Горьком, показывают, что это поселение возникло в начале XVIII века в ходе хозяйственного освоения территории края беглыми крестьянами из центральных районов страны.

Впервые поселение Юрино упоминается в документальных материалах 1-й ревизии, проводившейся в России в 1719—1723 годах для поголовного учета мужского населения с целью взыскания с каждой ревизской души мужского пола государственных подушных податей. Особенностью проведения первой ревизии явилось то, что из-за «утайки» ревизских душ, перепись 1719 года была дополнена повторными переписями 1721 и 1723 годов. В частности, в ревизских сказках 1721 года по Нижегородскому уезду были зафиксированы показания старосты Ивана Иванова и выборного Трофима Корнилова о численности крестьянского населения «вотчины государыни Екатерины Алексеевны новопоселенного села Архангельского» с деревнями Липовка, Бардицы и Шумцы. В дополнительной переписи 1723 года указывается численность «пахотных крестьян» той же «вотчины императрицы Екатерины Алексеевны»,

проживавших «в селе Архангельском Юрино тож». Здесь же отмечается и численность крестьян в трех вышеназванных деревнях[2].

Приведенные документальные выдержки содержат, таким образом, важные сведения о том, что еще в 1721 году село Юрино считалось «новопоселенным», то есть основанным недавно. В переписи 1721 года имеется и прямая ссылка о количестве проживавших в Юрино в 1719 году 95 душ мужского пола. Примечательно, что уже в 1723 году термин «новопоселенный» не применяется по отношению к этому селу[3].

Материалы начала XVIII века позволяют предположить, что первыми поселенцами этих дремучих лесных мест Левобережья Волги стали беглые русские помещичьи, монастырские и дворцовые крестьяне центральных частей страны и самого Нижегородского уезда, которые в поисках лучшей жизни устремились на свободные земли, где не было гнета ненавистных крепостников. Именно сокращение крестьянского землепользования в старых местожительствах, рост владельческих повинностей, резкое усиление налогового гнета, исключительно тяжелые трудовые мобилизации и рекрутские наборы явились причинами таких побегов. На новом месте беглые крестьяне застраивались своими дворами, начинали вести привычный уклад жизни и тяжелым повседневным трудом вводили в хозяйственный оборот новые земельные площади. Со временем дворы беглых крестьян стали составлять целые деревни и даже волости. По свидетельству очевидцев в 1713 году в Среднем Поволжье беглые крестьяне «селятся по лесу собою и податей никаких не платят»[4].

Царское правительство, обеспокоенное усилением размаха крестьянских побегов, являвшихся одной из форм классовой борьбы крестьянства против своих угнетателей, вынуждено было принимать более энергичные меры по сыску и возврату беглых на прежние местожительства и прежним владельцам. Для этой цели были привлечены специальные воинские команды. Однако в ходе сыска в Среднем Поволжье обнаружилось такое множество поселений и волостей беглых, что царское самодержавие вынуждено было издать специальный указ, в котором предписывалось в том случае, если вся волость сплошь заселена беглыми, то этих крестьян «из волости в волость на прежние жилища не высы-

лать, а быть и в подушный оклад писать в тех местах, где оные ныне явились»[5].

В этом плане такая участь, видимо, постигла и беглых крестьян Рыжайской (в источниках иногда Рожайской) волости, проживавших в нескольких поселениях. Волость была отнесена к Закудемскому стану Нижегородского уезда одноименной провинции и губернии. Сами крестьяне с пахотными землями, сенокосными и лесными угодьями были закреплены за дворцовым ведомством в качестве одной из многочисленных вотчин Екатерины Алексеевны, ставшей в 1712 году законной супругой царя Петра Первого. Отныне крестьяне Рыжайской волости стали называться дворцовыми и подвергаться эксплуатации со стороны царской семьи и феодально-крепостнического государства. С них стали взыскивать денежный оброк, подушную подать. На них же лежала обязанность по поставке рекрутов и исполнения многочисленных других повинностей.

В начале 20-х годов XVIII века крестьяне Рыжайской волости находились в подчинении Домовой канцелярии е. и. в. по вотчинным делам. Дворцовое ведомство внимательно следило за исправным поступлением денежных и других оброчных поступлений, а также за сохранностью земельной собственности и крепостных крестьян в своих новых вотчинах. Этим в частности, объясняется и тот факт, что 8 февраля 1723 года управитель вотчинных дел Иван Грузинцов из Москвы в Козьмодемьянск направил стряпчим по охране вотчинных прав Рыжайской волости московского купца Таганьей слободы Якова Бакланова, чтобы «всякие градские дела, какие случатца, отправлять села Архангельского и земляные дела... и салдат, рекрут и беглых крестьян отнюдь чюжих не держать». А надо заметить, в Юрино и в начале 20-х годов XVIII века беглых было немало. Так, с 1720 года в селе с тремя сыновьями и тремя родными племянниками «во крестьянех» проживал 70-летний Иван Ильин, уроженец деревни Кротовы Хохломской дворцовой волости Балахонского уезда. Но в «поданых скасках во оном селе ни в котором годе не написан». В связи с дополнительной переписью 1723 года семью Ильина в начале года «выслали вон ис того села всем миром крестьяня»[6].

Всего по данным 1723 года в Рыжайской волости крестьянского населения насчитывалось 447 душ муж-

ского пола или приблизительно 900 человек обоего пола, из них в селе Юрино насчитывалось 109 душ м. п., в деревнях Липовке — 106, Бардицах — 134, Шумце — 98[7].

Непосредственное управление вотчиной-волостью осуществлял «управитель Иван Яковлев сын Киселевской из поляков». У него были помощники — «швед» Иван Григорьев, русские Иван Власов, Исак Игнатьев и Филипп Якимов. Все дела, касающиеся жизни вотчины, на основе полученных инструкций решались в приказной избе, находившейся в самом селе[8].

В 1723 году в селе Юрино кроме русских крестьян, проживали «шведской породы» 33-летний Арист Леонтьев сын Бабушкин с двумя сыновьями и родным братом Васильем 35 лет; в деревне Липовке — «ис пришлых государевых волостей корелян» (т. е. карел — А. И.) 60-летний Емельян Овдокимов со своим сыном; в д. Бардицы — карелы: 45-летний Терентей Мартьянов с сыном и 40-летний Ларион Карпов; в д. Шумце «явилось утаенных пришлых корелян» 33 души мужского пола, не считая 5 человек мужского пола — карел — «выходцев из-за рубежа». Видимо, шведы и карелы, составлявшие около 10 процентов крестьянского населения волости, очутились здесь в связи с событиями Северной войны 1700—1721 годов, когда происходившие военные действия непосредственно отразились и на судьбах и перемене местожительства[9].

Прирост населения волости происходил также за счет перевода сюда дворцовых крестьян из других царских вотчин. Так, по данным 1723 года в д. Бардицы из Мурашкинской дворцовой волости Нижегородского уезда была переведена семья 50-летнего крестьянина деревни Зимянок Ивана Клементьева с двумя сыновьями и внуком; из деревни Останкиной — семья 30-летнего Емельяна Иванова с двумя сыновьями[10]. Прирост крестьянского населения происходил и в последующие годы, но в основном за счет естественного движения. По данным II-й ревизии 1747 года в Рыжайской волости проживало 595 душ мужского пола, в том числе Юрино — 139, д. Липовке — 297, д. Шумце — 109, во вновь основанной деревне «Починок, Красногорка тож» — 29, д. Бардицах — 81[11].

Во второй половине XVIII века, в «век расцвета и господства дворянства» крестьяне Рыжайской волости были пожалованы одному из участников дворцового

переворота. В 1762 году крестьяне села Юрино и четырех деревень «со своими землями и угодьями» были отданы указом императрицы Екатерины II «в вечное и потомственное наследственное владение» инженер-поручику, капитану Инженерного корпуса Василию Ильичу Бибикову. При этом, вместо 600 пожалованных душ м. п., новый владелец закрепил за собой 649 душ м. п. Остальные 49 ревизских душ «убогих и нищих» были оставлены в дворцовом ведомстве[12].

В дальнейшем имение В. И. Бибикова — село Юрино с деревнями — было продано им уральскому заводчику и дворянину Никите Акинфиевичу Демидову, от которого по наследству перешло к его сыну Николаю. В 1787 году Н. Н. Демидов продал это имение надворному советнику А. А. Жеребцову, после смерти которого владелицей стала вдова О. А. Жеребцова. У последней в 1812 году приобрел крупный землевладелец-крепостник В. С. Шереметев[13].

В целом, выяснение некоторых новых подробностей начальной истории села Юрино позволяет выдвинуть и новое понимание происхождения его названия, которое, видимо, никак не связано ни с принадлежностью поселения тому или иному владельцу, ни с именем первопроходца. Как было показано, первой владелицей Юрино была царская семья в лице Екатерины Алексеевны. Среди имен первопоселенцев имя «Юрий» не встречается, т. к. оно широко было распространено среди представителей феодального класса и редко среди крестьян.

Видимо, происхождение названия этого поселения связано с особенностями его расположения по отношению к окружавшей природной среде. В списке населенных мест Российской империи за 1859 год по Нижегородской губернии это поселение обозначено как *село Юрьино* при реке Волге и озере Юрьине. Как видно, здесь выделены корень слова *юрь-* и окончание *-но*. Тут в объяснении возможны два варианта. Первый — поселение получило свое название от водоема, вблизи которого оно располагалось. Второй вариант связан с выяснением значения *юр*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Вл. Даля дано несколько его значений. Это — и лобное открытое вокруг место, где нет затишья; это и понятие, означающее «круто наклоненный», к нему же примыкает «чудской» корень *юр-* — «башка»[14]. Другими словами, *юр* означает место, ко-

торое возвышается по отношению к окружающему ландшафту. Поселение Юрино действительно располагается на более возвышенном месте, чем окружающая низинная местность. В материалах Генерального межевания земель конца XVIII века отмечалось, что село Юрино располагалось «по обе стороны оврага Ужова»[15]. Вероятно, на первых порах, поселение Юрино было представлено несколькими дворами беглых крестьян, расположенными на более возвышенном, круто наклонном месте. Другими словами, это — деревня на Юру, которая с постройкой здесь церкви и появлением прихода, превращается в село и получает соответствующее среднему роду окончание — но.

Таким образом, приведенный материал позволяет по-новому подойти к рассмотрению начальной истории Юрино, основание которого относится к началу XVIII столетия и было связано с хозяйственным освоением территории края русским крестьянством, а происхождение названия было связано с особенностями его расположения на местности.

ЛИТЕРАТУРА

[1] См. Г. Н. Айплатов. Навеки с тобой, Россия. Йошкар-Ола, 1967, с. 112; В. М. Грищук, Г. П. Кашков. В них история народа. Йошкар-Ола, 1971, с. 29; К. А. Кислов. Страницы прошлого. Немного из истории Юрино. Газета «Марийская правда» от 2—3 декабря 1983 г.; И. С. Галкин. Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985, с. 86—87.

[2] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2040а, л. 148, д. 2049, л. 49 об.

[3] Там же.

[4] Козлова Н. В. Побеги крестьян в России в первой трети XVIII века. М.: Изд-во Московского университета, 1983, с. 59.

[0] Там же, с. 132.

[6] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1419, л. 247, д. 1417, л. 652.

[7] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2049, л. 49 об-55.

[8] Там же, л. 49 об.

[9] Там же, л. 49 об.—55.

[10] Там же, л. 53, об.

[11] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2075, л. 455—535.

[12] ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2075, л. 438—454 об.; Дворянская империя во второй половине XVIII века. (Основные законодательные акты). М., 1960, с. 31.

[13] ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 814, л. 4—5; ГАГО, ф. 60, оп. 239 а, д. 178, л. 133, 756—810 об. Следует отметить, что по губернской реформе, в 1779 г. село Юрино с деревнями оказалось в Васильевском уезде Нижегородской губернии.

[14] Списки населенных мест Российской империи. Вып. XXV. Нижегородская губерния. СПб., 1863, с. 72; Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980, т. IV, с. 668—669.

[15] ЦГАДА, ф. 1355, оп, 1, д. 814, л. 5.

Л. Ш. Арсланов

ТОПОНИМИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РАЙОНАХ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО ЗАКАМЬЯ ТАТАРСКОЙ АССР

В районах Западного и Восточного Закамья в основном преобладает тюркская (татарская, башкирская и чувашская) топонимия. Помимо тюркской на данной территории представлена и топонимия финно-угорского происхождения. В статье будет рассмотрена топонимия марийского и удмуртского происхождения.

В настоящее время марийцы населяют следующие населенные пункты районов — Мензелинского: Чупаево (тат., мар. *Чупай*), Калтаково (тат., мар. *Калтак*), Филимоновка (мар., *У Ял*), Рус. Мушуга (тат. *Рус Мешега*); Муслюмовского: Мари Буларово (тат. *Мари Булар*, мар. *Мари Пӧлер*), Осиновка (тат. *Усаклык*, мар. *Шопкер*), Бекмясь (тат., мар. *Бикмэч*); Актанышского: Мари Суксы (тат. *Мари Суксу*, мар. *Йӱштӧ Памаш*), Терпели (тат., мар. *Терпеле*).

Удмурты проживают в населенных пунктах Бавлинского района Татарской АССР: д. Измайлово, С. Николашкино, Ваешур (Ваюшур), п. Покровский, с. Покровский Урустамак, д. Шарай, п. Воткин, д. Галкино, с. Удмуртские Ташлы. Официальные названия населенных пунктов, в которых в настоящее время проживают марийцы и удмурты, за исключением некоторых, напр., с. Калтаково, Ваешур, Воткин, тюркского (татарского, башкирского) или русского происхождения.

Данные топонимики, а также наличие «черемисских кладбищ» в районах Бельско-Икского междуречья и Северной Башкирии (Халиков 1976:127) и сохранение в отдельных татарских селениях марийских родов («чирмеш нэселе») свидетельствуют о том, что марийских и удмуртских населенных пунктов в Закамье было значительно больше, чем в настоящее время.

Следы былого присутствия марийцев и удмуртов в

рассматриваемом регионе обнаруживаются в основном в ойконимах и гидронимах, оставленных предками марийцев и удмуртов в наследство татарскому или русскому населению.

На наличие в Закамье топонимов марийского и удмуртского происхождения указывают исследования И. А. Износкова (Износков 1884), Д. А. Корсакова (Корсаков 1908), Г. А. Сепеева (Сепеев 1975), Г. Ф. Саттарова (Саттаров 1973, 1977), Ф. Г. Гариповой (Гарипова 1978, 1984), Ю. Г. Мухаметшина (Мухаметшин 1977), Халикова (Халиков 1978) и др.

В Западном Закамье топонимия марийского происхождения ограничивается несколькими гидронимами и ойконимами, последние, на наш взгляд, являются более древними, чем топонимы финно-угорского происхождения Восточного Закамья. Остановимся на некоторых из них:

1. *Чирмешэн* (Черемшаны) — гидроним и название районного центра Черемшанского района. Что касается происхождения топонима *Чирмешэн*, то существует несколько точек зрения. Г. Ф. Саттаров гидроним *Чирмешэн* считает марийским по своему происхождению и связывает его с черемисским (марийским) этнонимом (*чирмеш+шэн ан* — «река черемисов» (Саттаров 1973: 12). М. З. Закиев полагает, что слово *Чирмешэн* означает «масляная, река хвойных лесов» (Закиев 1977:170).

Более близкой к истине мы считаем этимологию, предложенную Г. Ф. Саттаровым. Топоним *Чирмешэн*, как мы полагаем, оставлен предками марийцев (черемисов), живших еще в эпоху существования Булгарского государства. В этом отношении представляют интерес сведения, приведенные Г. А. Сепеевым (Сепеев 1975). Так, по данным последнего, «...в XVII в. марийцы поволжских волостей Красный Яр и Первая Мусмора за рекой Илетью имели бортные угодья за Камой-рекою по речке по Черемшане» (Сепеев 175, 26).

2. Марийским по происхождению мы считаем название речки *Шэлэнгер* бассейна реки Шербень (д. Шербень Аксубаевского района ТАССР). Аналогичный гидроним имеется в Заказанье — правый приток Казанки у д. Тимирчи Арского района ТАССР (Гарипова 1984: 141). Топоним *Шэлэнгер* состоит из компонентов: мар. *шоло* «вяз»+суф. *ан шолан* «с вязами, вязовой»+топорформант *энгер* «река» (Галкин 182:11, 18), сходный

топоним (Ст. Шоленгер) имеется в Звениговском районе Марийской АССР (Галкин 1982:18).

3. К марийскому пласту следует отнести и гидроним *Ший (Шия)* — правый приток Малого Черемшана (д. Качи Алькеевского района ТАССР). Аналогичный и гидроним и ойконим представлены и в Мамадышском и Кукморском районах ТАССР (Гарипова 1984:139).

Топонимия финно-угорского происхождения встречается главным образом в районах Восточного Закамья ТАССР.

По мнению большинства исследователей, миграция татар (в том числе марийцев и удмуртов) на территории б. Уфимской губернии происходила в XVI—XVIII вв., особенно в период строительства укрепленных линий (Мухаметшин 1977). На строительство этих крепостей вынуждены были уходить целыми деревнями. Так заселен татарами — выходцами из Казанского уезда — район между Заем и Иком, где впоследствии оформилась мензелинско-сармановская группа казанских татар (Халиков 1978:151—152). Среди них, надо полагать, были марийцы и удмурты.

Переселение марийцев и других национальностей в Восточное Закамье проводилось по инициативе царского правительства. В XVII—XVIII вв. марийцы и удмурты привлекались на строительство оборонительных засечных линий на юго-восточных границах русского государства. В середине XVII века по «государевой грамоте» для постройки укрепленных закамских пограничных линий было мобилизовано население из Казанского уезда «преимущественно чуваши, черемися и вотяки» (Сепеев 1975:40). Переселение населения было насильственным, поэтому при удобном случае марийцы и удмурты возвращались в свои «старые деревни», оставляя память о своем пребывании в Восточном Закамье топонимами марийского и удмуртского происхождения. Как правило, в этих населенных пунктах в настоящее время проживает татарское и, частично, русское население.

Топонимы финно-угорского (марийского и удмуртского) происхождения в основном распространены в Актанышском, Муслюмовском, Мензелинском, Азнакаевском, Тукаевском, Заинском и Нижнекамском районах ТАССР. К топонимам финно-угорского происхождения в Восточном Закамье относятся следующие гидронимы и ойконимы.

Актанышский район

К антропотопониму марийского происхождения относит Г. Ф. Саттаров название крупного татарского села *Пучы* (Поисево) Актанышского района, восходящее к марийскому прозвищу *Пучо* «олень». Ср. мар. *пӱчӧ,* пучо «олень» (Саттаров 1973:27).

Название же села *Кузәкә* (Кузякино) Г. Ф. Саттаров возводит к удмуртскому воршудному имени *кузямка* «подарок». Сюда же следует отнести и название речки *Кожәкэ* бассейна реки Сунь при д. Ст. Байсарово (Гарипова 1984:81).

Очевидно, марийского происхождения гидроним *Кулегаш* (тат. Көләгеш, Кулэгеш), являющийся названием озера, расположенного на границе Актанышского и Менделинского районов ТАССР. Аналогичный ойконим *Кулегаш* (села заселенного марийцами), а также гидроним *Кулегэш* (Кулегаш) — левый приток речки Кырыкмас — имеется в Агрызском районе (Гарипова 1984:81). Можно предположить, что татарские названия *Көлэгеш, Кулэгеш* и название марийского села *Кулегаш,* как и гидроним *Кулегэш* (Кулегаш) единого происхождения. Название данного озера, по-видимому, вторичное, и его, надо полагать, дали марийцы, жившие когда-то недалеко от этого озера и переселившиеся из села Кулегаш Агрызского района ТАССР. Кстати отметим, что до строительства Нижнекамской ГЭС, недалеко от озера Кулегаш существовало смешанное татарско-марийское село Каракулино *(Кара кул)* Менделинского района ТАССР.

Топоним *Кулегаш* (Көләгеш, Кулэгеш) можно связать с марийским *колегуш* «красный коршун» (МРС 200). По мнению В. Н. Васильева, марийский орнитоним *колегуш (колагукшь)* является сложным, первая часть его *коле* «мышь» финно-угорского (марийского — Л. А.), вторая — татарского происхождения. В орнитониме *колагукшь* мы видим соединение финно-угорского *коле* «мышь» и тюркского слова *кош (куш)* «птица» (Васильев 1979:171—172).

Предложенная В. Н. Васильевым этимология орнитонима *колегуш,* нам кажется, вполне приемлема, так как орнитонимы часто принимают участие в образовании топонимов (ойконимов и гидронимов) в большинстве

языков мира. Ср., напр., тат. *Каргалы* «Ворона», мар. *Корак Ял* Мамадышского района ТАССР;*Чапурники* от калм. *чаппур* «цапля» — название татарского села Светлоярского района Волгоградской области; д. *Сандугач* «соловей» — татарская деревня в Янаульском районе Башкирской АССР.

С названием д. *Ожбуй* Агрызского района связаны, нам кажется, названия русского и татарского селений *Русский Азибей, Татарский Азибей,* ныне не функционирующих в связи со строительством Нижне-Камской ГЭС. Наше предположение подтверждается и тем, что названия Кулегаш и Азибей расположены друг от друга в 5—7 км.

Азнакаевский район

С удмуртским воршудным именем *учы* «соловей» связывает Г. Ф. Саттаров (Саттаров 1977:28) и вслед за ним Ф. Г. Гарипова (Гарипова 1984:126) гидроним *Учалы* (левый приток Ика) и ойконим *Учалы.* Ср. удм. *учы — уча* «соловей»+тат. афф. обладания *лы.*

Бавлинский район

С марийским этнонимом *чирмеш* (черемис) связано название озера *Чирмеш куле* (Черемисское озеро) при д. Байряки (Гарипова 1984:207).

Муслюмовский район

В Муслюмовском районе в основном представлены топонимы удмуртского происхождения.

К топонимам удмуртского происхождения относят ойконим *Иске Вэрэш* (Ст. Вараш), *Вэрэшбаш* (Барашбаш) и гидроним *Вэрэш* (Вараш) — название правого притока Ика. Г. Ф. Саттаров (1978:28) и Ф. Г. Гарипова (1984:41).

Однако это утверждение указанных авторов, нам кажется, является спорным, ибо слово *вараш* в значении «ястреб» употребляется и в марийском языке. Ф. И. Гордеев указывает на широкое распространение топонима *Вараш (вараш, воряш)* в русских говорах Вятского края (Гордеев 1983:46). В русских говорах Вятского края, по мнению И. Г. Иванова, слово *вораш — вараш*

представляет собой марийское заимствование (Иванов 1969:106).

Очевидно, к удмуртскому пласту следует отнести гидроним *Мэлле* (Малля) — название левого притока Ика и ойконим *Мэллэтамак* (Маллятамак). В языке коми *малязи, малямуш* употребляется в значении «пчела, шмель». Ср. удм. *маля (мала+мал)* (Атаманов 1980:16).

На удмуртском материале можно объяснить гидроним *Усы* — название реки бассейна реки Калмия (Гарипова 1984:126) и ойконимы *Тат. Усы* (Татарские Усы) и *Керэшен Усы* (Крещеные Усы). Гидроним и ойконим *Усы* представлены в Алнашском районе Удмуртской АССР: речка Усы и д. Усы, населенная татарами — выходцами из села Бизяки Елабужского района ТАССР. (Материалы по статистике Вятской губернии, том 6, вып. 7, 1890:48), а также на территории Мамадышского района ТАССР: «Малмыжка при речке Усе и Малмыжке». Основателями села были черемисы, выселившиеся из г. Малмыж (Износков 1884:147).

В. В. Барашков элемент *Ус* считает монгольским апеллятивом в значении «вода; небольшая река» (Барашков 1973:252).

С удмуртским материалом можно связать ойконимы *Тат. Мөшеге* (Тат. Мушуга), *Рус. Мешеге* (Рус. Мушюга) и название речки Молек *елгасы* (Речка Мушюга) — правого притока Ика. Оно образовано, по всей вероятности, от зоонима *муш* «пчела» (Атаманов 1983: 115—126; Кельмаков 1973:59). Аналогичный ойконим *Мушак* представлен в Агрызском районе ТАССР. Вслед за Р. Г. Кузеевым, Ф. Г. Гарипова допускает возможность отнесения его к башкирскому этнониму *мошеге* (Гарипова 1984:90).

Финно-угорского (удмуртского) происхождения, на наш взгляд, гидроним *Калмия* — правый приток реки Сунь при д. Карамалы (Гарипова 1984:60). По сообщению Р. Ш. Насибуллина, он восходит к удмуртскому *калым* «брод», *калымйа калмиез,* т. е. имеющий брод. Сходное название носит татарская деревня *Калмия* Мензелинского района ТАССР.

На удмуртском материале можно объяснить гидроним *Сикия* — название реки бассейна реки Сунь и название татарской деревни *Сикия* (Гарипова 1984 :103). Последний можно сопоставить с удмуртским *сик* «лес»

(УРС 389), *сик* диал. *чик* «лес, роща». Коми *сик* «островок в лесу, выделяющийся обилием каких-либо ягод, кустарников» (Атаманов 1983:177), *я* — место, изобилующее чем-либо (Кривощекова-Гантман 1983:18—19).

Мензелинский район

Марийским по происхождению мы считаем неофициальное название русского селения Старый Красный Бор — *Пэнжэр*, которое в настоящее время снесено в связи со строительством Нижнекамской ГЭС. Татарское и марийское название селений Актанышского, Мензелинского, Агрызского районов Старый Красный Бор и Красный Бор (название б. районного центра) раньше называлось и сейчас продолжает называться *Пэнжэр*. Оно связано, на наш взгляд, с марийским апеллятивом *пӱнчер* «сосновый бор, сосняк» от мар. *пӱнчӧ* «сосна»+суф. *ер* собирательной множественности. Ср., напр., мар. *куэр* «березняк», *шопкер* «осинник» и т. д. Наше предположение подтверждается и наличием соснового бора недалеко от обоих населенных пунктов. Следовательно, до появления русского населения в селе Красный Бор жили марийцы.

С удмуртским словом *Курья* «залив; заводь», т. е. «род удмуртов вблизи залива», связывает Г. Ф. Саттаров название бывшей пристани на Каме (Саттаров 1977:28).

Удмуртского происхождения и название татарского селения *Калмия* (об этом см. выше).

Сармановский район.

В Сармановском районе топоним финно-угорского (марийского) происхождения представлен ойконимом *Кутэмале* (Кутемели), что означает мар. *котама* «пестрая рыба; форель» (Гарипова 1984:81).

Тукаевский район

О марийском присутствии свидетельствуют, нам кажется, наличие *«чирмеш зыяраты»* (черемисское кладбище) недалеко от деревни Иштираково.

Лениногорский район

На марийском материале можно объяснить гидроним *Мэшкэрэ (Мэчкэрэ елгасы)* река Мачкара — левый приток реки Зай (Гарипова 1984:89). Аналогичный ойконим имеется в Кукморском районе ТАССР; д. *Мэчкэре* (Маскара), который состоит из компонентов мар. *маска* «медведь»+тат. *ыру* «род; племя». Сходный микроэтноним представлен и в марийском языке: *маска родо* «род медведя» (Галкин 1965:7). Топоним *Маскара* Г. Ф. Саттаров возводит также к мар. *маска+ра (ру)* — но-тюркски «род», т. е. «медвежий род» (Саттаров 1977:44), хотя Ф. Г. Гарипова допускает возможность тюркского происхождения, т. е. связывает данный гидроним с тюркским этнонимом *маскар* (Гарипова 1984:89).

Заинский район

Финно-угорский пласт представлен и в топонимии Заинского района. Появление топонимов финно-угорского происхождения связано с перемещением части удмуртов и марийцев на строительство закамской засечной черты в середине XVII века (Халиков 1978—151—152). Гидроним *Ылжы йылгасы* и ойконимы *Югары Олыжи* (Верхние Лызи), *Тубэн Олыжы* (Нижние Лызи) удмуртского происхождения. По мнению Ф. Г. Гариповой, топоним *олыжы-ылжы* восходит к удмуртскому воршудному имени *лозяга* «овод, слепень» (Гарипова 1984:142). Такого же мнения придерживается и М. Г. Атаманов *лузь-лӱз* «овод, слепень» (Атаманов 1980:16). Аналогичный гидроним *Ылжы йылгасы* (Лузинка) имеется в Арском районе. Ойконим *Малые Лызи* представлен в Балтасинском районе ТАССР.

С удмуртским микроэтнонимом связывает Г. Ф. Саттаров ойконим и гидроним *Зичэбаш* (Зычабаш) название притока реки Зай (Саттаров 1977:31) Ср., удм. *зичы* «лиса, лисица, лисий» (УРС 162).

Ф. Г. Гарипова гидроним *Зичэ* (Зыча) этимологизирует исходя из тюркского материала. По ее мнению, гидроним *Зичэ* образован от *Зай-Зи* «река»+афф. *ча*. Более близкой к истине следует признать этимологию, предложенную Г. Ф. Саттаровым.

В Заинском районе имеется ряд деревень с топоосновой *Багряж* (Верхний Багряж, Нижний Багряж и др.),

населенных крещенными татарами. Близкий по своему фонетическому облику топоним *Багряш* представлен и в Малопургинском районе Удмуртской АССР. Данный топоним можно связать с удмуртским названием татар *бигер* «татарин»+суф. *аш*.

Наше предположение подтверждается отчасти тем, что часть топонимов Заинского района имеет параллели в районах Заказанья (в Арском, Балтасинском) Ср.: река *Ашшт* — приток Илети и ойконимы *Ашитбаш, Малые Лызи* и др., которые являются следами этнических миграций татарского, марийского, удмуртского населения в районы Восточного Закамья.

Нижнекамский район

Следы пребывания марийцев можно обнаружить и в топонимии Нижнекамского района — в официальных и неофициальных названиях населенных пунктов, в сохранении в отдельных селениях черемисских кладбищ *(чирмеш зыяраты)*, а также черемисских родов *(чирмеш нэселе)* среди татарского населения. Об этом же свидетельствуют предания и легенды о возникновении отдельных селений.

К марийскому пласту мы относим название татарского села *Шэнгэлче* (Шингальчи) хотя Г. Ф. Саттаров считает, что ойконим *Шэнгэлче* (Шингалчи) восходит в лично-индивидуальному или же коллективно групповому прозвищу *шэңгэчэ* «ватрушечник» (Саттаров 1975:48). Этимология Г. Ф. Саттарова, на наш взгляд, уязвима и в лингвистическом отношении, наблюдается добавление плавного согласного *л* к основе *шэңгэ* — «ватрушка». Как показывают материалы многих тюркских языков, плавный согласный *л* наоборот, имеет особенность выпадать. Ср. напр.: тат. *китер* вместо *килтер* «принеси», *утер* вместо *ултер* «убей», в диалектах же татарского языка выпадение согласного *л* имеет еще более широкое распространение.

Ойконим *Шэңгэтче* (Шингальчи), как мы полагаем, связан с названием географическо-этнографической группы марийцев *шеҥгел мари* «задние марийцы», т. е. мар. *шеҥгел* «задний»+аф. *сы-чы*.

По свидетельству Г. А. Сепеева, к *«шеҥгел мари»* относятся луговые марийцы бывшего Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии, т. е. задние, даль-

ние марийцы, в отличие от луговых марийцев бывшего Казанского, Царевококшайского и Чебоксарского уездов (Сепеев 1970:283).

Предложенная нами этимология подтверждается и тем, что одна из улиц деревни *Шингальчи* называлась *Чирмеш урамы* «черемисская улица». Как утверждают местные старожилы, жители этой улицы отличались от татар других улиц рядом этнографических черт. К этому следует добавить, что рядом с деревней находилось кладбище, ныне не функционирующее и вспаханное, принадлежащее, по всей вероятности, прежним обитателям деревни — марийцам.

О следах былого присутствия марийцев свидетельствует, очевидно, неофициальное название д. Байданкино *Чирмеш авылы* «черемисская деревня», где в настоящее время живут крещенные татары.

В предании жителей села *Нижняя Тубэн Уратма* (частично опубликованном писателем Рахмаем Хисматуллиным в газете «Ленин Нурлары») говорится, что село *Уратьма* основали две семьи татар и две семьи марийцев. Не исключена возможность, что основателями д. Уратьма могли быть переселенцы из Уртьминской волости Яранского уезда Вятской губернии (Айплатов 1965:21). Таким образом, можно сделать предположение, что гидроним *Уратьма* и ойконимы *Верхняя Уратьма, Нижняя Уратьма* являются топонимами-мигрантами, переосмысленными на почве татарского языка. Подобных топонимов-мигрантов можно привести множество. Ср., напр., гидронимы *Лызи, Ашит* Заинского и Балтасинского районов, ойконимы *Малые Аты, Большие Аты* Нижнекамского и *Субаш Аты, Малые Аты* Сабинского и Арского районов ТАССР.

Не все топонимы финно-угорского происхождения свидетельствуют о былом пребывании марийцев и удмуртов в современных населенных пунктах Восточного Закамья. Ряд ойконимов удмуртского и марийского происхождения оставлены переселенцами-татарами из старых татарских деревень, хотя генетически они восходят к финно-угорским. К ним, несомненно, можно отнести следующие названия населенных пунктов: *Чабья* Нижнекамского района (от удмуртского воршудного имени *Чабья, чабей* «пшеница», основали выходцы из сс. Ст. и Нов. Чабья Мамадышского уезда (Саттаров 1977:28). Гидроним *Атинка Аты,* ойконимы *Малые*

Аты, Большие Аты занесли переселенцы из одноименных деревень Сабинского, Арского и др. районов. Д. *Малые Аты* основали переселенцы-татары из д. *Средняя Уська* Мамадышского уезда (Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. 1908), о чем свидетельствует неофициальное название *Учкэ* современной д. *Малые Аты* Нижнекамского района.

Таким образом, рассмотренные выше топонимы свидетельствуют, во-первых, о проживании марийцев и удмуртов в Восточном и Западном Закамье и, во-вторых, они дают возможность определить местность, откуда мигрировало население отдельных селений в районы Закамья.

ЛИТЕРАТУРА

Айплатов Г. Н. 1965, Расселение марийцев во второй половине XV—XVII вв. Научная сессия по этногенезу марийского народа (Тезисы докладов и сообщений). Йошкар-Ола, 21.

Атаманов М. Г. 1980, Микроэтнонимы удмуртов.— Микротопонимия удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 16.

Атаманов М. Г. 1982, Из истории заселения воршудно-родовых групп удмуртов.— Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 125.

Атаманов М. Г. 1983, Удмуртские топонимы бассейна реки Вятки. СФУ, XIX, 115—125.

Барашков В. В. 1973, Монголизмы в топонимии Среднего Поволжья.— Ономастика Поволжья, вып. 3, Уфа, 252.

Васильев В. Н. 1979, К истории названия птицы *колегуш*.— Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола, 171—172.

Галкин И. С. 1982, Топонимические заметки.— Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола, 11, 18.

Гарипова Ф. Г. 1978, Этнолингвистические пласты в гидронимии Заказанья.— Источниковедение и история тюркских языков, Казань.

Гарипова Ф. Г. 1984, Татарстан гидронимнары сузлэгэ. Казань, 126.

Генинг В. Ф. 1970, История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, часть 7, ВАУ, вып. 10, Свердловск, 199.

Гордеев Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка, том. 2, Йошкар-Ола, 46.

Зэкиев М. З. 1977, Татар халкы теленен барлыкка килуе, Казань, 1970.

Иванов И. Г. 1969, Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края.— СФУ, V, 106

Износков И. А. 1884, О сохранившихся преданиях по поводу русских и инородческих поселений в Казанской и соседней с нею губерниях. Труды четвертого археологического съезда в России, том 7, Казань.

Кельмаков В. К., 1973, Три этапа в истории удмуртской антропонимии, Ономастика Поволжья, 3, Уфа, 59.

Н. И. Исанбаев

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАТАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В выявлении лексических заимствований из татарского языка в марийский за двести лет их изучения достигнуты значительные успехи. Большую работу в этом направлении выполнили в последнее время Ф. И. Гордеев и автор пишущих строк, опубликовавшие часть своих полевых материалов в различных научных журналах и сборниках. По нашим данным, в диалектах марийского языка зарегистрировано не менее трех тысяч лексем, проникших в разное время из татарского или через татарский язык. Причем в это число не входит значительная часть производных слов, общих с татарскими, но являющихся за некоторыми исключениями собственно марийскими образованиями от татарских основ. В это число не входят также многие татаризмы восточномарийских говоров, встречающиеся лишь в речи двуязычной части населения, статус которых в лексической системе указанных диалектов не совсем ясен. Вообще следует признать, что установить абсолютно точное количество заимствований если не невозможно, то весьма сложно, особенно в диалектах, функционирующих в условиях активного двуязычия, так как в этих условиях не всегда удается провести четкую границу между освоенными и неосвоенными слоями заимствований, между исконной и иноязычной лексикой.

Накопленные нами материалы о татарских лексических заимствованиях подвергались разностороннему лингвистическому анализу (см. например, Исанбаев 1987:3—50, 1979—41—102, 1980:127—147). Тем не менее некоторые аспекты этой обширной, многоплановой темы еще не получили удовлетворительного освещения. Одним из таких вопросов является лингвогеографическая

характеристика заимствований, призванная обеспечить более полное и более глубокое раскрытие особенностей этноязыковых контактов разных локальных групп марийцев с поволжскими татарами, наглядно демонстрировать их сходство и различие в степени влияния татарского языка.

Изучение татарских заимствований с точки зрения их территориального распространения в марийском языке позволяет заключить, что в разных диалектах они получили неравномерное распространение. Это можно легко установить и по монографии М. Рясянена, посвященной татарским заимствованиям в марийском языке (Räsänen 1923). Однако автор монографии был ограничен в своих возможностях для такого анализа, так как записи были сделаны им лишь от носителей некоторых диалектов и не проверены в других местах. Поэтому книга М. Рясянена не дает правильного представления о характере распространения собранного им материала в диалектах марийского языка. Многие татаризмы в ней даются с пометой **В** или **перм.**, в то время как фактически они имеют более широкое распространение, в частности употребляются и в говорах лугового наречия: например, татаризмы *аҥыра* «глупый», *арык* «вешняк», *арка* «холм, возвышенность», *кенета* «вдруг», *уста* «мастер; искусный», *ӱч, ӱчӧ* «месть» употребляются не только в восточномарийских говорах, как это указано в монографии М. Рясянена, но и в луговомарийских; слова *алмаш* «сменный», *калып* «колодка», *капка* «ворота», *капкан* «ловушка, капкан», *уш* В, *ыш* Г «ум, рассудок» встречаются не только в восточном и горном наречиях, но и во всех диалектах марийского языка.

Отсюда следует, что при лингвогеографической характеристике татарских заимствований, содержащихся в монографии М. Рясянена, нельзя полностью положиться на автора, требуется провести дополнительное изучение, дополнительную проверку материала и внести соответствующие коррективы.

Что касается лингвогеографической характеристики татарских заимствований и проникновений, имеющихся в нашей личной картотеке, то после неоднократных проверок и дополнительных исследований нам удалось прийти к следующим результатам: из 3023 лексических единиц 2906 слов (или 96,1%) употребляются в вос-

точномарийских говорах, 832 слова (27,5%) встречаются в говорах лугового наречия и 265 слов (8,76) — в горном наречии. При этом 2136 (или 70,65%) татаризмов вошли в лексику лишь восточномарийских говоров, 551 (18,19%) являются общими для лугового и восточного наречий, а 190 слов (6,29%) встречаются во всех основных диалектах — луговом, восточном и горном. Незначительная часть татаризмов локализована в каком-то одном из основных наречий — луговом или горном: 71 слово (2,35%) — в луговом, 26 (0,83%) — в горном. 29 татарских заимствований (0,95%) являются общими для восточного и горного наречий, 20 (0,66%) — для лугового и горного.

Такая пестрота в количестве татарских заимствований в разных диалектах марийского языка объясняется их различием в степени татарского влияния, обусловленном разной продолжительностью и интенсивностью марийско-татарских языковых и культурно-исторических контактов. В тех диалектах, которые расположены в зонах постоянного контактирования с татарами (Татарская и Башкирская АССР) и носители которых характеризуются развитым двуязычием и многоязычием, процент употребления татаризмов в три раза выше, чем в луговом, и более десяти раз выше, чем в горном и северо-западном наречиях.

Неодинакова картина и в самих восточномарийских говорах. Из 2136 татаризмов, характерных только для этих говоров, более половины (54,6%) встречается лишь в наиболее «татаризованных» говорах — белебеевском, мензелинском, прибельском и балтачевском, носители которых являются активно двуязычными.

Ниже прилагается список татаризмов, общих для всех основных диалектов марийского языка (см. приложение). В связи с этим есть необходимость дать некоторые дополнительные пояснения.

Прежде всего отметим, что в список общемарийских татаризмов нами включены и те слова из лугового наречия, которые встречаются лишь в его отдельных говорах и подговорах, расположенных в зонах непосредственного контактирования с татарским языком (пограничные районы с Татарской АССР), например, в волжском, моркинском (шор-уньжинский куст) и сернурском (Параньгинский и Мари-Турекский районы), причем не всегда во всех перечисленных, а подчас лишь

в отдельных из них. Отсюда следует, что отнесение их к числу общемарийских носит условный характер.

Особо следует сказать о татаризмах, усвоенных горным наречием, о путях их проникновения в указанный диалект. Вопрос этот относится к числу весьма сложных. Сложность его заключается в том, что носители горного наречия, как и носители других марийских диалектов, в течение многих эпох контактировали одновременно с разными поволжско-тюркскими народами (чувашами, татарами и др.), которые оказывали мощное культурное влияние не только на них, но и друг на друга. Слова, общие для этих тюркских языков (общетюркские, древнетюркские, арабо-персидские и т. п.), могли попасть в диалекты марийского языка, в том числе в горное наречие, из разных источников — чувашского, татарского или башкирского и не всегда четко различаются в разных языках по своему звучанию и значению. Они могли попасть в отдельные марийские диалекты и через посредство другого поволжско-тюркского языка, например, татарские слова через чувашский, в котором их насчитывается, по мнению специалистов, около 80% тюркской лексики, а Р. Г. Ахметьянов установил наличие семи тысяч татаризмов в чувашской лексике (Ахметьянов 1978:104), чувашские — через татарский язык. В этих условиях приходится быть очень осторожным при определении конкретного источника заимствования, учитывать целый комплекс языковых и неязыковых признаков, чтобы определить этот источник заимствования. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые татаризмы горного наречия по своему фонетическому облику (в частности по вокализму) сблизились с соответствующими чувашскими словами, что дает основание рассматривать их как чувашские заимствования, ср., например: Г мар. *кыл̈те* «сноп» — тат. *култә*, чув. *кĕлте*, кирг. *кӳлтӧ* «тж»; Г мар. *кыпцӹк* «подушка» — тат. *кӳпчек*, чув. *кĕпчĕк*, кирг. *кӧпшӳк* «тж»; Г *тылып* «тулуп» — тат. *толып*, чув. *тăлăп*, кирг. *тулуп* «тж»; Г *тышман* «враг» — тат. *дошман*, чув. *тăшман*, кирг. *душман* «тж»; Г *цӹтäш* «терпеть» — тат. *чыдау*, чув. *чăт*, кирг. *шыда* «тж» и др.

Однако наличие в слове таких явно кыпчакских (в данном случае татарских) языковых признаков, как начальное *к* на месте чувашского *х*, аффрикаты *ч* на

месте чувашского палатального ҫ и др., позволяет оставлять их в списке татарских заимствований.

Необходимо подчеркнуть и то, что говоря о заимствованиях, общих для нескольких диалектов (для лугового, восточного и горного, для лугового и восточного и т. д.), мы вовсе не утверждаем, что они все без исключения восприняты из татарских говоров в одно время, а именно в период до разделения древнемарийского языка на отдельные диалекты или до отделения восточных марийцев от луговых. Отнюдь нет. Мы хотим лишь сказать, что эти татаризмы получили в марийском языке более широкое распространение, чем другие, узкодиалектные, хотя часть из них вполне могла войти в марийские диалекты до их отделения. Об этом свидетельствует общность или большое сходство их фонетической формы.

В заключение добавим, что специальный историко-этимологический анализ слов, включенных нами в список общемарийских татарских заимствований, может внести некоторые дополнения и поправки, но пока у нас нет серьезных оснований для сомнения ни в источнике заимствования, ни в географическом распространении этих слов.

ТАТАРИЗМЫ,
употребляемые во всех основных диалектах

агуртн'о, аурн'о ткац. «воробы» (снаряд для размотки пряжи) Л, В бр., *äўрнä* блб., *äртн'ы* Г.<тат. *äўрнä, äвырнä* «тж», башк. *äўернä* «тж», общетюрк. *äбир* «крутить».

азаш «воспаляться, осложняться (о ране)» Л, В, Г<тат. *азу* «тж», башк. *азыу,* чув. *ас* «ухудшаться, воспаляться».

азгынаш «беситься, взбеситься, остервенеть, разъяриться» В клт., *ажгынаш* «тж» Л, В бр., блт., мшк., блб., *азнаш* «разъяриться, рассвирепеть» Г.<тат. *азгынлану* «распускаться, распуститься, избаловаться, развращаться», башк. *азгынланыу,* чув. *аскăнлан* «возбуждаться, неистовствовать; распутничать».

азырен миф. «ангел смерти, смерть как существо» Л, В бр., *азырен'е* клт., *äзрен* Г, *äзырин* СЗ. «тж»<тат. *газраил* «ангел смерти», кирг. *äзрäйл,* чув. *эсрел* «тж» (араб).

айда «идем: давай пойдем» Л, В, Г<тат. *айда* «тж», чув. *айта* «тж» башк. *äйзä* «тж».

аймылыш «ошибка», *аймылышаш* «разминуться в пути» В бр., *аймылтыш* Л влж. «ошибка», *аймылташ* «блуждать, плутать (в поисках дороги), сбиваться с пути» Г., *аймыл* «неправильный, ошибочный», *аймыл мут* «неправильное слово» Л мрк.<тат. *аймыл* «ошибочный, неправильный», *аймылыш* «ошибка», *аймылышу* «путаться, сбиваться, ошибаться», башк. *аймылыш булыу* «расходиться, разойтись в пути».

ак «цена, стоимость» Л, В, *äк, хäк* Г, СЗ<тат. *хак* «тж», башк. *хак* «тж», каз., кирг. *ак,* чув. *хак* «тж» (араб).

ала 1) препозит. част. неопределенных местоимений и наречий: *ала-кӧ* «кто-то», *ала-мо* «что-то», *ала-куштo* «где-то»; 2) союз *«или»* Л, В бр., елб., срн., *äлä* клт., мшк.; *äль, äльы* Г, *äлä* СЗ «тж»<тат. *äллä* «тж», башк. *äллä* «тж» (араб.). Ср. удм. *оло, олло* «тж» Тараканов И.

алаша «мерин, валлах» Л, В, Г; *алша ышташ* «кастрировать» В елб., мнз., *алаша* «мерин» СЗ<тат.., башк. *алаша* «тж», чув., *лажа, лаша,* аз., турк. *алаша* «тж». Ср. удм. *олошо.*

алваста «черт, дьявол» Л. В. бр., кнг., *албаста* Г «злой дух, кошмар»<тат. *албасты* «злой дух, обитающий дома; страшилище, чудовище (о человеке)», башк. *албасты* «вурдалак», тур., каз. *албасты,* чув. *алпастă,* кирг. *албарсты* «демоническое существо в образе женщины». Ср. удм. *албасты* «злой дух». Насиб. Р.

алга, алка «серьги» Л мрк., срн., *алха* Г уст.<тат. *алка* «тж», башк. *алка,* чув. *алка,* тур. *халка,* кирг. *алка* (араб).

алмаш «смена; обмен, мена» Л, В, *алмас доно* . уст. «рядами» Г <тат башк. *алмаш* «смена, замена», чув. *ылмаш* «смена, чередование».

алтыкулак уст. «кистень» В бр., клт., *алдыволак* «тж» Л, *алтывылак* «дубина» Г<тат. *алты колак* «тж», букв. «шесть ушей».

амал «предлог, повод, хитрость, лукавство» Л, В кнг., *äмäл* «тж» В, Г, СЗ<тат., башк. *äмäл,* «тж», кирг. *амал* «тж», чув. *эмел* «лекарство, средство» (араб. *äмäл* «надежда, чаяние, опора» АТРСЗ).

амбар «конюшня, хлев, клеть» Л, В, Г, *ампир* «тж» СЗ<тат. *амбар,* чув. *ампар, хампар,* кирг. *амбар* (араб., перс. *амбар).*

аныра «глупый», В, *ангыра* «тж» Л морк., *ангыргаш* «терять

рассудок», Г *аңғыра* «глупый, глупец», *аңғыргаш* «угорать, угореть» СЗ<тат. *ангыра* «тж», башк. *аңра*, чув. *анра* «бестолковый, глупый», кирг. *аныр* «быть в недоумении, растеряться, опешить» (монг).

аптранаш «быть озадаченным, смущаться, стесняться, теряться, растеряться» Л, В; *äптыраш, äптыргаш* «тж» Г<тат., башк. *аптырау, аптырану* «оставаться в безвыходном положении, недоумевать», чув. *аптра*, монг. *аптра*. Ср. удм. *абдраны, аптраны* «удивиться, изумиться, быть в недоумении» Тараканов И., 1981:55.

аптраташ «удивлять, удивить, поражать, поразить, приводить в смущение» Л, В, *äптыртäш* «стеснять, препятствовать» Г<тат., башк. *аптырату* «озадачивать, озадачить», чув. *аптрат* «тж».

арка «возвышенность, холм» Л, В, Г; «спина» В Л мрк.<тат. *арка* «спина», кирг. *арка* «спина, задняя сторона, тыл», уйг. *арка* «спина», якут. *аргас* «холм; холка, зашеек», монг. *ару-ки*.

арва «веснушка» Л, В, бр., клт., кнг., крф., «тж» В блб., пб, мшк. Г, СЗ<тат. *арпа* «ячмень (болезнь века)», кирг. *арпа* «тж», уйг., тур. *арпа* «тж», чув. *урпа* «тж».

аул «деревня» В, *авыл* «тж» В кнг., *авул, агул* «тж» Л мрк., влж., *ал* (в составе топонимов: Йоласал, Чермышал и т. д.) Г<тат. *аул, авыл*, башк. *ауыл* «тж», кирг. *айыл* «тж».

аш: аш лийже «на здоровье» В клт., кнг., бр., блб., *аш* «то, что служит для здоровья, для успеха дела» Л мрк., срн., *аш* «успех» Г<тат. *аш булу* «быть полезной пищей» ТТАС 1:94, кирг. *аш* «пища».

ашнаш «содержать кого-что-л. (на своем иждивении)» Л, В, *äшнäш* уст. «воспитывать, содержать кого-л.» Г лб.<тат. *аш* «пища», башк. *аш* «тж».

высмыла «господи благослови» В бр., елб., крф., *вӹсмӹллä* «тж»., пб., блб., мшк.; *ысмыла* тж» Л срн., *смелä* уст. «тж» Г; *высмылташ, вӹсмӹлтäш* «отведать пищу» В елб., крф., клт., блб., бр.<тат. *бисмилла* «во имя аллаха, господи благослови», кирг. *бысмылла* «тж» (араб).

вӱргенчык «свадебное покрывало, фата невесты» Л мрк., *пыргенчык* «тж» срн., В, *пӹркäнзӹк* «тж» Г<тат. *бӧркäнчӹк*, диал. *бӧркӧнчӹк* «покрывало, фата», башк. *бөркәнсәк*, кирг. *бӱркӧнчӧк*, чув. *пӗркенчӗк, пӱркенчӗк*. (Иначе: Гордеев 1983:196).

даул: даул мардеж «ураган» В бр., мнз., *давыл* «тж» блт., блб., пб., *таул* «тж» Л, *тул мардеж* «тж» Г<тат. *давыл* «тж», кирг. *даул* «тж», чув. *тӑвӑл* «буря, ураган», алт. В *туул* «тж».

дос, тос «друг, приятель» Л срн., «возлюбленный, ухажер» В, *тос* «любовник; друг, приятель» Г, *тош* млж.<тат., башк., *дус* «друг, приятель», кирг., *дос*, тур. *дост*, чув. *тус* «тж» (перс. дуст, дост).

дӱрӱс «правильный; верно» В, *тӱрыс* «целый» Л В бр., *тӹрӹс* «целый, непочатый, полный; целиком, полностью» Г<тат. *дӧрес* «верный, правильный», башк. *дөрөс*, кирг. *дӱрӱс*, чув. *тӗрӗс* «правильный, верный; здоровый, невредимый, целый» (перс). Ср. удм. *дырыс* «тж» Насиб. Р. к/д, 51.

ийа «черт, Л, В, *иä* «тж» Г, *вӱдийа* «водяной» Л, В<тат. *ыйа, ия* миф. «невидимое существо, якобы живущее в конюшне вместе с лошадью и по ночам заплетающее гриву», башк. *эйә*, чув. *ыйа*

йавага «двухлетняя кобыла» Л мрк., Г, В крф., кнг.<тат. *ябага тай* «жеребенок-стригунок, родившийся весной», башк. *йабагы* «тж», алт. *йабага*, кирг. *жабагы*.

йасмык: йасмык пурса «чечевица» В клт., блб., бр., *йашмык* «тж» елб., Л. срн., *йäшмӹк* «тж» Г<тат. *ясмык* «тж», башк. *ясмык*,

чув. *ясмак*, тур. *ясмык*, ног. *ясмок*, кирг. *жасмык* «тж». Ср. удм. *йасмык, йасныk* «тж». Тараканов И. 1981:92.

йенга, йенгай «жена старшего брата; любовница» Л, В, Г, *йынга* Л срн.<тат. *жинга* «жена старшего брата или старшего родственника», башк. *йенкай* «тж», уйг., чагат. *йанга*, кирг. *женге, женгей*, чув. *инке*.

йорга 1) «иноходец (лошадь)» Л, В, бр., кнг., *йорга имне* «тж» Г; 2) «распутный» Л срн., мрк.<тат. *юрга* 1) «иноходь»; 2) «женщина легкого поведения», башк. *юрга*, алт. *йорго*, кирг. *жорго* «тж», чув. *с'арха*, др.-тюрк. *йорига*.

йон «толк, способность, умение, мастерство; способ, средство, прием». Л, В, Г<тат. *юнь*, «тж», тур. *йон*, кирг. *жон*, чув. *йун, с'ен*, др. тюрк. *йон*.

йудаш «выживать из ума, терять рассудок» В, Г, *йудыгаш* «тж» Л<тат. *йодай* «ослабеть, изнуряться», башк. *йозай*, чув. *йуте* «дряхлеть, впадать в старческое слабоумие», ойр., бараб. *йудо*, каз. *жудо*, кирг. *жудо-*, ср. монг. *жуде-*.

йула «обычай, нравы» Л, В, *йула* «обычай, верование, быт» Г< тат., башк. *юла*, мишар. *йола* «обычай, обряд, нравы», чув. *йала*, кирг. *жола*.

йытын «лен» Л, В, *итын* «тж», *йытын* Г лб., *йитын* «тж» млж.< тат. *ж'итен* «тж», башк. *етен*, тобол. *йитын* «тж», чув. *йетен* «тж».

кагыр «кривой» Л мрк., влж., *кадыр* «тж» В Л срн., *кадыра* Г «тж»<тат. *какере, какре* «кривой, гнутый, согнутый», чув. *кукар* «кривой».

калак «ложка» В, Г, «лопатка для правки кос» Л<тат., башк. *калак* «тж», кирг. *калак* «совок», чув. *калак* «лопатка».

калпак «колпак; детская шапочка» Л, В; «шапка (любого рода)» Г; *тумынеге калпак* «шляпка у желудей» Л мрк., влж.<тат. *калпак*, башк. *калпак*, кирг. *калпак*. чув. *калпак* «шапка, чепец (детский); шляпка (жёлудя)».

калык «народ» Л, В, *халык* Г, блб., мнз., пб.<тат. *халык, калык* «тж» башк. *халк*, кирг. *калк*, тур. *халк*, чув. *'халах* «тж» (араб).

капка «ворота» Л, В, Г<тат., башк. *капка* «тж», кирг. *капка* «тж», тур. *капу* «тж», чув. *хапха* «тж». Ср. удм. южн. *капка* «тж» Тараканов 1981:76.

капкан «капкан» Л, В, Г.<тат. *капкан, капкын* «тж», башк. *капкан*, кир. *капкан* «тж», чув. *капкан* «капкан, ловушка, западня».

кекырек «гребешок (у птиц)» В, *кекрек* «тж» Г, *кекерек* Л, В елб., мнз.<тат. *кикрик* «тж», башк. *кикрек* «тж», чув. *кикирик, киккирик* «тж».

керек частица «хоть»: *керек-кө* «кто угодно, хоть кто», *керек-мо* -что угодно, хоть что» Л, В, Г<тат. *кирак* «надобно, нужно», чув. *кирек кам* «хоть кто, кто угодно».

кестен «дубина, кистень», Л, В, Г<тат., башк. *кистан* «кистень», чув. *кистен* «кистень», чагат. *кистан* «тж» (перс.)

кийамат «ад, загробный мир» Л, В, *хыямат* уст. «негодный» Г<тат. *кыямат* «воскресение из мертвых, светопреставление; столпотворение, суматоха», тур *кыямат*, чув. *хаямат* «конец света; преисподняя, несчастье».

кийак «осока» Л, В, *кыпак* «тж» мнз., *хыйак* «тж» Г<тат. *кыяк* «осока; лист злаковых растений», башк. *кыяк* «тж», чув. *хаяк* «осока».

кокыраш «кашлять» Л, В, *кахыраш* «тж» Г<тат. *какыру* «харкать, отхаркивать мокроту», башк. *какырыу* «тж», кирг. *какыр* –, чагат. *какыр*, чув. *кахлат* «кашлять».

коштан «льстец» В блт., «своенравный, себялюбивый, злой» Л, *костан* «строгий, крутой (о человеке)» Г<тат. *куштан* 1) «льстец, подхалим»; 2) «подкулачник», башк. *куштан* «льстивый; кокетливый, преданный (мужу, жене)», чув. *куштан* «кулак, мироед; человек крутого, властного нрава».

кӧгерчен «голубь» В Л мрк., срн., *кӧгерцен* «тж» Г<тат. *күгәрчен* «тж», башк. *күгәрсен*, алт. *кӧгӧрчүн*, чув. *кавакарчан* «тж». Ср. удм. *кӧгӧрсин*.

кӧк «сивый», «темно-серый» Л, В, Г<тат. *күк*, башк. *күк* «синий, голубой, сивый», кирг. *кӧк* «тж», чув. *кавак*.

кӧрага «старинная деревянная посуда для пива» В бр., Л срн., *кӧрәгә* Г, *кӧләгә* «тж» В клт.<тат.; ср. башк. *кӧрәгә* «бочонок для подноски кумыса к трапезе», крым. *кӧрәгә* «чаша».

кува «бурый, темно-рыжий» Л, В, *хыва* «бурый, светло-бурый» Г< тат. *коба*, *кува* «бледно-бурый», башк. *коба* «светло-желтый», кир. *куба* «бледно-желтый».

куанаш «радоваться», Л срн., мрк., влж., В бр., блт.,? *куанаш* «верить», надеяться, полагаться на кого-л.» Г<тат. *куану* «радоваться», башк. *кыуану* «тж».

куршанге «стремя на седле» Л, В бр., «обруч, ободка», бр., *кыршангыш* уст. «стремя» Г<тат., башк. *коршау* «обруч, ободка».

кусат «рой (насекомых)» Г, *пийкусат* «свора собак» Л, *күч* «рой» В мнз.<тат. *күч* «рой (пчелиный)», башк. *күс* «рой».

кутыраш «разговаривать, беседовать» Л, В бр., *кутырнаш* «тж» В клт.; «беситься, дурачиться, сходить с ума» В бр., блт., пб.; *хытыраш* «беседовать»<тат. *котыру* «беситься, взбеситься; дурить, буйствовать», башк. *котороу* «дурить», чув. *катар* «бесноваться», кирг. *кутур* «бешеный».

күлта, *кылта* «сноп» Л, В, *кылте* «тж» Г, СЗ<тат., башк. *кӧлтә*, чув. *келте* «тж», кирг. *күлтӧ* «тж», тобол., карин. *күлтә* «тж». Ср. удм. *культо*.

күпаш «опухать, пухнуть» Л, срн., мрк., В бр., кнг., *күпәш* «тж» В клт., блб., мнз., пб., Г<тат. *күбү* «разбухать, бухнуть, вздуваться», башк., *күбеу*, чув. *күп*.

күпчык «подушка» Л срн., В бр. кнг., крф., *кыпцык* «тж» Г<тат. *күпчек* «подушка», башк. *күпсек* «тж», кирг. *көпшүк*, чув. *күпчек* «тж», *кепчек* «тж».

күрен «коричневый, бурый» Л, В, *кыран* «тж» Г<тат., башк. *кӧрән* «бурый, буровато-коричневый», кирг. *күрӧн*, чув. *керен* «розовый, фиолетовый, малиновый».

күрт «наст (снежный)» Л, В, *кырт* «тж» Г<тат., башк. *кӧрт* «сугроб, занос (снежный)», чув. *керт* «сугроб», кирг. *күрт*, тел. *кӧртук*.

күтәш «пасти (стадо)» Л, В, СЗ, *кытәш* «тж» Г<тат. *көтү* «пасти», башк. *көтөу* «тж», кирг. *күт-*, чув. *кет* «пасти».

күтӧ «стадо» В, *күтү* Л, *күтӧ* «тж» СЗ, *кытӧ* «тж» Г<тат. *көтү* «тж», башк. *көтөу* «тж», чув. *кетү*.

кына «розовый, алый» Л, «румяна» Л мрк., В блб, бр., мнз., *кынә* «розовый, алый, румяна» Г<тат., башк. *кына* «хна», кирг. *кына* «тж» (араб).

кырт «едва, чуть», «еле» Л, В, *кырт* «тж» Г, СЗ<тат. *кырт* «сразу, решительно», чув. *керт* «вдруг, неожиданно, внезапно».

мамык «пух, пушистый, пуховый; хлопчатобумажный» Л, В, Г, *мамык* «ворс, пух» СЗ<тат., башк. *мамык* «хлопок; пух, мягкая шерсть; вата», кирг. *мамык* «пух», чув. *мамак* «пух, вата, хлопок». Ср. удм. *мамык* «тж» (перс).

мамырлык, намырлык уст. «роскошь, удовольствие, блаженство» Г, *намыр, намырлык* «тж». Л влж., В кнг., «мирный» бр.<тат. *магмуур*, кирг. *мамыр* «спокойный, благодатный» (араб).

мускылаш «издеваться, насмехаться над кем-л.» В, *мыскылаш* «тж» Л, Г, *мhскhлаш* «тж» СЗ<тат., башк. *мыскыллау* «оскорблять, оскорбить, унижать, унизить», кирг. *мыскылда* — «высмеивать», чув. *машкалла* «тж». Ср. удм. *мыскыл* «насмешка, унижение». Тараканов 1981:66.

мӱгырāш «реветь, мычать, орать, рычать, выть» Л, В, Г<тат. *мӧгрāй* «мычать», чув. *мекер* «реветь, мычать, рычать».

намыс «совесть, стыд» ГЛ, В блб., блт., мнз., *нāмыс* «жадность» В клт., бр.<тат. *намус* «честь», башк. *намыс* «тж», чув. *намас* «стыд, совесть», кирг. *намыс* (перс., араб, намус).

нечке «неженка, избалованный» Л, В, *нечкы* «неженка, баловень, недотрога» Г, *нецкы* СЗ<тат. *нечкă* «тонкий, нежный», башк. *нескă*, кирг. *ничке* «тонкий».

ӧпкелаш «обижаться, обидеться» Л В, СЗ, *ӧпкăлăш* «тж» Г<тат. *ӱпкăлāу* «тж», чув. *ӳпкеле* «упрекать, укорять; роптать, пенять, кирг. *ӧпӧлӧ*, чагат. *ӧпкăлă*.

ор «земляное укрепление, ров, канава» Л, В, Г<тат. *ур*, кирг. *ор*, алт. *ора, ору* «ров», чагат. *ор*.

пазар «базар, рынок» Л, В, Г<тат., башк., *базар*, кирг. *базар*, чув. *пасар* «тж» (перс.). Ср. удм. *базар* «тж» Тараканов 1981:55.

пай «часть, доля, пай» Л, В, Г, СЗ<тат., башк. *пай*, чув. *пай*, кирг. *пай*, тур. *пай*, ср. калм. *пай* (китай, *пай*).

пайда «польза, прибыль» Л, В, Г, СЗ<тат. *файда* «тж», баш. *файза*, тур. *файда*, кирг. *пайда*, чув. *пайта* «тж» (араб). Ср. удм. *пайда*.

патыр «сильный, силач, богатырь» Л, В, Г, «смелый, сильный, храбрый», Г, «сильный, ловкий» СЗ<тат., башк. *батыр* «герой, богатырь, силач, молодец», чув. *паттăр* «храбрец, герой; богатырь, победитель (в борьбе)», кирг. *баатыр* «тж». (Тараканов 1981:56).

пезмен «безмен» Л, В, Г СЗ (тат., башк. *бизмăн* «тж», чув. *писмен*, кирг. *безмен* «тж» (перс., араб).

печке «бочка» Л, В, *печке* тж» СЗ, *пецкă* тж» Г<тат. диал. *пичкă, мичкă* «тж», башк. *мискă*, чув. *пичке* «тж» (рус.). Ср. удм. *бэчкэ, бэкчэ* «тж».

пире «волк» Л, В, *пиры* «тж» Г, СЗ<тат. *бӱре* «тж», башк. *бүре, бире* «тж», кирг. *бөрү* «тж» (иран.).

пор «мел», *поргӱ* «известь» Л, *ошпор* «мел» В, *пор* «мел» Г<тат. *бур* «тж», *акбур* «тж», башк. *бур* «тж», чув. *пур, пурă* «тж», кирг. *бор*, як. *буор*.

поран «вьюга, буран, метель» Л, В, Г, СЗ<тат. *буран*, баш. *буран*, тур., чагат, *бораган*, кирг. *бороон*. Ср. удм. *буран* «тж». Тараканов И. 1981:56.

посто «сукно» Л, В, «зеленое сукно» Г<тат. *пустау* «тж», башк. *бустау* «тж» (рус. постав).

пӧшыр «грыжа» Л, *пӧсыр* «тж» В, *пӱсӹр* «тж» Г, *пӱшӹр* СЗ<тат., башк. *бӱсер* «тж», чув. *пӳзӹр* (орф. *пӳсер*) «тж», кирг. *бӧсур*.

про, проу «бурав» В, *пурагу* «тж» Л срн., *про* «сверло» СЗ, *пыро* «тж» Г<тат. *бурау*, чув. *пăра* тж», кирг. *бургу*, тур. *буру* «сверло».

пужаш «портить, испортить» Л, В; «разбирать, разобрать (стройку)» Л, *пыжаш* «тж» Г<тат. *бозу* «тж», башк. *бозау*, кирг. *буз*, тур. *боз*, чагат. *буз-*, чув. *пăс*.

пужлаш «портиться, испортиться» Л, В, *пузлаш* «тж» млж, *пыжлаш* «тж» Г<тат. *бозылу* «тж», башк. *бозолоу* «тж», кирг. *бузул*, чув. *пăсăл* «портиться».

пуйыраш «быть сужденным, предназначенным» Л мрк., В, Г<тат. *боеру* «приказывать, приказать, предписывать, предписать», *алла боерса* «если суждено», башк. *бойороу* «тж», тур. *буйур*, ойр., тел. *пуйур*, чув. *пӳр* (Л *пӳраш* «тж»)

пулдурчо ~пулдырчо В, Л, *пћлдћрцо* «перепелка» СЗ, *выльдырцан, выльдырцы* «перепел» Г<тат., ср. тур. *былдырдзын* «тж», тоб. *бӳлдӳрцӳн*, сагай. *пӳлдӳрчӳн* «куропатка».

пурло «чалый, гнедой (о масти лошадей)» Л, В, *пурлы* «тж» Г<тат. *бурлы*, башк. *бурыл* «чалый», чув. *пурлă* «тж», кирг. *буурул* (монг. *бора* «серый»). Ср. удм. *бурлы* «тж» (УРС 1983:57).

пӳгыр «горб, горбатый» Л, *пӳгӳр, пӳгыр* «тж» В, Г, СЗ, *бӳкыро* «тж» В блб.<тат. *бӧкӧрӧ* «тж», башк. *бӧкӧрӧ* «тж», кирг. *бӳкӳр*, чув. *пĕкрĕк* «согнутый».

пӳйă «пруд, запруда» Л, В, *пӳă* «тж» Г, СЗ тнш., *пӳе* СЗ<тат. *бӧйă* «плотина», чув. *пĕве* «тж», каз. *бӧгӧ* «пруд», чагат. *бӳгăт* «тж» (монг.).

пӳрем «сборки, складки» Л, В бр., клт. *пӳрмă* «тж», блт. *пырмы* «тж» Г<тат. *бӧрмă* «складка, сборка», башк. *бӧрмă* «сборка (в одежде»), кирг. *бӳрӧ*, чагат., тур. *бӳри* «расти, распускать почки», чув. *пĕрке* «закутывать, укутывать, одевать».

пӳртн'ык «мята» Л, *пӳртн'ӳкшудо* «тж» В бр., *пыртн'ык* «тж» Г<тат. *бӧтнек* «тж», кирг. *бӳтнӳк*, каз. *бӧтнӧк* «тж», чув. *пĕтнĕк* (? рус. мята).

пӳтын', пӳтӳн' «целый, весь, целиком» Л, В, *пытын* «вконец, все без исключения» Г<тат. *бӧтен* «цельный, весь», кирг. *бӳтӳн*, уйг. *бӳтӳн* «тж» чув. *пĕтĕм* «весь, целый, целиком».

пӳтыраш «вертеть, крутить» Л, В, *пытыраш* «тж» Г, *пћтћраш* «тж» СЗ<тат. *бӧтерӳ* «вертеть, крутить», чув. *пĕтĕр* «тж».

пыташ «кончаться, кончиться, исчезать, исчезнуть», *пытăш* «тж» Г, СЗ<тат. *бетӳ* «тж», башк. *бӧтӧӳ* «тж», чув. *пĕт*, кирг. *бит*.

пытараш «кончать, кончить» Л, В *пытăрăш* «тж» Г, СЗ<тат. *бетерӳ* «тж», башк. *бӧтӧрӧӳ* «тж», чув. *пĕтĕр* «тж».

салам «привет» Л, В, *шалă* «тж» Г, СЗ<тат. *сăлăм* «тж», башк. *сәләм* «тж», кирг. *салам*, чув. *салам* «поклон, привет» (араб. *салам*). Ср. удм. *салам*.

саман, заман 1) «быстро», В, *шаман* «тж» Л срн., *шăмăн* «воля, свобода» Г, 2) «время, эпоха» Л<тат. *заман* «время, эпоха», диал. «быстро»; башк. *заман* «время, эпоха», кирг. *заман*, чув. *самана, саман*, тур. *зăман* (араб).

сандал «наковальня» В, *шандал* «тж» Г, *?шондал* «тж» Л<тат. *сандал* «тж», кирг. *сандал* «тж», чув. *сунтал* «тж» (араб. *сандал*). Ср. удм. *сандал*.

саре жултый, светло-желтый, буланый, светлый» В, *сары* «рыжий, желтый» Г, *саралгаш* «желтеть, пожелтеть» В, Г, СЗ, *сар куку* «серая кукушка» Л<тат. *сары* «желтый, рыжий, белокурый», кирг. *сары*, чув. *сара* «тж» (монг.).

сарай «сарай, хлев» Л мрк., В, Г<?тат. *сарай* 1) «дворец», 2) «сарай, дровяник, надворная постройка, амбар, хлев», чув. *сарай* «надворные постройки», кирг. *сарай* «постоялый двор, дворец». Ср. рус. *сарай* (перс.).

суап «благо, блаженство, добро», *суапле* «благородный», уст. «добро, хорошее, полезное» Г<тат. *сауап, сауаб* «блаженство, высшее

счастье, вознаграждение богом за добрые дела», чув. *сăвап* «благо, добро, благоденствие» (араб. *саваб*).

сынаш «испытывать, испытать» В, *шынаш* «тж» Л, *шынăш* Г<тат. *сынау* «тж», чув. *сăна* «тж», каз., кирг., ног., кумык., туркм., *сынау* «тж».

сыра «пиво» Л, Г, *сырă* «тж» СЗ, *шера* «тж» В кнг.<тат. *сыра*, чув. *сăра*, «тж», кирг. *сыра* (иран., ср. санскр. *сура*).

сыраш «стегать по краям, окаймлять; плотно обступать, окружать» В, *сырăш* «покрывать обложкой» Г, *шыраш* «тж» Л срн.<тат. *сыру* «тж», чув. *сăр* «крыть, покрывать, обшивать (материалом), завертывать, обёртывать; окружать, обступать; облеплять», башк. *һырыу* «стегать, облеплять» (монг.).

таза «здоровый» Л, мрк., В, Г, *тажа* «тж» Л срн., й.-ол., *тăжă* «тж» СЗ<тат. *таза*, башк. *таза* чистый, чистоплотный, опрятный, здоровый, крепкого сложения», чув. *таса* «чистый; опрятный» (перс.). Ср. удм. *таза*.

тайанаш «опираться, облокачиваться» В, *тайнаш* «наклоняться» Л, В, *тайынăш* тж» Г, *тайнаш* «тж» СЗ<тат., башк. *таяну* «опираться, опереться, облокачиваться, облокотиться», чув. *тайăл* «прислоняться, опираться».

тайыл «склон, откос» Л, В, *тăйыл* «тж» Г, СЗ<тат. *тайылу* «скособочиться, накрениться», чув. *тайăла* «покорный, наклонный». Ср. также: фин. *tai-pu* «сгибаться» (Рясянен 1969:455).

такийа, такйа уст. «старинная девичья шапочка, украшенная серебряными монетами; головной убор невесты» В, Л мрк., Крекн., *тайха упш* уст. «тж» Г<тат., башк. *такыя* «тафья (вид женского головного убора, вышитого жемчугом)», кирг. *такиа*, чув. *тухъя, тохйа* «старинный девичий головной убор» (перс., араб. *такыя*). Ср. удм. *такйа* «старинный женский головной убор с серебряными монетами», мокш. *такъя*.

такыр «истоптанный, протоптанный; ровный, гладкий» Л мрк., срн., В, Г, *тăкыр* «утоптанный СЗ<тат., башк. *такыр* «гладкий, ровный, укатанный», чув. *такăр* «ровный, гладкий». Ср. удм. *такыр* «пустой, голый; паровой».

такырташ проторить (дорогу); утаптывать» Л, В, Г, *тăкыртăш* «тж» СЗ<тат. *такырду* «тж», *такырайту* тж, башк. *такырлау* «тж».

тамга «клеймо, метка, знак» Л, В, Г, *тамка* «тж» СЗ<тат., башк. *тамга* «метка, зарубка, опознавательный знак», чув. *тумха, тăмха* «тж». Ср. удм. *тамга* «тамга, клеймо».

тапташ «ковать что-л; отбивать (напр. косу)» Л, В, Г.<тат. *таптау* «мять, давить, топтать, ковать», башк. *тапатыу*, чув. *тапта* «топтать, утаптывать».

таракан «таракан» Л, В, Г, *тăрăкăн* «тж» СЗ<тат., башк. *таракан* «тж», чув. *таракан* (рус. *таракан*). Ср. удм. *таракан* «тж». Тараканов 1981.

тау «спасибо, благодарение» Л, В, Г, СЗ, *тагу* «тж» Л срн.<тат. *тау* «тж», *тау итӯ* «благодарить», чув. *тау, тав* «благодарность», тур. *дау* (араб). Ср. удм. *тау*. Тараканов 1981.

тептер «толк, умение» Л мрк., СЗ; *«тептяр»* В, *тăптăр* уст. «толк, умение» Г<тат. *типтăр* «тептяр», *дăфтăр* «тетрадь», чув. *типтер* «бирка; порядок» уйг. *тăптăр* «книга», тур. *тăфтăр* «книжка, письмо» (перс. *дафтар*).

теңге «рубль, монета» Л, В, «чешуя (у рыб)», мнз., *тăнгă* «тж»

Г,<*тенке* ӱст. «рубль» СЗ<тат., башк. *тәнкә* «тж», чув. *тенкĕ* «рубль», «серебряная монета».

тергаш «бранить» В бр., клт.; «проверять, проверить» Л, Г<тат. *тиргә* «бранить, ругать», башк. *тиргәү* «тж», чув. *тирке* «брезговать, привередничать», кирг. *тиркә*, чагат. *тәркә* «выпытывать, выспрашивать». Ср. удм. *тэрганы* «осуждать, укорять, привередничать» (УРС 1983:439).

төра «чиновник, начальник» В бр., кнг., мрк., срн.; «начальник, господин, судья» Г<тат., башк. *түрә* уст. «начальник, чиновник, сановник», «бюрократ», чув. *тӳре* «судья», «чиновник, начальник», уйг. *төрә*, кирг. *төрө*. Ср. удм. *тере* уст. «воевода; судья».

туараш «распрягать» Л, В, Г, *тугараш* «тж» СЗ<тат. *туару, тугару* «тж», башк. *тугарыу* «тж», тобол. *тугару*, кирг., чагат. *тогар*, чув. *тăвар* «тж».

тулуп «тулуп» В, *тулып* «тж» Л, *тылып* «тж» Г, *тһлһп* «тж» СЗ<тат. *толып* «тж», башк. *толоп*, кирг. *тулуп* «тж», чув. *тăлăп* «тж».

тура «крутой, отвесный, обрывистый» Л, В, Г, СЗ; «прямой, прямо» Л, В, Г; *торо* «прямой, прямо» В блт., *тор долаш, тура долаш* «попадаться, попасться, встречаться, встретиться» В<тат. *туры* «прямой, прямо», башк. *тура* «прямой, прямо», кирг. *туура*, каз. *тура*, (араб. *догри*).

түгәл четный, чет», В, Л (Тр.), *тыхәл* «тж» Г<тат. *төгәл* «ровно, точно», чув. *тĕкел* «чет», кирг. *түкөл*, чагат., уйг. *түкал*.

түганаш «изнашиваться, износиться» Л, В бр., *түгәнәш* «тж», СЗ, В клт., блб., пб., *тыгәнәш, тыхәнәш* «приходить в ветхость» Г<тат. *төгәнү* «исчерпываться, заканчиваться», чагат. *түгән*, тур. *түкәнә*, чув. *тĕкĕн* «хиреть, слабеть, становиться хилым».

түгаташ «изнашивать» Л, В кнг., *түгәтәш* «тж» В, *тыгәтәш, тыхәтәш* «тж» Г<тат. *төгәтү* «заканчивать»; чагат. *түгәт*, тур. *түкәт*.

түмбүр «барабан» В, *түмбыр* «тж» Л срн., *түмыр* «тж» Л мрк., *тһмһр* СЗ, *тымыр* «тж» Г<тат., ср. др.-тюрк. *дүмри*, огуз. *түмрүк* «барабан», алт. *түнүр*, ст. тур. *думру* (Рясянен 1969:504).

түнгаш «коченеть, мерзнуть» Л, В, *тыңгаш* «тж» Г, *тһнәш* «тж» СЗ<тат. *туну* «зябнуть, озябнуть; мерзнуть, замерзнуть», башк. *туныу* «тж», кирг. *тон*, чув. *тĕн* «озябнуть, застывать, застыть».

түр «вышивка» Л, В, *тыр* «тж» Г, *тһрө* «вышивка, узоры» СЗ<тат., башк. *төр* «вид, вышивка», чув. *тĕре* узор», кирг., каз. *түр* «вид, форма, орнамент» (перс. *түр* «сеть», *түри* «кружево»).

түрлө «разный, всякий» Л, В, *тырлы* «тж» Г, *тһрлө* «разный» СЗ<тат. *төрле* «разный, разнообразный, неодинаковый, различный», башк. *төрлө* «тж», кирг. *түрлү*, чув. *тĕрле* «тж». Ср. удм. *турлы*, бавл. *түрлы* «тж» (Тараканов 1981).

түс «цвет, масть, вид» Л, В бр., блт., кнг., *түс'* «тж» В клт., млмж, *тыш* «знак, примета, след», *тһс* «цвет» СЗ<тат., башк. *төс* «цвет, окраска, масть», чув. *тĕс*, др.-тюрк. *түс*,чагат., тобол., бар. *түс* «тж». Ср. удм. *тус*.

түшак «перина», Л. срн., В кнг., елб., *түшәк* «тж» В, Г, СЗ, *төшак* «тж» Л мрк.<тат. *түшак* «перина, мягкая постель», чув. *түжек* «тж», тур. *дүшәк, дөшәк*. Ср. удм. *тушак*, диал. *түшак* «перина» (перс.).

ужаташ «провожать» Л срн., морк., В бр., клт., елб., *узаташ* «тж» блб, менз., *узактараш, зактараш* «тж» Л влж., *ыжаташ* «тж» Г<тат. *озату* «тж», башк. *озатыу* «тж», чув. *ăсат* «тж».

уш «ум, сознание, память» Л, В, *ыш* «тж» Г, *һш* «тж» СЗ<тат. диал. *уш* «чувство, сознание, память, рассудок», чув. *ăс* «ум, разум, рассудок» (перс.).

чан «колокол» ЛВ, *цан* «тж» СЗ, *цанг* «тж»<тат. *чан* «колокол, набат», чув. *чан* «тж», тур. *чан*, башк. *сан* «тж».

чаптар «игреневый (о масти лошадей)» Л срн., мрк., В елб., клт., бр., *чоптарге* «тж» Л влж. (Тр.), В бр. (Ст. Бед.), *цаватар* «тж» Г< тат. *чаптар* «тж», башк. *сабтар* «тж», кирг. *шабдар*, чув. *чуптар* «тж» (монг.). Ср. удм. *чугдар, чабдар,* «тж». (Тараканов 1981:63).

чара «голый, нагой» Л, В, *цӓрӓ* «тж» Г, СЗ<тат. *чӓрӓ, шӓрӓ* «тж», чув. *чара* «тж». Ср. удм. *шара* «вслух, громко, явно, открыто» (Тараканов 1981).

чарша, чаршау «занавес, завеса» В, Л (Крекн), *чӓршӓ(ӱ)* «занавеска» В бр. (Ст. Бед., Изак), *царшо* уст. «завеса» Г<тат. *чаршау* «полог, занавес, завеса, занавеска», чув. *чаршав* «занавеска».

чевер «красивый» Л, В, *цевер* «красный, красивый, прекрасный» Г, СЗ<тат. *чибӑр* «тж», чув. *чипер,* башк. *сибӑр,* ойр. *чӓбӓр* (-монг.) (Рясянен 1969). Ср. удм. *чэбэр* «тж», морд. М. *цебярь* «тж».

чер «болезнь» Л, В, *цер* «тж» Г, СЗ<тат. *чир* «тж», башк. *сир* «тж», чув. *чир* «тж», кирг. *шер,* кумык. *чер,* др. тюрк. *чер* «запор». Ср. удм. *чер* «тж».

черланаш «заболевать, заболеть» Л, В, *церлӓнӓш* «тж» Г, СЗ<тат. *чирлӑнӯ* «тж», *чирлӑӯ* «хворать, захворать», чув. *чирлен* «постоянно хворать». Ср. удм. *черланы.*

. *черке* «церковь» Л, В, *черкӑӱ* «тж» В блб., *церкы* «тж» Г, СЗ<тат. *чиркӑӱ* «тж», чув. *чиркӳ, чирĕк* тж» (рус.).

черле «больной» Л, В, *церлы* «тж» Г<тат. *чирле* «тж», башк. *сирле* «тж», чув. *чирлĕ* «тж». Ср. удм. *черлы* «тж». (Тараканов 1981:88).

черкӓнӓш «иметь неприятное ощущение, чувствовать дрожь» В пб., *чыркынланаш* «тж» В клт., *чыркынаш* «тужиться, напрягаться» Л, *цыркынӓш* «тж» Г<тат. *чиркӓнӯ* «иметь неприятное ощущение, дрожь (при виде неприятного или от холодной воды)», мишар. *чиркӓнӯ* «побрезговать».

чойа «хитрый, изворотливый», Л, В блт., *цойа* Г (Тр.) «тж» Г<тат. *чая* «лихой, изворотливый», мишар. *чӑйӑ* «тж», чув. *чее* «хитрый», башк. *сая* «бойкий».

чоклаш «читать молитву», уст. «жертвовать, приносить в жертву» Л, В, *цоклаш* «приносить в жертву что-л.», *цок* уст. «языческий обряд жертвоприношения» Г<тат. *чӳк* «народный праздник», чув. *чӳкле* «приносить в жертву», алт. *чок,* кирг. *шок.* (Рясянен 1923).

чотлаш «обтесывать, обтесать (сруб)» Л, В бр., блт., крф., *цотлаш* «рубить,тесать лес» Г пб.<тат. *чутлау* «обтесывать, обтесать» (внутренние стены вновь построенного дома), башк. *сутлау* «тж», чув. *чутла* «тесать».

чулан «чулан в сенях» Л, В, *цылан* «чулан; верхний этаж амбара» Г, *цһлан* «чулан» СЗ<тат. *чолан* «тж», башк. *солан,* чагат. *чулан,* ойр., тел. *чулан,* чув. *чăлан* «тж» (рус.).

чулка «чулок» Л, В, *цһлка* «тж», *цылка* «тж» Г<тат. *чолгау* «портянки, онучи», диал. *чолка* «чулок», *чолкабаш* «носки», (>) чув. *чăлха* «тж». (Рясянен, 1969).

чурий «лицо, физиономия, лик» Л, В, *чурей* тж» млж. *цыре* «цвет лица, вид, образ, облик», *цырей* «тж» СЗ<тат. *чырай* «тж», башк. *сырай* «тж», чув. *чĕрĕй* уст. «лицо; щека».

чыгын «норовистый, с норовом» Л, В, *цыгын* «упрямый» (о лошади)», *цыгын* «тж» СЗ яр., *цыгынъш* «тж» СЗ шар. <тат. *чыгымчы* «тж», башк. *сыгынсы* «тж», чув. *чăкăмăс, чăхăмса, чăхăмăс* «упрямый, норовистый». Ср. удм. *чигын* «тж».

чыра «лучина» Л, В, *цырă* «тж» Г, СЗ<тат. *чыра* «тж», тур. *чыра*, башк. *сыра*, кирг. *шырак* (перс.).

чыташ «терпеть, перетерпеть, выдержать, устоять, вынести» Л, В бр., кнг., крф., блт., *цытăш* «терпеть, стерпеть» Г, СЗ<тат. *чыдау* «тж», чув. *чат*, башк. *сызау* «тж», кирг. *шыда* «тж». Ср. удм. *чиданы* «тж». (Тараканов 1981:64).

шадра «оспа; рябой, шадровитый» В блб., блт., Г, СЗ, *шедра* «тж» Л срн. мрк., В клт., бр., пб. <тат. *шадра* «рябины», башк. *шəзра* «тж», бараб. *шатра* «тж», чув. *шатра* «оспа, рябой». Ср. удм. *шадра, шадыра* «тж». (Тараканов 1981:64).

шайтан «дьявол Л влж. (Тр.) В блб., бр., елб., Г, *шăйтăн* «тж» В клт., *шатын* межд. «черт» Л срн.<тат. *шайтан* «тж», башк. *шайтан* «тж», *шайтан, шуйтан* (араб.). Ср. удм. *шайтан* «черт», морд. Э *шайтан* «тж».

шекланаш «подозревать, опасаться, остерегаться» Л, В, *шеклăнăш* «опасаться, остерегаться, совеститься, чувствовать вину; стесняться»Г<тат. *шикланӱ* «тж», чув. *шиклен* «бояться, страшиться, сомневаться, подозревать», тур. *шăк* (перс.), Ср. удм. диал. *шекланы* «подозревать». (Тараканов 1981:90).

шижаш «чувствовать, ощущать, чуять» Л, В, *шижăш* Г, СЗ, В блб., пб.<тат. *сизу* «тж», чув. *сис* «тж», кирг. *сез* «тж», уйг. *сăс*, др. тюрк. *сез*.

шиждараш «дать почувствовать; предупреждать, предостерегать» Л, В, Г, *шиштăрăш* «тж» СЗ<тат. *сиздерӱ* «тж», чув. *систер* «тж».

шокта «домашняя колбаса» Л, срн., В, *сокта* «тж» Л мрк., Г, СЗ<тат. *сукта* «вид конской копченой колбасы», кирг. *сокта* «тж», чув. *сукта* «тж».

шуша челнок (ткацкий)» Л, В, Г, СЗ<тат. *соса* «тж», башк. *һоса* «тж», чув. *сăса* «тж».

шӱдыраш «тащить, волочить» Л, В, *шыдырăш* «тж» Г, *шһдһрăш* «тж» СЗ<?тат. *сӧйрӱ* «тащить волоком что-л. за собой», чагат. *сӱдра*, чув. *сĕтĕр* «тж».

шӱртн'аш «спотыкаться, споткнуться» Л, В, *шыртнялтăш* «тж», *шһртн'аш* «тж»<тат. *сӧртенӱ* «тж», башк. *һӧртӧнӧй* «тж», чув. *сертĕн* «касаться, дотрагиваться».

шӱташ «долбить, сверлить; развязывать, развязать, распускать, расплетать; пороть, распороть» Л, В, Г, СЗ<тат. *сӱтӱ* «тж».

шӱтлаш «продырявиться, развязываться, распускаться, расплетаться, пороться, распороться, расшиваться» Л, В, Г, СЗ<тат. *сӱтелӱ* «распарывать, распороться, разрываться, разорваться (по швам)».

шыма «гладкий, нежный» Л, В, *шымă* «нежный, румяный, свежий (о цвете лица); свежий, молодой» Г<тат. *шома* «тж», башк. *шыма* «тж», чагат. *шима* «тж», чув. *шăма* «тж» (Рясянен 63).

шымараш «сердиться (о лошади)» Л, В, *шымăрăш* «прижимать уши, сердиться (о лошади)» Г<тат. *ат шымара* «лошадь прижимает уши», чув. *шăмар* «сердиться, намереваться укусить (о лошади)» (Рясянен 63).

шыпкын «рыжик, сурепица, сурепка» В, *шыпкыншудо* «тж» Л мрк., *шӱпканшудо* «тж» млж., *шыпкăн* «тж» Г<тат. *шепкăн* «тж», башк. *шипкăн* «тж», чув. *шăпкăн* «тж».

шырпе «спичка» Л, В; «заноза» Л, В, *шӹрпӹ* «заноза» Г, СЗ<тат. *шырпы* «тж», башк. *шырпы* «тж», чув. *шӑрпак* «соринка, заноза, шепка; спичка».

шырчык, шудышырчык «сверчок, кузнечик» Л, В, *шӹрцӹк, цӹрйӹк* «сверчок, кузнечик» Г<tat. *шӧрчек* «сверчок», чув. *шӑрчӑк,* «сверчок, кузнечик, стрекоза».

шыташ «прорастать» Л, В бр., блт. *шӹтӓш* «прорастать, давать ростки» Г, СЗ<тат. *шыту* «всходить, взойти, прорастать», башк. *шытыу* «тж», чув. *шат* «тж».

эрташ «проходить, миновать» Л, В бр., клт., *эртӓш* «тж» В пб., мнз., блб. Г, СЗ<тат. *иртӳ,* ср. кирг. *эрт* «тж», чув. *ирт* «проходить, проезжать (мимо); миновать», тел. *ӓрт* «тж». (Рясянен 26).

эрык «воля, свобода» Л, В, *ирик* «тж» Г<тат. *ирек* «тж», башк. *ирк* «тж», чув. *ирӗк* «свобода, воля», каз. *эрик* «воля», пратюрк., уйг. *ӓрк* «сила, мощь».

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. Москва.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2 (В—Д). Йошкар-Ола, 1983.

Исанбаев Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке.— Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1979, Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка.— Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1980, Татарские лексические заимствования и их типы.— Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка. Дисс. на соискание учен. степени канд. филолог. наук. Тарту, 1973.

Тараканов И. С. 1981, Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Учебн. пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высш. уч. заведений, Ижевск.

ТТАС — Татар теленен анлатмалы сүзлеге. I—III тт., Казан, 1977, 1979, 1981.

Räsänen M. 1923, Die tatarischen Lenhnwörter im Tsceremissischen. Helsinki.

Räsänen M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

аз.— азербайджанский язык, *алт.*— алтайский язык; *араб.*— арабский язык; *бараб.*— барабинский диалект татарского языка; *башк.*— башкирский язык; *блб.*— белебеевский говор марийского языка; *блт.*— балтачевский говор марийского языка; *бр.*— бирский говор марийского языка; *В.*— восточное наречие марийского языка; *влж.*— волжский говор марийского языка; *Г.*— горное наречие марийского языка;

диал.— диалектное слово; *др. тюрк.*— древне-тюркский язык; *елб.*— елабужский говор марийского языка; *иран.*— иранские языки; *й-ол.*— йошкар-олинский говор марийского языка; *каз.*— казахский язык; *калм.*— калмыцкий язык; *кз.*— коми-зырянский язык; *кирг.*— киргизский язык; *китай* — китайский язык; *клт.*— калтасинский говор марийского языка; *кнг.*— кунгурский говор марийского языка; *крф.*— красноуфимский говор марийского языка; *крым.*— крымско-татарский язык; *кумык.*— кумыкский язык; *Л.*— луговое наречие марийского языка; *лб.*— левобережный говор горного наречия; *миф.*— мифологическое слово; *мишар.*— мишарский диалект татарского языка; *млж.*— малмыжский говор марийского языка; *мнз.*— мензелинский говор марийского языка; *мрк.*— моркинский говор марийского языка; *мшк.*— мишкинский говор марийского языка; *ног.*— ногайский язык; *общетюрк.*— общетюркское слово; *ойр.*— ойротский язык; *осет.*— осетинский язык; *пб.*—прибельский говор марийского языка; *перс.*— персидский язык; *сагай* — сагайский язык; *санскр.*—санскритский язык; *СЗ.*— северо-западное наречие марийского языка; *срн.*— сернурский говор марийского языка; *тат.*— татарский язык; *тел.*— телеутский язык; *тобол.*— тобольский говор татарского языка; *тур.*— турецкий язык; *турк.*— туркменский язык; *удм.*— удмуртский язык; *уйг.*— уйгурский язык; *фин.*— финский язык; *чагат.*— чагатайский (староузбекский) язык; *чув.*— чувашский язык; *шор.*— шорский язык; *якут.*—якутский язык.

РЕЦЕНЗИИ

В. В. КУЗНЕЦОВ. ОЙКОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ ИЛЕТЬ МАРИЙСКОЙ АССР. ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, Тарту, 1985.

В последнее время интерес к изучению ономастической лексики в финно-угорских языках заметно увеличился. Появился ряд монографических работ, защищены кандидатские и докторские диссертации. Это весьма отрадное явление: до сих пор забытая область исторической лексикологии финно-угорских языков стала, наконец, предметом пристального внимания лингвистов, в том числе и марийских. Но сделано еще очень мало, особенно в области изучения топонимики. Марийская же топонимия до сего времени специального исследования не имеет. Диссертационная работа В. Кузнецова является первым специальным самостоятельным исследованием подобного рода, которое посвящено анализу названий населенных пунктов бассейна реки Илеть на территории Марийской АССР. Актуальность темы рецензируемой работы не вызывает каких-либо сомнений. Она важна не только в плане чисто лингвистическом, материалы ее принесут немалую пользу географам, историкам и этнографам, не говоря уже о чисто практическом значении ее при составлении словарей и справочников, при изучении в вузах курсов истории языка и лексикологии.

Совершенно не случаен выбор региона исследования. Этот бассейн примечателен не только своим рельефом, растительным и животным миром, но и древнейшей заселенностью (по археологическим данным установлено, что приволжская часть бассейна начала заселяться человеком уже в эпоху мезолита (с. 9). Выделяется он также по основным этнографическим показателям и языковым особенностям. На этом регионе стыкуются две этнографические группы марийского населения, различающиеся формой одежды и головного убора женщин, в языковом отношении они представляют также два говора — моркинско-сернурский и волжский.

В связи с этим было бы не лишним отметить, что собственные имена географических объектов, являясь своеобразными историко-лингвистическими памятниками, представляют определенную значимость для интерпретации отдельных диахронических явлений как в области марийского языкознания, так и финно-угроведения в целом. Вместе с тем они способствуют решению многих спорных вопросов исторической диалектологии и представляют собой ценный материал для этнографических изысканий, в частности, вопросов этногенеза народа мари, процесса взаимосвязей данного этноса с разными его соседями, проблем внешней и внутренней миграции населения.

Важность сбора, систематизации и анализа топонимов обусловлена и тем, что многие из них с течением времени исчезают. Так, за последнее десятилетие в связи с частичными изменениями в районировании республики, образованием новых совхозов, укрупнением колхозов, миграцией населения из мелких селений, с процессом урбаниза-

ции, а также со строительством Чебоксарской ГЭС с карты Марийской АССР исчезло множество небольших деревень и лесных поселков. В этом отношении весьма убедительны данные справочника «Марийская АССР. Административно-территориальное деление» (Йошкар-Ола, 1978, 1981). Только за четыре указанных года в республике зарегистрировано 107 случаев исчезновения небольших селений, а также возникновение 7 новых населенных пунктов, что обусловлено не только глубокими социальными переменами в жизни деревни, но и большими народнохозяйственными задачами.

Поэтому выбор темы не случаен и актуальность ее не вызывает никакого сомнения, так как она органически входит в научную программу исследования топонимики Марийской АССР, сопредельных республик и областей Марийского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института имени В. М. Васильева.

Работа В. В. Кузнецова в этом плане представляет собой первое специальное исследование отдельного класса топонимики — ойконимии — одного из регионов Марийской республики. Её можно определить как итог одного из периодов интенсивно развивающейся в последние годы марийской ономастической науки.

В работе ставились и решались в строгой последовательности следующие задачи: систематизация и идентификация названий населенных пунктов бассейна реки Илеть, собранных из разных источников; лексико-семантический анализ топоформантов и лексем, встречающихся в названиях селений, и определение их роли в ойконимообразовании; историко-этимологический анализ ойконимов и исследование их словообразовательной структуры; выявление принципов номинации ойконимов и установление источников, обуславливающих возникновение вариантных названий.

Эти вопросы важны для разработки общей теории механизма топонимообразования, принципов топонимической классификации и установления типовых топооснов с определенными формантами, а также координации работы по составлению общемарийского ономастического атласа.

Этимологические объяснения автором ведутся на фоне достижений финно-угорского языкознания, заимствованные названия истолковываются на материалах русского и тюркского языков с учетом фонетической адаптации их языком-рецептором, который в отдельных случаях значительно видоизменил фонетический облик заимствуемой лексемы.

В. В. Кузнецовым подробно рассмотрены словообразовательная модель ойконимов и принципы их номинации. До работы В. В. Кузнецова в марийской ономастической науке названия селений отдельного региона не были предметом структурной характеристики, а исследования принципов номинации с точки зрения семантической мотивированности носили случайный характер и являются отрывочными и непоследовательными.

Источником для написания работы послужили материалы справочников «Административно-территориальное деление Марийской АССР» разных лет издания, примеры, извлеченные из материалов центрального и местных архивов, полевые записи, сделанные автором в топонимической экспедиции и научных командировках. Дополнительными источниками послужили двуязычные словари отдельных языков, а также работы по топонимике края, опубликованные в разных изданиях СССР.

Исследование В. В. Кузнецова состоит из краткого предисловия, введения, четырех глав, заключения, списков использованной литературы, ойконимов бассейна реки Илеть, сокращений, информантов, указателей тополексем и формантов, таблиц и карт. Последние особенно ценны для обобщающих работ типа «Ойконимия Марийской АССР», «Географические названия Марийской АССР».

В предисловии (с. 1—7) автор обосновывает выбор темы. Здесь же определены цель и задачи исследования, указаны методика и источники исследования, отмечены научная новизна и практическая значимость работы.

Во введении (с. 8—25) автор дает краткую, но обстоятельную ландшафтно-географическую, историко-этнографическую и лингвистическую характеристику бассейна реки Илеть.Правильно подмечено, что территория исследуемого региона по этнографическим признакам распадается на две части: юго-западную и северо-восточную. Первая включает в себя Волжский, Звениговский и Моркинский административные районы; вторая — Куженерский, Маритурекский, Параньгинский административные районы. Границы распространения диалектных черт и этнографических особенностей не имеют полного совпадения.

В. В. Кузнецов проделал большую работу по изучению и систематизации материала об истории изучения ойконимов Илетского бассейна (с. 15—25). Первые работы научного содержания по марийской топономастике начали появляться во второй половине XIX в. («Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием». Казань, 1885 и другие). Однако после Октябрьской революции вплоть до 60-х годов в марийском языкознании научное изучение топонимики почти не велось, лишь в 80-х годах эта работа начинает оживляться.

Первая глава (с. 36—70) посвящена этимологическому и лексико-семантическому анализу тополексем (участвующих в образовании ойконимов) бассейна реки Илеть Марийской АССР.

На основе комплексного лингвистического анализа богатого фактического материала автору удалось расчленить все имеющиеся тополексемы в зависимости от их функций в ойконимообразовании на две большие группы: апеллятивы (тополексемы), имеющие непосредственные отношения к поселениям, и апеллятивы, имеющие опосредствованные отношения к поселениям (с. 26). Последняя по своей функциональной значимости и участию в процессе номинации расчленяется еще на 3 подгруппы: 1. выступающие только как топонимообразующий формант; 2. встречающиеся как в постпозиции, так и в препозиции сложного ойконима; 3. функционирующие лишь в препозиции названия-композита (с. 38). Лингвистическая интерпретация апеллятивов сопровождается ретроспективными экскурсами в более ранние периоды этнической истории мари, при этом учитываются топонимические контакты с соседними неродственными языками, а также данные фольклористики, археологии и этнографии, что не только подкрепляет убедительность доказательств, но и позволяет глубже раскрыть процесс образования ойконимов.

В. В. Кузнецов вполне обоснованно констатирует, что из 10 ойконимических апеллятивов, функционирующих в структуре наименований селений Илетского бассейна, 5 являются по происхождению русским, 3 — чувашским, 1 — татарским, 1 — марийским и 1 общим марийско-мордовским; из 3 неойконимических географических терминов 13 восходят к общефинно-угорскому источнику, 5 — марийско-

му (в основе которых, главным образом, лежит элемент финно-угорской лексики), 3 — булгаро-чувашскому и 2 — татарскому (с. 139—140).

Таким образом, ойконимия бассейна реки рассматривается автором как продукт совместного творчества многих народов Поволжья. При анализе тополексем первой группы автором диссертации устанавливается относительная хронология их возникновения. Самыми древними из подобных тополексем он совершенно верно считает слова *кудо* «дом, летняя кухня», *пӧрт* «дом», за ними идет *морко* «укрепленное поселение». Только вот возведение элемента *мор* к словосложению *ма* «земля»+*ора* «куча, ворох, груда» (стр. 29) несколько сомнительно. Возможно, здесь элемент *-р* является словообразовательным суффиксом, восходящим к одному источнику с собирательным суффиксом *-эр* (*куэр* «березняк» — *куэ* — «береза»).

Весьма убедительно доказал диссертант происхождение слова *сола* «селение, деревня» из русского село, исходя из его владимиро-поволжского варианта соло (стр. 34) и закономерного выступления в марийском языке гласного *а* вместо русского конечного ударного *о*, ср. ведро — *ведра*, стекло — *стекла* и др. Надо полагать, прав диссертант и в том, что словом *сола* марийцы стали называть селения с упорядоченной застройкой в конце XVIII — начале XIX столетий.

Прав диссертант и в том, что слово *кутыр* «хутор» проникло в марийский язык только в конце XIX — начале XX столетий. Но вряд ли с ним можно согласиться в том, что и слово *починга* «починок» в заимствование из русского языка того же периода (стр. 36). На наш взгляд, слово *починга* «починок» проникло в марийский язык несколько раньше, не позднее XVIII столетия, тем более оно встречается только в северной части исследуемого региона.

Правильно также диссертант объяснил происхождение слова *отар* в марийской ойконимии из чувашского *утар, отар* «хутор», а не из *утар* «пасека, пчельник» или татарского *отар* «загон для скота» (стр. 37).

Полностью прав диссертант в том, что топоформант *-мар (-мор)* в географических названиях Марийского края нужно отличать от подобного же форманта в мордовской топонимике, ибо в первом случае, как совершенно верно указывает диссертант, *-мар (-мор)* восходит к слову *марий* «мариец» (стр. 45), а в мордовской топонимике он представляет собой слово *мар* «холм».

Весьма интересно и вполне убедительно объясняет диссертант происхождение топоформанта *-мас (-маш)* из *ма* «земля» и *-ас (-аш)* — словообразовательный суффикс, хотя в некоторых случаях его можно было бы, как кам кажется, сравнить с коми словом *мӧс* «источник». Дальнейшее детальное изучение топонимии всего марийского края и сопредельных с ним областей даст возможность более точно определить в каком случае *-мас* состоит из слова *ма* «земля» со словообразовательным суффиксом *-ас (-аш)*, в каком он возник из самостоятельного слова *мӧс* «источник».

Несомненно прав диссертант также в том, что в гидрониме *Вончо (Вонжа)* элемент *-чо (-жа)* является топоформантом, который, по его мнению, своим происхождением восходит к субстратному топоформанту *-та* (стр. 52). Однако его первоисточником считать субстратный топоформант *-та* вряд ли возможно, ибо такие гидронимы как Унжа (Горьковская область) и Унжица (Архангельская обл.) нельзя связать с марийским звукопереходом *т*>*ч*>*ж* после сонорного

н. Возможно, здесь мы имеем дело с субстратным топоформантом *-ша (-жа)?*.

Интересна и, на наш взгляд, верна трактовка элемента *виз* в от-гидронимных ойконимах. Диссертант совершенно правильно связывает его с коми словом *вис* «проток, канал, соединяющий озеро с рекой». Но вряд ли правомочно сравнение с этим элементом марийского гидронима Виче «Вятка». Здесь уместнее было бы, наверное, усмотреть слово *витке виче* «вода», ср. мар. *вӱд*.

Прав диссертант, что топооснова *Шай (Шой)* является гидротермином (стр. 69), но с мнением о тюркском ее происхождении вряд ли можно согласиться. Скорее всего это финно-угорское наследие, имеющее варианты *Шоя, Шая, Шуя*. Кроме того, вариант *Сайра* и *Шайра* трудно связуем с татарским *сай* «неглубокий, мелкий», ибо в данном случае элемент *-ра* в татарском языке ничего не значит. Что касается микрогидронима *Сайсу*, то в татарском происхождении его, как правильно пишет В. Кузнецов, сомневаться не приходится.

Очень правдоподобно объяснение происхождения топоосновы *Яран*, в которой диссертант видит имя прилагательное с суффиксом *-ан* от имени существительного *йăр (йер)* «озеро», хотя и в сближении ее В. Генингом с коми названием ненцев тоже не исключена возможность истины. Нам кажется, на этом точку ставить еще рано, вопрос о происхождении гидронима *Яран* нуждается в дополнительном специальном исследовании, что мы надеемся, диссертант сделает в будущем.

Во второй главе (с. 71—110) дается историко-этимологический анализ ойконимов бассейна реки Илеть. Основное внимание уделено автором этимологическому объяснению названий существующих или недавно исчезнувших поселений, которые представляют определенный интерес с точки зрения их происхождения, а также миграции этнических групп и народов на территории региона. Для историко-этимологических изысканий автором привлечено 500 названий. Наряду с устоявшимися, общепринятыми этимологиями отдельных слов-апеллятивов, участвующих в ойконимообразовании, значительное число наименований этимологизируется впервые. Поэтому эта глава богата ценными сведениями и свежей информацией.

Автор здесь проявил себя как глубоко вдумчивый, широко эрудированный этимолог-топонимист. В целом вся ойконимия бассейна реки Илеть им этимологизирована безупречно. Из всех этимологий у нас вызывают сомнения лишь несколько, например: ойконим *Пӧртылга* (оф. Пертылга), по мнению диссертанта, сложился из *пӧрт* «дом»+тат. *йылга* «дорога, проселочная дорога» (стр. 96). Нам же кажется, что здесь первый элемент *пӧрт (перт)* является гидронимом субстратного происхождения, а вторая часть — *ылга*<тат. *алга* «река». Или на стр. 106 ойконим *Шойдун (Шойдум)* объясняется из тат. *сай* «неглубокий, мелкий»+*тӱн* «основание, основа, комель». Однако, на наш взгляд, элемент *Шой* здесь вряд ли связан с татарским *сай* «неглубокий», скорее всего это субстратный гидроним финно-угорского происхождения, ср. р. Шуя в Карелии.

На той же странице гидроним *Шоленгер* диссертантом выведен из *шолшо* «кипящий, бурлящий»+*энер* «река». По-видимому, все-таки было бы вернее элемент *Шол* возвести в данном случае к слову *шоло* «вяз», т. е. «река, по берегам которой растут вязы». В ойконим *Пукшамбал* (с. 96) автор усматривает гидроним *Пукшал*. По-видимому, гидронимом здесь является *Пукша*. Нетрудно догадаться, что

в ойкониме *Пумар-Пумыр* (с. 96) гидронимом является не *Пам*, а *Пу*, ср. река *Пу* (Буй). При объяснении названия деревни *Пызьыргуп* (с. 97), предпочтение следует отдать, очевидно гидрониму *Визир* с фонетическим вариантом *Пызьыр*, а не слову *Пыз*, являющемуся вариантом *Пез*. Речка Визир, на берегу которой расположена деревня *Пызьыргуп*, является притоком небольшой реки Сумки, впадающей в Волгу. Первым компонентом названия *Сасканур* (с. 98) автор считает слово *саска* со значениями «плоды, фрукты, цветок». Однако не исключено, что первым компонентом этого ойконима является древнемарийский антропоним *Саскай*. Позднее ойконим приобрел форму *Сасканур* вследствие выпадения согласного *й*. Название *Смычка* (с. 98) нельзя считать отгидронимным комонимом. «Смычка» (наименование сельхозкоммуны) — связь города с деревней. Название населенного пункта *Сукрэнгер* (с. 99) нельзя объяснить при помощи ныне неупотребительного марийского слова *сукъ* «порука, поручатель +*-р* — суффикс имени существительного с собирательным значением. Элемент *сукр* является, видимо, фонетическим вариантом лексемы *сугыр* «бугристый», если для объяснения семантики привлечь и официальное название *Кинер*, где *ки-кӱ* «камень»+*энгер* «река», то можно с уверенностью констатировать, что *Сукрэнгер* — это река с бугристым каменистым дном. Название населенного пункта *Урняк* (с. 101) нельзя объяснить при помощи слов современного марийского языка. Поэтому оно имеет помету «этимология не ясна, возможно, антропоним». В этом селении проживают татары, в татарском языке слово *урняк* «образцовая, примерная». Название *Сизенер* (с. 100 см. Усола) сопоставляется автором с коми *сіс* «гниль, гнилой», удм. *сись* «то же»+*энгер* «река». Однако в других источниках см., например, Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Вып. 3. Звениговский кантон.— Краснококшайск: 1925, с. 12 зафиксировано как *Сюза (Суйзо)*. Очевидно, второй вариант является более точным. Слово *сузо* с вариантом *суйзо* означает «глухарь». Следовательно, *Суйзэнгер* — «глухариная река». Автор, к сожалению, не обратил внимания на указанную работу. В ойкониме *Ялагин* (официальное *Елагино*) автор, ссылаясь на С. Я. Черных, усматривает древнемарийский антропоним (с. 108). Однако раньше это селение числилось как *Елагин Курень* (Янтемир 1986:13). В основе ойконима, по всей вероятности, лежит русская фамилия *Елагин*.

Подобные неточности легко исправимы при составлении «Марийского топонимического словаря».

В третьей главе (с. 111—121) автор исследует словообразовательную структуру ойконимов бассейна реки Илеть. В структурном отношении ойконимы образованы по общим для системы марийского языка словообразовательным способам: морфологическим и синтаксическим. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что по словообразовательной структуре ойконимы рассматриваемого региона представляют собой три типа: простой, сложный и усложненный. Однако простых ойконимов по сравнению со сложными и усложненными всего 22,4% и все они в основном возникли путем эллипсиса сложных, из них 7,4% абсолютно простые, 15% суффиксальные простые.

Автором особо подчеркнуто, что в настоящее время наблюдается тенденция исчезновения усложненных ойконимов, причиной которой является процесс урбанизации и развития крупных сельскохозяйственных усадеб.

Такое высказывание служит еще одним доказательством своевременности исследования.

В четвертой главе (с. 122—137) автор рассматривает принципы номинации ойконимов бассейна реки Илеть. В. В. Кузнецов отмечает, что по способу выражения семантической мотивированности ойконимы бассейна реки Илеть подразделяются на две большие группы: 1. названия, связанные с именами поселенца, родом его занятий, результатами их и со способом использования поселенцем объекта; 2. названия, связанные со своеобразием объекта, его местоположением, характерными признаками. Здесь же указываются источники возникновения вариационных (параллельно бытующих) названий. В марийской ойконимии диссертант отметил некоторое преобладание отантропонимных ойконимов, их всего в регионе 21,9%, примерно столько же, сколько в Коми АССР (20%), что говорит о близости принципов номинации ойконимов в финно-угорских языках, хотя в Мордовской АССР их 52,4%.

Сложные ойконимы составляют 59,5%. Модель их образования определение+определяемое, которая характерна для всей финно-угорской топонимии.

Теоретическая часть диссертации завершается заключением (с. 138—142), содержащим краткие выводы по всем четырем главам.

Резюмируя вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что В. В. Кузнецов разрешил многие ключевые вопросы марийской топонимики, до сих пор остававшиеся нерешенными. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений.

В целом диссертация В. В. Кузнецова оставляет хорошее впечатление, как исследование содержащее свежий добротный фактический материал и отличающееся научной новизной и обоснованностью выдвигаемых положений и выводов.

Работа имеет и большое прикладное значение, к числу которых можно отнести составление топонимического словаря, значительная доработка и переиздание существующего справочника административно-территориального деления Марийской АССР с надлежащими коррективами. Проанализированные ойконимы (в работе всего 600 названий, см. с. 6), содержащие исходные данные и в какой-то мере отражающие языковые и диалектные особенности, безусловно, помогут решить проблемы стандартизации географических наименований Марийской республики. Наконец, основные положения работы и фактический материал могут быть использованы при изучении теоретических и практических курсов по диалектологии и лексикологии в вузах нашей республики.

И. С. ГАЛКИН, А. Н. КУКЛИН

И. С. ГАЛКИН. ТАЙНЫ МАРИЙСКОЙ ТОПОНИМИКИ. Йошкар-Ола, 1985, 95 с.

В марийском языкознании в последние годы заметно оживилась исследовательская работа по вопросам ономастики. Учеными опубликован ряд статей, освещающих различные проблемы топонимики. Про-

должают регулярно выходить сборники «Вопросы марийской ономастики», издаваемые Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Все больше исследователей обращает свой взор к топонимическим изысканиям. Успехи марийской ономастической науки во многом связаны с именем профессора И. С. Галкина, возглавившего эту актуальную для марийской лингвистической науки отрасль в нашей республике.

Профессор И. С. Галкин, известный исследователь истории языка, в последние годы большое внимание уделяет изучению истории собственных имен и является ведущим специалистом в этой области. Его этимологии, аргументированные многочисленными языковыми фактами, подкупают читателя своей убедительностью, достоверностью и пользуются большим авторитетом. Свидетельством тому является новая работа ученого «Тайны марийской топонимики», изданная Марийским книжным издательством в 1985 году.

Книга задумана как популярное издание для массового читателя. В ней в доступной даже для неподготовленной аудитории форме излагается древняя история Марийского края по данным топонимических названий, объясняется происхождение основных названий деревень, сел, городов, рек и озер территории, заселенной марийцами, рассматривается возникновение некоторых географических названий и их судьбы.

Однако книга — это не только знакомство с интересной наукой топонимикой, ее популяризация, но и глубоко научное исследование, проведенное на уровне последних достижений современной лингвистической науки. Ее значение выходит далеко за рамки популярного издания, ее можно поставить в один ряд с важнейшими научными исследованиями марийской лингвистики.

По содержанию книгу можно разделить на две части. Первая как бы вводит читателя в науку об именах и одновременно в какой-то мере обобщает вторую часть книги, посвященную историко-этимологическому анализу географических названии.

Изучение географических названий — очень важное дело и потому, что они представляют собой своеобразную летопись края. Как известно, на марийском языке нет древних письменных источников. А там, где письменные источники молчат, приходит на помощь топонимика. Поэтому географические названия — это древние свидетели давних времен. Их расшифровка в какой-то мере поможет пролить свет на далекую историю заселения края. Изучение топонимики важно и с чисто лингвистической точки зрения. Названия мест, рек, озер и т. д. сохранили немало исчезнувших слов и их форм, собственных имен, прозвищ, вышедших в настоящее время из активного употребления. Сравнительно-историческое исследование дает возможность восстановить их.

Кроме того, топонимические исследования могут предоставить интересные факты для размышления относительно истории заселения той или иной территории. Для некоторых народов, в т. ч. и для марийцев, это порою является единственным материалом для создания древней истории, что еще раз подтверждает необходимость и важность подобных исследований.

Большой интерес в этом отношении представляет первая часть книги И. С. Галкина и особенно ее раздел «Заселение марийского края по данным топонимики» (стр. 6—30). В ней на основе этимологизации речных названий автор выдвигает теорию волнообразного заселения Марийского края и соответственно с ней отмечает че-

тыре исторических пласта гидронимов. К самому древнему слою относит названия рек с окончаниями на *-ша, -са, -за, -жа, -ма, -да, -та* и считает их рефлексами языковых особенностей древних финно-угров. Они «не привнесены извне», а являются возникшими на месте (стр. 7). Нельзя не согласиться с автором и в том, что все они в свое время являлись самостоятельными словами и отражали многообразные выражения в том древнем языке различных типов водоемов.

Второй пласт с гидроформантами на *-я, -ла, -ля* И. С. Галкин относит к самостоятельным словам финно-угорской общности со значением «река» (стр. 13).

К третьему слою домарийских названий рек автор относит гидронимы с формантами на *-ум, -ым* и некоторые на *-я (-ю)* и считает их прапермскими (стр. 17).

Таким образом, все эти названия автор считает еще не марийскими, поскольку они возникли до образования марийской народности.

И, наконец, последний пласт — собственно марийские названия. Этимологизация их не затруднена и не скрыта мраком времени.

Трактовка вопроса в приведенном виде, по-видимому, соответствует исторической действительности. По крайней мере, на топонимических данных такой путь заселения края доказывается довольно убедительно. Поэтому, наверное, следует считать интересным и заслуживающим внимания подобное предположение.

Но все же возникает вопрос: почему остались на современной территории марийцев древние, как их называет автор, домарийские имена, если марийцы в основном обитали на правом берегу Волги? Если предположить, что марийцы их от кого-то переняли, то снова возникает вопрос: кто для них сохранил и передал названия периода финно-пермской общности?

Ответ на эти вопросы, возможно, мог бы натолкнуть на новую мысль. Я имею в виду прежде всего вот что. Опираясь на отсутствие слова в современном языке, мы очень часто стараемся найти его в других языках и спешим объявить их заимствованными. Но почему бы не предположить, что некоторые из этих формантов — рефлексы слов, некогда существовавших в самом марийском языке или по крайней мере в его прамарийское время? С развитием языка, естественно, в них могли произойти существенные фонетические и структурные изменения, изменившие некогда употребляемые слова до полной неузнаваемости вследствие утраты его лексического значения, что и позволило им абстрагироваться до топонимического форманта.

Мне кажется, есть основание предположить существование подобных слов в прошлом и в самом марийском языке. Но впоследствии по каким-то причинам они исчезли, оставив свои следы в различных географических названиях.

В пользу такой гипотезы можно привести следующие аргументы:

Во-первых, вряд ли получили бы такое широкое распространение подобные названия, если бы эти слова некогда не употреблялись в самом марийском языке. Ср., такие элементы, как *куж (кож), йо (йа), ша (жа, са, за), ма* и т. д. встречаются довольно широко.

Во-вторых, в марийском языке имеется ряд топонимов, в которых грамматическая форма противоречит тому, что они заимствованы из других языков. Например, *Тумьюмучаш* — марийское название: *тумньымучаш*<от названия реки *Тунья*, по-марийски *тумньо*<*тумын*+*йу*. Если бы не существовало такого слова *йу* в значении реки, почему бы употребить определенное слово в родительном

падеже, в чисто марийской форме? По-видимому, объяснение одно: значит, было когда-то такое слово в самом марийском языке. Аналогичный случай в названии поселения *Шалангуш<шолан+куж*. И здесь определяемая часть стоит в производной форме прилагательного.

В прошлом на современной территории, как утверждает сам автор, марийского населения не было (стр. 17). Они жили на правом берегу реки Волги. Откуда же в таком случае появились эти названия? В таком случае возможно предположение, что они привнесены ими самими, вместе с переселением? Думается, так и было.

Я, разумеется, отнюдь не выступаю против теории о возможном былом расселении на территории нынешней Марийской АССР различных финно-угорских племен. Но вряд ли приведенные автором топонимы являются доказательством для данной гипотезы. Проблема эта интересная и заслуживающая внимания. Определенные предположения уже у него имеются. И мне кажется, было бы интересно проанализировать эту идею на более обширном материале. Иными словами, автор внес бы существенный вклад в лингвистическую и историческую науку, если бы написал самостоятельный труд на основе этого раздела.

Топонимы содержат в себе много глубоких исторических тайн. Но раскрыть их нужна большая лингвистическая эрудиция и кропотливый исследовательский труд. Автор книги еще раз продемонстрировал это во второй части своей работы, которая называется скромно — «Историко-этимологический словарь географических названий» и содержит большой материал (стр. 30—89). Пожалуй, именно в этой части книги раскрываются многие «тайны» марийской топонимики.

Раздел этот представляет собой этимологический анализ некоторых географических названий Марийской АССР. Он включает в себя 128 словарных статей. Как видно, в нем только незначительная часть топонимических названий. Конечно, отсутствуют многие топонимы, происхождение которых хотелось бы нам узнать, возможно, не всегда и не совсем понятен принцип отбора названий для включения в список, не со всеми толкованиями можно безоговорочно согласиться — и все же это самый интересный и глубоко научный раздел книги.

Тем более ценен этот список тем, что подавляющее большинство названий в книге этимологизируется впервые, их «тайны» раскрываются самим автором. Эти статьи представляют не только очень интересные сведения из прошлого края, о чем многие из нас, наверное, никогда и не задумывались, особенно те, кто не занимается топонимическими исследованиями, но и предствляют довольно интересные факты для размышления исследователям. Не будем придираться сейчас к составу словника — для такого отбора у автора были основания: марийская топонимия еще только начинает изучаться, объясняется это и недостаточностью материала. Главное, в книге, нам кажется, есть — автор сумел заинтересовать читателя древней, неописанной историей своего края, смог пробудить интерес к собиранию и необходимости изучения окружающих нас многочисленных географических названий, ничего не значащих для нас с т. з. современного языка, но очень важных с т. з. истории. Словом, И. С. Галкин написал полезную и нужную книгу.

Однако исследовательская работа, тем более топонимическая,— наука трудная и капризная. Объяснение одного и того же названия

в ней может иметь несколько вариантов и нередко трудно доказать, который из них правилен, тайна здесь, как говорится, хранится за семью печатями. Некоторые из них, возможно, никогда и не откроются перед нами. Поэтому, если мы выскажем некоторые свои соображения относительно отдельных этимологий, не следует воспринимать это исключительно как погрешности исследования. Это лишь, так сказать, материалы для дальнейших размышлений. Рецензент, также несколько интересующийся проблемами этимологии топонимов, хотел бы поделиться с автором книги, надеясь, что они, возможно, в чем-то будут полезны ему.

Касаясь некоторых замечаний, прежде всего хотелось бы обратить внимание на список рассматриваемых в книге географических названий. Он довольно большой — в той или иной мере в нем объясняется 416 названий. Выбор названия в общем-то случайный: системности нет, в книге объясняются те названия, для которых имелся какой-то материал. Поэтому остались вне рассмотрений автора даже распространенные названия. В частности, можно было бы этимологизировать такие топонимы, как *Корак, Парат, Рутка, Сердыж, Пижма, Манага, Ноля, Свияга* и т. д.

Нам кажется, целесообразным было бы уделить больше внимания при составлении списка именно на те гидронимы, и не только потому, что они как наиболее древние названия труднее поддаются этимологизации, но и потому, что многие названия поселений так или иначе этимологически связаны с ними.

При этимологизации речных названий почему-то в книге не всегда принимаются во внимание марийские варианты. А они порою могли бы, наверное, натолкнуть и на новые размышления. Например, возникает вопрос, почему некоторые гидронимы на *-га* в марийском варианте оформляются с *-н (Какшан~Кокшага, Манан~Манага)*, а другие не получают подобного оформления *(Вӱтла — Ветлуга, Ронго — Ронга, Коньо — Конга, Йынгы — Юнга)*. Можно предположить, элементы — *га* здесь, возможно, разного или неодновременного происхождения, более детальное исследование этой особенности помогло бы пролить свет на их происхождение.

Некоторые этимологии, приведенные в книге, на наш взгляд, звучат не совсем убедительно. В частности, вряд ли можно сопоставлять гидронимы *Волга* с «ручьем, лужой» (стр. 36). *Яльчик* выводится из *ял* «деревня»+суффикс *-чак*. *Илеть* из *йеле+ть* (стр. 39) — как объяснить в таком случае возникновение *н* в марийском варианте *Элнет)* Несмотря на ироническое замечание, представляется все же неубедительным объяснение названия *Кичиер*. И, наконец, совсем неубедительно связывание названия *Моталмаш* с «местом для сбора черники» (стр. 56) и *Музывален* «тетерев спустился» (стр. 21).

Автор подробно объясняет происхождение гидронима *Ошла*. Выводит его из удм. *ош* «медведь»+*лей* «река» и считает, что оно обозначает «медвежья» (стр. 63). Такое объяснение не убеждает читателя в истинности. Правильно, что название это сложное. Второй компонент *ла<ляй* «река»,— безусловно, речной топоформант. Что касается компонента *ош*, то вряд ли медведь мог дать название реке, хотя бы потому, что это слово в те прежние времена являлось табу, но, с другой стороны, в марийской гидронимике нет ни одного аналога — «звериные» названия в ней отсутствуют. Нам кажется, здесь возможно другое предположение. Нельзя ли *ош* соотнести с фин. *aho*, которое Б. А. Серебренников связывает с мар. *ош* «белый»? Если это так, гидроним *Ошла* можно объяснить как «речка на поляне, лес-

ная речка, болотная река». В таком случае соответственное объяснение должны получить и названия *Ашламаш, Ошма.*

В книге встречаются места, где имена только называются, но никак не объясняются. Так остались по существу без объяснения названия *Звенигово, Кокшага, Паранька, Шудумарь, Шудугуж* (компоненты *Шуда~Шӱдӧ*), *Иштыра, Кирсола* (компонент *кӱр*), *Кундыш,* хотя они даются отдельной словарной статьей. Понятно, что некоторые из них очень трудно поддаются этимологизации, но, наверное, это обстоятельство — не причина для ухода от объяснения.

Не представляют, наверное, большой «тайны» названия типа *Волжск, Йошкар-Ола, Козьмодемьянск, Юрино,* хотя, им дано в книге довольно пространное объяснение.

Не очень убедительно звучат этимологии элемента *куж* в названиях *Кужмара, Кужнур,* в которых, по всей вероятности, данный элемент имеет общее происхождение и является тем же топоформантом, что и слово *Кож-вож,* т. е. *куж* «луговая речка», но в названии *Кужмара* элемент *куж* почему-то сравнивается с пермским «омут», а в названии *Кужнур* — уже «длинное поле». Аналогичное объяснение должно быть, очевидно, и у названия *Куженер.*

Элементу *куж (кож)~гуж* нужен дифференцированный подход, хотя генетически они, кажется, родственны. Если он является первым компонентом названия, то выступает тоже как название реки. В качестве второго компонента он же имеет значение «луг» *(Шудугуж, Варангуж).*

В книге очень часто автор обращает внимание на данные далеких языков, как мансийский, финский, венгерский и т. д., что на первый взгляд может создать впечатление неубедительности. Сопоставлений такого плана бояться не следует. Они могут выйти на верный путь, помогут воссоздать исчезнувшие слова марийского языка, ведь слова с аналогичным значением некогда могли существовать и в самом марийском языке, но впоследствии по различным причинам утратились. Это обстоятельство при этимологизации географических названий всегда следует иметь в виду.

Топонимика — наука сложная. Она способна выдержать сколько угодно гипотез. Поэтому и возникают часто различные толкования одного и того же названия. Можно не соглашаться или оспаривать некоторые этимологии и рецензируемой книги, однако данное обстоятельство ничуть не умаляет ценности прекрасного исследования И. С. Галкина. Небольшая книжечка содержит в себе огромную информацию о далекой, неписанной истории нашего края. Жаль только, что она выпущена небольшим тиражом и потому уже успела стать библиографической редкостью.

Хотелось бы пожелать автору, чтобы он не останавливался на этом и продолжил свои интересные исследования. Надеемся, что ученый порадует читателей еще одним новым исследованием о прошлом нашего края.

И. Г. ИВАНОВ.

СОКРАЩЕНИЯ

аз. — азербайджанский
авест. — авестийский
алт. — алтайский
араб. — арабский
бараб. — барабинский диалект татарского языка
башк. — башкирский
блб. — белебеевский говор
блт. — балтачевский говор
бр. — бирский говор
В. — восточное наречие
влж. — волжский говор
венг. — венгерский
вепс. — вепский
Г. — горное наречие
домпр. — домарийско-пермский
доперм. — допермский
др. тюрк. — древнетюркский
елб. — елабужский говор
иран. — иранские языки
й.-ол. — йошкар-олинский говор
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
кз. — коми-зырянский
коми перм. — коми-пермяцкий
коми уд. — коми-удорский диалект
кильм. — кильмезский говор
кирг. — киргизский
китай. — китайский
клт. — калтасинский
кнг. — кунгурский
крф. — красноуфимский говор
крым. — крымско-татарский
кумык. — кумыкский
Л. — луговое наречие
лб. — левобережный говор горного наречия
лив. — ливский
млм. — малмыжский говор
манс. — мансийский
мнз. — мензелинский говор
миф. — мифологическое слово
мишар. — мишарский
мшк. — мишкинский говор
мокш. — мокша-мордовский

морд. э. — эрзя-мордовский
монг. — монгольский
мрк. — моркинский подговор
нган. — нганасанский
нен. — ненецкий
нперс. — новоперсидский
ног. — ногайский
общеперм. — общепермский
общетюрк. — общетюркское слово
ойр. — ойротский
осет. — осетинский
пб. — прибельский подговор
перс. — персидский
саам. — саамский
сагай. — сагайский
санскр. — санскрит
СЗ. — северо-западное наречие
срн. — сернурский подговор
скиф. — скифский
тат. — татарский
тел. — телеутский
тоб. — тобольский говор
тур. — турецкий
турк. — туркменский
удм. — удмуртский
уйг. — уйгурский
урж. — уржумский говор
фин. — финский
хант. — хантыйский
чагат. — чагатайский (староузбекский)
чув. — чувашский
шор. — шорский
энец. — энецкий
эст. — эстонский
якут. — якутский

СОДЕРЖАНИЕ

И. С. Галкин. Древнейшие пласты марийской топонимики 5
В. В. Кузнецов. Названия населенных пунктов Моркинского района МАССР (историко-этимологический анализ) 25
В. Н. Васильев. Краткая история изучения марийских орнитонимов 51
А. С. Ефремов. Структура, историческое развитие некоторых марийских названий растений 62
А. Г. Иванов. О происхождении села Юрино и его названия 72
Л. Ш. Арсланов. Топонимия финно-угорского происхождения в районах западного и восточного Закамья Татарской АССР 78
Н. И. Исанбаев. Лингвогеографическая характеристика татарских заимствований в марийском языке . . . 89

Рецензии

В. В. Кузнецов. Ойконимия бассейна реки Илеть Марийской АССР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту, 1985. Рец. И. С. Галкин, А. Н. Куклин 106
И. С. Галкин. Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985. Рец. И. Г. Иванов 112

Список сокращений 118

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В. М. ВАСИЛЬЕВА

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 6

Редактор Т. А. Товашова
Обложка художника Р. Е. Янгильдина
Технический редактор Е. М. Данилова

Сдано в набор 02.12.86. Подписано к печати 26.03.87. Э-00866. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 6,55. Учетно-изд. л. 7,12. Тираж 500 экз. Заказ 747. Цена 70 к.

Республиканская типография Госкомиздата Марийской АССР, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.